Михаил ЛЕБЕДЕВ

ДО ТРЕТЬЕЙ ЗВЕЗДЫ

Часть первая
Дни затмения

И мне дано понять, что, пока я сижу в этой щели, меня не тронут. Даже ещё страшнее: меня отделили от человечества, как отделяют овцу от стада, и волокут куда-то, неизвестно куда, неизвестно зачем, а стадо, не подозревая об этом, спокойно идёт своим путём и уходит всё дальше и дальше…

Аркадий и Борис Стругацкие.
За миллиард лет до конца света

Глава 1
Стольников

Ночью приходил заяц. След рассказал, что пришёл он от Амосовых, покормился под двумя яблонями, сделал пару скидок и убежал вдоль забора к домику сторожа.

«Опытный, — отметил Стольников, прикуривая сигарету. — Там собаки на привязи. Развлекался. Петли, что ли, поставить?»

Знал Николай, что петли на зайца ставить не будет: лень, да и не ставил их никогда, только в старых охотничьих журналах читал, когда был молод, азартен и имел два ружья. Кроме ружей, имелась короткая компания друзей-товарищей, с которыми хорошо было выезжать на природу: весной на утку, а по снегу — на боровую дичь.

Зайцев тоже стреляли, бывало, но редко и по случаю. Зайца с гончей нужно брать, а собак у них как-то не завелось, хоть и мечталось. Да и привозили с тех охот по паре птиц в лучшем случае. В азарте отстоять зорьку, расстреляв впустую патронташ по редко налетавшим уткам, да у костра вечером посидеть под рюмку-другую-третью со старыми приятелями — вот и всё удовольствие. И немалое удовольствие, если вспомнить.

Жёнам только непонятное — ну да им и футбол непонятен был, и рыбалка, и давно заброшенный преферанс. Хорошо, что в природе всё правильно устроено, строго по гендеру. Мужчина в торговом центре, тоскливо сидящий с кучей пакетов у примерочной, столь же нелеп, как и женщина, выпивающая у костра разбавленный спирт под чёрный хлеб с салом.

Большинство друзей-товарищей остались в прошлом. Или вообще уже там, где все мы когда-нибудь будем. Старая горизонталка пылится дома в сейфе, не чищенная уже года три. А зря. Сюда бы её привезти: тихо на дачах пока, но бережёного бог бережёт — в прошлую эпидемию обошлось, да кто знает, как всё обернётся в нынешнюю. Зайцы опять же.

Стольников дошёл до мангала, выбросил бычок в припорошённые снегом угли.

«Скоро совсем завалит, — идя по тропке к избе, думал Николай. — Да и хорошо: лопату в руки, чтоб вспотеть, — и в итоге ровные дорожки с сугробами по краям, морозец под тридцать, натопленная изба — красота. Так и до Нового года дотянешь опять. Жена приедет, Лена порадуется уличной ёлке. Гирлянду бы проверить, игрушки посмотреть. Ладно, завтра».

В прогретой с вечера избе Стольников умылся, лениво наблюдая в зеркале надоевшее лицо в бороде с изрядной уже проседью, поставил в микроволновку вчерашнюю картошку с тушёнкой, достал из холодильника ополовиненную бутылку, включил телевизор. Плейбук за завтраком читать неудобно, проще полюбоваться официальной действительностью: под спирт нормально заходит, практически как новости из «Звёздных войн». Смешно и страшно — не у Джорджа Лукаса, понятно, а у Фёдора Земскова. Оба фантазёры. Жаль, что у второго фантазия обратилась реальностью. Но сколько осталось тех, кому жаль?

Николай налил рюмку, махнул под картошку с телевизором. Там красивая женщина рассказывала о гениальных инициативах вождя на совещании глав Двенадцати. Лидеры мировых держав обсуждали объёмы помощи странам третьего мира в наступившую эпоху пандемий. Земсков сообщил, что Четвёртая вакцина, разработанная в Новосибирске, оказалась ещё эффективнее Третьей. И что мы опять готовы её поставить Бразилии, Индии и Африке. Практически бесплатно. «Практически», — дикторка пыталась интонационно

совместить сердобольность к падшим и презрение к внешним осквернителям исторической памяти. Странно, но у неё получалось.
Остальные главы стран дюжины вежливо слушали с каменными лицами. Выпуск перешёл к новостям Первой Антидопинговой Олимпиады: в Иркутске корейцы выиграли парный заезд в буере, в Томске местная спортсменка стала победительницей по сольному дельтаплану. В общем медальном зачёте Россия оторвалась от Абхазии уже на тринадцать очков.
Стольников налил ещё рюмку за победу российского спорта. Про то, что Бразилия с Индией снова вежливо отказались от российской вакцины, вчера написали в плейбуке. Почти уже без издевательских интонаций: Россия опять в жопе со своей вакциной, а на Румынию обрушился снегопад. Стабильность.
Зазвонил телефон.
— Коля, баню топишь сегодня? — голос Рымникова завывал, как метельный ветер в печной трубе. Связь барахлила третий день.
— Затоплю, если хочешь.
— Давай, топи. Приедем с Лёхой через пару часов. Что привезти?
— Ага. Значит, масла подсолнечного, пива, сала можете взять, закуски какой. Мясо есть, сейчас замариную. Выпивку по личным предпочтениям. А так у меня имеется, ты в курсе.
— Понял. Всё, жди.

Вася Рымников никогда и никуда не добирался в оговорённый им самим же срок. Ещё в институте его прозвали Опоздайка. Как-то там он рифмовался с Апдайком в большой факультетской поэме, которая досталась им от старшекурсников. Фольклорная летопись факультета полулегально велась несколькими поколениями студентов. Прозвища, означенные в ней преподавателям, прилипали к ним намертво и вполне могли присутствовать на могильном камне наряду с фамилией и датой смерти: «Владимир Сергеевич (Таракан) Стрельченко. 19..–20..»
Стольников не знал, жив ли сегодня бывший завкафедрой русской литературы Таракан. Скорее уже нет, чем ещё да. Сколько ему было, когда они отметили в поэме его тараканьи усы? Лет тридцать пять, наверное. В принципе, мог бы и жить ещё, но Первая пандемия выкосила многих пенсионеров, да и Вторая была ничуть не заботливее. Так что вряд ли.
Не самый вредный мужик был этот Таракан — по слухам, едва ли не он сам зачинал памятник факультетской андеграундной культуры ещё в своём студенчестве. Сколько лет после нас просуществовала «Педагогическая поэма»? Неизвестно. Время менялось медленно, но необратимо. Может, и сейчас она хранится на каком-то забытом нелицензированном носителе, кто знает. Ябпочитал, как говорили когда-то в свободных интернетах, да кто ж тебе даст.
Николай достал из холодильника добрую часть свиной шеи, порезал на порционные куски в пол-ладони, слега отбил тыльной стороной лезвия тяжёлого ножа, щедро посыпал специями, купленными на рынке у знакомого узбека, добавил лука и ломаного лаврового листа, крепко перемешал мясо в кастрюле, накрыл крышкой. Никакого, прости господи, уксуса, сухого вина или кефира. Мясо должно быть мясом, а не сопливой декадентщиной. Рубленый натурализм Маяковского против унылого акмеизма Ахматовой. Так победим.
Почему-то тогда все они исповедовали Маяковского. Лёшка Куницын однажды прямо на лекции сцепился с Тараканом, который недоумевал, как можно себя чистить под Лениным? Ясно, что в метафорах Лёшка понимал чуть более вялой весенней мухи, кружащей в аудитории, но спорил яростно, напирая на революционность формы, а не содержания. Таракану спор с безграмотным неофитом быстро надоел, и он отправил Куницына в коридор проповедовать птицам и первокурсникам.
Никому уже не интересен Маяковский. Все переболели чужими и своими стихами, выросли из возраста и времени надежд, когда рифма обнажала и уточняла мысль, не доваренную прозаической частью организма. Когда строчки в столбик выплёскивали смыслы, бродившие внутри тебя и снаружи тебя. Тебя и других.

Хорошая книжка получилась у Лёшки — единственного из нас, кто решился предъявить публике свои пьесы, раз и навсегда прояснить, графомания это или нечто большее. Оказалось, что нечто большее, если верить паре благожелательных столичных критиков. Но мы и без них это знали, и Куницын знал, но у него к тому времени намечалось слияние с поглощением конкурентного бизнеса, которые не оставляли времени и места для каких-то там пьесок. Кончился бизнес закономерным итогом. Но хоть книжка осталась.
Так-то у всех что-то осталось нестыдное в анамнезе: сборник драм и комедий, либеральная газета, политический опыт. Юность нестыдная была, молодость, любовь какая-никакая. Грех жаловаться, в общем. Итог не очень хорош, понятно, но у кого он сегодня хорош из поколения, потрёпанного дарованной свободой и закатанного в угрюмость нынешнего бытия?
До приезда гостей, по прикидкам Стольникова, оставался час. Он наколол на щепу полено, оторвал пласт бересты и разжёг мангал. Баню решил затопить позже — всё равно вначале за стол, а там уж как пойдёт. Открыл плейбук, сделал запись, закрыл.

Старенький «Фольксваген» Рымникова прибыл на удивление почти в оговорённый срок — то есть с опозданием минут на пятьдесят. Из тёплого салона, застёгивая куртку, выбрался под лёгкую метель Алексей. Василий, весело сверкнув очками, вынул из багажника позвякивающие пакеты с городской снедью. Обнялись.
— Чего задержались-то? — Николай подхватил у Рымникова пару пакетов и первым двинулся по тропке в сторону дома.
— Ты Опоздайку не знаешь? — ответил в спину Куницын. — Вначале он ко мне на полчаса позже приехал, потом потащил зачем-то на Хитрый рынок, хоть по пути магазинов навалом. Чисто Земсков.
— Я опаздывать начал, когда вождя твоего никто в лицо не знал, — Василий стряхивал снег с ботинок, долговязо разуваясь под вешалкой. — Наговариваешь ты на меня, Лёшенька. Тапки где, Коля?
— Вон, мои возьми. Я в валенках пока, всё равно сейчас идти дрова в баню подбрасывать. Давайте, чего у вас там из холодных закусок, на стол. И напитков. Я сейчас картошку с мясом метну.
Поляну накрыли быстро, по-мужски: помидоры пополам, огурцы повдоль, соль отдельно. Сало толстыми ломтями, хлеб, мясо и рюмки. Вроде всё. А то салаты какие-то ещё, прости господи. Выпили за встречу: парни закупились акцизной водкой, потратились. Потом ещё по одной под горячее.
— Ладно, пойду баней займусь, — Николай вышел, впустив в избу небольшое облако холодного пара внешнего мира.
Рымников включил телевизор, там в записи вчерашний «Спартак» мучился с «Росгвардией». Результат известный — 1:1.
— Ты ему скажешь или я? — спросил Василий.
— Ну, давай я.
— Сразу надо было. Как вот теперь?
— Как-нибудь. Язык не поворачивался. Да и какая разница.
Сидели молча, наблюдая, как «мусора» возят «мясных». Стольников вернулся, сбросил у печки охапку поленьев.
— Через двадцать минут готова будет. Давайте ещё по одной.
— Давай, — Василий наполнил рюмки, посмотрел на Куницына.
— Предлагаю за Лену твою, — в большой мужицкой лапе Алексея хрусталь смотрелся нелепо. — Взяли её вчера.
Николай выпил на автомате, и вместе с холодной водкой падала в судорожный желудок единственная спасительная мысль «врут, розыгрыш». И тут же растворилась в неизбежном понимании «не врут». А потом постоянно всплывало рефреном «вот тебе и Новый год», «вот тебе и Новый год».

— Как? — вопрос не в смысле риторики и эмоций, а чисто технический. «За что?» давно уже спрашивать было бессмысленно — хоть Бога, хоть человеков. Оставалась конкретика.
— Вроде бы дома поздно вечером, как обычно у них, — Алексей говорил спокойно, даже, казалось, флегматично. — Блокировка, обыск, арест. Юра рассказал на рынке.
— Торгует?
— А что ему остаётся? В четырёх стенах сидеть?
— Да понимаю я, это так.
Рымников налил всем, поёрзал на стуле, выпил.
— Позвонил одному вхожему. Может, завтра-послезавтра расскажет чего.
— Хорошо.
Куницын поднял рюмку:
— За Лену. Как-нибудь всё... От меня тут толку, сам понимаешь.
— Понимаю. Давай.
Чокнулись. В телевизоре футбол сменился конкурсом патриотической песни «Голос Родины». Юноша из Рязани чистым лемешевским тенором пел что-то про берёзовый сок. Очень душевно пел, закрывая глаза от переполнявших радостных чувств. Нет, не от чувств — просто слепой от рождения. Жюри было в курсе.
— Ладно, шагайте в баню, — Стольников выдал приятелям из холодильника две бутылки пива. — Я не пойду.
Рымников с Куницыным понимающе приняли пиво и пошли парить сочувствующие тела. Николай выключил телевизор и попытался отключить эмоции, чтобы найти выход из давно и тоскливо ожидаемого провала надежды на лучшее. Выхода не было — он знал — просто следовало зацепиться за какую-то реперную верёвку, чтобы не рухнуть в пропасть конечного финала. Суицидальная статистика в России била все европейские рекорды последнего десятилетия: ролики с убедительной статистикой на этот счёт во множестве можно было увидеть в плейбуке — не в телевизоре, понятно.

Леночка родилась третьего января, и с тех пор Новый год у Стольникова длился три дня, независимо от срока назначенных правительством каникул для трудящихся. «Ребёнок-праздник», — называла её Юля, первая жена: и за дату рождения, и за яркий, искристый, смешливый характер.
После развода ребёнок-праздник оправдывал свой семейный титул во время еженедельных встреч с Николаем. Леночку смешило всё: белки в парке, мороженое в кафе, звонок телефона, лужа во дворе. Дома они вдвоём бесились так, что соседи укоризненно качали головами при встрече.
Потом Стольников женился на Рите, а у Леночки появился отчим Юра, Юрий Пермяков, ведущий инженер на заводе строительных пластмасс, ныне пораженец. Ребёнок-праздник умудрился всех примирить и подружить вокруг себя. Пару раз и Новый год встречали семьями («вот тебе и Новый год»), а уж день рождения Леночки — обязательно.
Дочь росла, Николай писал смелые статьи в своей газете, но ощущение праздника стиралось то ли взрослением Лены, то ли тускнеющим временем. Стольникову долго хотелось верить в то, что время здесь ни при чем — просто ребёнок-праздник вырос во взрослую красивую девушку, для которой друзья и свойственные возрасту влюблённости закономерно стали важнее отца. Наверное, и это тоже, но вместе со взрослением дочери менялся мир вокруг, и менялся много быстрее, чем Лена.
Николай точно знал, когда ребёнок-праздник окончательно исчез, превратившись в самостоятельную единицу взрослого человеческого мира. Юля умерла, когда дочери исполнилось двадцать. Умерла внезапно от обычного инфаркта, задолго до всей этой печальной нынешней вирусной чехарды. На похоронах — тогда ещё можно было хоронить по-старому — Лена была окаменевшей, как мёрзлая могильная земля. Весной земля оттаяла, могила обычным образом просела. Стольников с Юрой могилку поправили, а Лену поправить до конца так и не смогли.

Рита править её не могла и не хотела, просто приняла Лену новую, жёсткую, сильную. Приняла и отогрела. Смогла то, что не получилось у Стольникова. Рите было проще, она не знала ребёнка-праздника до знакомства с Николаем, не могла помнить ту маленькую белокурую бесятину, которая была и осталась лучшим в жизни Стольникова.
А жизнь катилась привычной колеёй: Николай дорос до главного редактора, у Юры на заводе карьера тоже ладилась, Рита наконец защитила кандидатскую по теме истории брежневизма. Но вокруг уже постепенно что-то рушилось, осыпалось под давящим грузом тяжёлой всеобщей могильной плиты. Официально осуждаемая, но фактически возрождённая цензура делала работу Стольникова всё более бессмысленной, бизнес Куницына благополучно прибрали к рукам новые люди с холодными глазами и правильными удостоверениями, депутатство Рымникова благополучно завершилось после команды сверху на зачистку местного политического поля.
Первые пораженцы появились вскоре после Новой Конституции. Никто не знал принципа отбора: человек жил обычной жизнью, растил детей, ходил на службу, смотрел сериалы, но однажды к нему приходили люди в неприметной одежде, предъявляли постановление комитета по правам граждан, проводили ленивый обыск, навечно блокировали доступ к интернету и мобильной связи, знакомили под роспись с положением, исключающим возможность пораженца избирать и быть избранным в любые органы власти, вежливо прощались и отправлялись дальше по своим строгим государственным делам.
Поначалу включилось возмущение плейбучной общественности и сдержанное осуждение западных правительств. Но Западу лидер нации напомнил о Великой Отечественной и Первой пандемии, а плейбучным активистам и прочему населению телевизор рассказал, что незначительное поражение в правах мизерного количества не вполне сознательных граждан направлено на повышение качества избирательный системы. Что же касается самих пораженцев, то они остаются в общем и целом такими же россиянами, как и остальные. Иметь свои взгляды на окружающую действительность волен каждый, но нужно иметь и мужество понимать, что эти взгляды категорически не разделяет подавляющее число жителей страны, и спокойно принимать факт отлучения от социальных сетей. Деды не знали интернета, а сломали хребет фашистской гадине. Вот и всё, вот и не надо тут. Живите себе дальше, работайте, плодитесь и размножайтесь. А не хотите — пойдёте этапом в исправительный лагерь согласно полученному статусу, доказывать своим трудом полезность и преданность обществу.
«И животноводство», — шутил тогда из Стругацких под телевизор Куницын. Через пару месяцев Лёшку поразили в правах. Потом Юру и вскоре Леночку.
Лена к тому времени давно жила отдельной взрослой жизнью — снимала квартиры на городских окраинах, регулярно меняла работу. То пропадала на несколько месяцев, то объявлялась неожиданно и могла несколько дней жить у Стольниковых. Леночка с Ритой подолгу за бутылкой вина обсуждали романтические отношения дочери с мужчинами, выгоняя Николая с кухни. Он не возражал, был счастлив присутствию Лены в доме, её отношению к жене как к подружке.
Дочь уходила, и тогда Рита рассказывала то, что Стольникову знать следовало. Не всё, конечно, но он и этому был рад. Через Риту же передавал невеликие деньги, когда Лену поразили в правах. Официально вынесенный приговор не считался основанием для увольнения с работы, но любой руководитель понимал политику партии и правительства правильно, и рекрутинговые агентства понимали, да и сами пораженцы. У мусорных баков поздними тёмными вечерами выстраивались очереди из стеснительных людей. Некоторые держали за руку ребятишек.
Юра, потеряв работу, поначалу, как нормальный русский человек, запил. Лена жалела отчима, но навещать его перестала. Он иногда приходил к Стольниковым относительно трезвым, жадно глядел, как Николай разбавляет спирт, и, стоило Рите выйти из кухни, тут же умоляюще подмигивал Стольникову и показывал дозу промежутком между большим и указательным пальцем. Николай жалел, наливал. Потом ужинали, разговаривали о Лене и о

жизни в целом, затем Юра вдруг резко отказывался от очередной налитой рюмки, вставал и нетвёрдой походкой уходил в ночь.
Через полгода сумел выйти из цикличного алкогольного состояния. Стал разводить кроликов на даче, но как-то с животноводством у него не заладилось. Но завёл в тот период знакомство в мясных рядах Хитрого рынка и теперь торговал там бараниной фермера из отдалённого района области. Тот честно с Юрой рассчитывался раз в месяц, что для пораженца могло считаться достижением вершины успеха. И с Леной отношения у него наладились, и зарабатывал теперь он в иной месяц больше, чем Николай своими внештатными публикациями, даром что пораженец. Юра, выходит, и узнал первым об аресте Леночки.

— Подниметесь? — больше для порядка спросил Николай, когда Рымников остановил машину возле подъезда.
— В другой раз, Коля. Держитесь там, — извинительно пожал плечами Алексей.
— Звони. Рите привет, — подтвердил Рымников.
— Ладно, пока.
Стольников сел на лавочку, прикурил сигарету. «Вот тебе и Новый год», — рефрен не отпускал. «Знает Рита или ещё нет?» — это был второй рефрен. Докурил, поднялся на лифте, думая о том, что сегодня воскресенье и жена должна быть дома.
В прихожей на комоде под зеркалом, куда Стольников всегда бросал ключи от квартиры, лежал сложенный вдвое лист бумаги, на котором было написано Ритиным почерком: «Коле». Он понял всё ещё до того, как зашёл в комнату и увидел висящие над полом ноги Риты в осенних сапогах, которые они вместе покупали в конце сентября.

Запись Стольникова в плейбуке. Статус «Только я».
«Хронология года.
Март: заболел отец. Май: Третья пандемия. Июнь: уволили с работы. Сентябрь: дочь занесли в пораженцы (или пораженки, как там по новой этике?). Октябрь: умер отец. До конца года ещё три недели. Всего три недели. Ничего, как-нибудь.

ПЛАН
По привычке кончается год,
по привычке закуплены свечи,
и коньяк, и болгарское лечо,
шпроты, мясо, что на антрекот.

По привычному ходу вещей
ближе к празднику строятся планы:
уничтожить в себе графомана,
больше кушать сырых овощей,

быть воздержанней в резких речах,
матом не разговаривать в среду,
одержать небольшую победу
над собой в разных там мелочах,

помириться со старым дружком,
поменять телевизор на даче,
стать добрее, мудрее, богаче
и пешком на работу, пешком!

Поумерить себя в литраже
алкоголя в конкретное тело,

больше спать... Свёрстан план до предела.
Только тромб шевельнулся уже».

Глава 2
Лена
— Шабашим, девки, — бригадирша Вера всегда точно чувствовала время. — Покурим до гудка минут пять, норму вроде выполняем.
Опиловщицы отложили напильники, потянули из карманов роб пачки сигарет. Два поддона рядом с обитым металлом длинным столом с прикрученными тисками тускло отсвечивали ровными рядами корпусов манометров марки А-120.
Подкатил на погрузчике неунывающий Пашка Окунь, бывший школьный завуч. Опустил поддон с новым заделом работы, хохотнул:
— Пламенный привет от литейщиков, тётки! Опять тропики, везёт вам.
— Тропики — это хорошо, Окунь, — согласилась Вера. — Забирай продукцию, ОТК проверила.
— Нормально вы талонов нынче поднимете, — карщик запустил вилы погрузчика в нижний поддон, поднял, развернулся. — Шампанского много за обедом не пейте.
— Обрыдло уже твоё шампанское, — дежурно отшутилась бригадирша.
Весёлый Окунь покатил в сторону покрасочного цеха.
«Хорошая смена, талонов двадцать к вечеру выйдет, — лениво прикинула в уме Лена, докуривая «Приму». — Двадцать талонов — десять пачек сигарет в обменнике. Столько и не нужно, ещё и на тампоны останется. Хорошо, что тропики второй день идут».
Опиловщицы не знали, что такое «тропики». Понятно, что А-100 — маленький манометр, А-120 — большой, на котором и больше подтёков металла после литейного цеха, которые стачивала напильниками бригада. Манометр в тиски — пройтись грубым драчёвым, подобрать основные дефекты личнёвым, шлифануть бархатным. Пять минут — и корпус готов к последующей покраске. И опять драчёвый, личнёвый, бархатный, драчёвый, личнёвый, бархатный, драчёвый, личнёвый, бархатный. Работа как работа. Талоны опять же — пусть не такие, как у револьверщиков с фрезеровщиками, но жить можно.
А иногда в работу привозились манометры с фиолетовым клеймом «экспорт» или с жёлтым «тропики». Первые оценивались вдвое к обычным, вторые — втрое. Считалось, что к такой продукции относиться нужно более тщательно, но ОТК не шибко придиралось, процент возвратного брака был примерно таким же, как обычно, а талонов за ту же работу прибавлялось. На какой экспорт, в какие такие тропики могли отправляться эти манометры, изготовленные по древним советским технологиям, Лена не представляла, да и представлять не хотела. Талонов на круг выходило больше, а другой валюты на посёлке не было и быть не могло.
Гудок к обеду накрыл гулкий шум механического цеха. Бригада побросала окурки в ящик с пожарным песком и потянулась в сторону раздевалки, где в металлических шкафах висели зимние бушлаты. Столбик термометра в трудовом поселении Звезда-3 сегодня показывал минус 32 градуса.

Когда смена уже подходила к концу, на опиловочный участок заглянул мастер. Дед Никодимыч одышливо осмотрел пару корпусов с поддона готовой продукции, подошёл к Лене: «Стольникова, к начальнику цеха». Девки нахмурились — дневной план бригаде никто не отменял, — но смолчали: каждую могут дёрнуть к цеховому, и не грамоту вручать, а на неприятный разговор. Приятных разговоров с исправленцами у граждан начальников не бывает.
— Садись, Стольникова, — начальник цеха тонким пальцем ткнул Лене на стул для посетителей, кивнул мастеру на соседний. Лена села, с рукавов робы на полированный стол посыпались крупинки металлических опилок. Никодимыч, деликатно кряхтя, устроился напротив, глянул в глаза коротко, непонятно.

— Как она? — спросил начальник у мастера. — Кури.
— Старательная, план выполняет, — Дед Никодимыч достал из кармана пачку «Космоса», закурил сам, протянул сигарету Лене, щелкнул зажигалкой. Пальцы у опиловщицы чуть дрожали. — Замечаний нет.
Начальник кивнул, придвинул к себе бумагу на официальным бланке, надел очки. Он был сер и невзрачен до неприметности: тень отца Гамлета на его фоне казалась бы рыжим цирковым ковёрным.
— В вашу секцию сегодня заселена Лечинская Нина Яковлевна, 37 лет, русская, статус общий, — в глаза цеховой не смотрел, смотрел в документ. — На соседнюю с тобой койку. Работать станет на зенковке, ваш участок. Приказано назначить тебя опекуншей. Условия знаешь — год минус.
— В отказ, — Лене хватило пяти секунд на принятие решения.
Начальник поверх очков глянул на опиловщицу, затем на мастера. Никодимыч пожал плечами — его мнения заранее никто не спрашивал: у начальства свои оперативные дела, зачем-то сплетённые с производством. Цеховой был в звании майора, а мастер — в общем статусе, до завершения срока которого оставалось три месяца, и прожить их хотелось без контактов с органами внутренней опеки.
Начальник цеха снял очки, положил бумагу в отдельную папку, убрал её в стол. Нервно зевнул, заметил Лене:
— Смотри, твой выбор, тебе жить. Год плюс, сама понимаешь. Завтра опека выпишет. Свободны.
Спустившись по лестнице к курилке у больших металлических ворот механического цеха, Никодимыч сказал:
— Не спеши, покурим, — распечатал новую пачку сигарет, угостил Лену, пачку крутил в руках. — Сколько оставалось, полтора?
— Год и восемь.
— Терпи. Через неделю свыкнешься.
Лена молчала, курила. Годом больше, годом меньше. Она давно решила не загадывать про свободу: никто не знает свой срок, кроме того, кто этот срок выписывает — не на земле, выше. А срок заключения внутри отмеренного земного срока — всего лишь разновидность способа существования: кому-то на премьеру в оперу ходить, кому-то в зоне стороной оперов обходить. Кому как повезёт. И какая ещё, нахрен, свобода? Кто её видел? Дед с родителями застали вроде бы, рассказывали что-то такое. Отбывает, поди, отец-то на какой-нибудь Звезде-6. Маму с дедом зона обошла, не успела принять. Остались на свободе, все там будем.
— Пойду я, Никодимыч, — голос Лены звучал ровно. — Смена кончается, построение скоро.
— Ступай, — мастер сунул опиловщице только что вскрытую пачку «Космоса».
— Спасибо.
Сменный мастер зоны-поселения Звезда-3 Дед Никодимыч грузно шагал по механическому цеху к своей стеклянной рабочей будке и думал о том, что ещё лет восемь-десять назад он бы вполне мог пригласить эту симпатичную Стольникову в ресторан с дальнейшим привычным ходом вещей. А тусклого начальника цеха в том же кабаке прополоскать головой в унитазе. Потому что был тогда нынешний майор вохры молодым пехотным лейтенантом после общевойскового училища, а Геннадий Никодимович Конев — совладельцем и генеральным директором крупнейшего сталелитейного холдинга на Урале.
Но всё сложилось как сложилось, и нынешний Дед Никодимыч, исправленец общего статуса с третьим допуском доверия, отбывал срок ровно, выполняя поставленные начальником цеха производственные задачи, смысла которых унылый мудак, вовремя сменивший военную масть на ментовскую, не понимал даже приблизительно. Оттого где-то глубоко внутри Никодимыча шевелилось к цеховому презрение профессионала.
А Лена Стольникова напомнила ему жену в молодости сразу, как только пришла с воли на опиловку полтора года назад. Та тоже, уверен был мастер, отказалась бы от сотрудничества с опекой и тоже потянула бы по строптивости лишний год. Жаль.

Гудок окончания смены застал Лену на полпути к опиловочному участку. Развернулась, пошла в раздевалку чистить блестящую въевшимся металлом робу жёсткой одёжной щёткой: в жилом корпусе стирка была разрешена два раза в месяц, и если надевать бушлат сразу на рабочую одежду, то через неделю опилки станут его неотъемлемой собственностью: бушлат же не постираешь. Таким важным мелочам свежих, только с воли, опиловщиц в бригаде учили сразу. Кажется, давным-давно, а всего-то полтора года прошло.
Подтянулись девки, ничего не спросили: без злобы, просто не принято интересоваться результатом вызова к начальству — вдруг вынудишь человека врать да выкручиваться. «Не по понятиям», — говорила опытная Вера, однако тёртых жизнью тёток в бригаде за всё время Лениного срока больше не появилось, потому Лена оставила за собой право на определение «не принято». Такого «не принято» здесь было немало, но правила поведения усваиваются быстро. Никому не хочется быть вызовом обществу, фриком, выражаясь по-старорежимному.
Бригадирша сама нарушила общественную норму:
— В порядке?
— Да.
Кивнула, отошла. Это ничего, Вере можно. Это приемлемо, так почти принято, если бригадир и если только этим и ограничишься. Иначе недолго решить, что стучишь на опеку.
Собрались, оделись, вышли на мороз, построились по бригадам. Вохра прошла вдоль рядов, прозвучала команда «Механический, пошёл!». Бригады разными по численности колоннами по двое зашагали к открытым заводским воротам, за которыми их пути-дорожки расходились: у храма большая часть исправленцев сворачивала налево, в мужскую жилую зону, меньшая — направо, в женскую. На стоянке у проходной автобусы ждали вольных, грея сибирскую зиму выхлопами моторов, кутающими окружающее пространство в тяжёлую вату тёплого тумана. В ближнем к воротам автобусе сидел начальник механического цеха майор Точнин, читал плейбук, в котором он был зареген под никнеймом Гордей Точный.
В своей, женской части городка бригада дошагала до обменного пункта. Мороз не мороз, а отоваривать талоны лучше каждый день. Входили в стылый, но плюсовой обменник по двое, согласно режимному распорядку. Отоварившиеся по выходе из помещения вновь строились в жидкую колонну, суча валенками в ожидании дальнейшего движения.
Мимо не спеша проходил патруль. Овчарка лениво гавкнула в сторону опиловщиц, мусора в грязно-белых полушубках свернули к обменнику, пошли вдоль строя. Старший, пожилой бурят из местных, опустил овчинный воротник, вглядываясь в зябкие женские фигуры, отцепил от пояса пээрку. Прошёл почти до конца колонны и, когда показалось, что в этот раз пронесёт, выдернул из строя тётку Олю, стоявшую в паре с Леной, с коротким замахом ударил два раза резиновой палкой с выдохом: «На, сука!» В снег упал кулёк с пряниками, собака сорвалась в захлёбывающийся лай, инструктор потащил её, взвизгивавшую, дальше, в метельный снег по зоне.
Тётка Оля собрала пряники, рассовала по карманам, те, что не вошли, сунула Лене. Та спрятала три пряника за пазуху — в жилухе отдаст. Магазинные пакеты для обменного товара исправленцам были запрещены.

Жилая секция опиловки вмещала двенадцать коек, по количеству членов бригады и приданных зенковщиц. По меркам городка, более чем комфортно, даже уютно. Снимая бушлат у входа, Лена сразу увидела новую соседку, лежащую на соседней с Лениной кровати, вспомнила: Лечинская Нина. Чернявая, стройная, с продублённым морозом лицом. С ней она будет теперь делить тумбочку и одёжную стойку.
Подошла к кровати, села. Соседка тоже отложила книгу писателя Проханова, вежливо оторвала голову от подушки, села напротив. Разговор первым начинает входящий в секцию, так принято.
— Лена.
— Нина.

— С воли?
— С двойки.
Подошла бригадирша, цепким взглядом отрентгенила свежую, подсела на кровать к Лене:
— Скинула серый?
— Да, теперь на общем, без доверия.
— Как там, на Звезде-2?
— Терпимо. Не чёрный статус, слава богу, не пятёрка. Обычный лесоповал. А тут рабочая зона — завод вроде?
— Завод. Кем записали?
— Зенковщицей.
— Умеешь?
— Не знаю, ни разу не пробовала.
— Шутишь, это хорошо. Мы тут мирно живём — все в одном статусе. На доверии я и ещё двое, но это так, случайно. Опекунш нет. И, надеюсь, не будет, да?
— Не будет.
— Вот и славно. Ладно, обживайся. Ленка тебе про работу расскажет.
Лене свежая понравилась сразу после отсылки к анекдоту «Изя, вы умеете играть на рояле?» — «Не знаю, ни разу не пробовал». Он как-то сразу всплыл из раннего детства, из давно забытых посиделок отца с друзьями.
— Там просто всё: привезут корпуса из литейного с отверстиями, будешь эти отверстия зенковать — ну, рассверливать под крепёж — на станке с вертикальным сверлом. В общем, завтра за полдня научишься. По нормировке не так чтоб богато, но без талонов не останешься. Куришь?
— Бросила
— Тем более. Как на двойке с вечерним воспитанием?
— Программа «Страна и президент».
— Как и везде. Пошли, три минуты осталось.
Воспитательный блок этажа размещался в конце коридора. Расселись побригадно, старший прапорщик-воспитатель дождался по часам времени начала передачи, включил телевизор. После заставки на экране появилась телеведущая со стареющим кукольным лицом и холодными официальными глазами. По женским рядам прокатился негромкий вздох разочарования: параллельный ведущий Евгений Белкин имел определённый успех в сексуальных фантазиях исправленок. Даже сокращённая форма «Е. Белкин» была достаточно похабна для предсонной эрзац-эротики, если пренебречь точкой после «е». Но сегодня был не их день.
Ведущая бубнила про новые сверхмощные ракеты «Горизонт-М», Фёдор Земсков ставил свечку в сельском храме и ратовал за исконную многодетность, передовики IT-отрасли докладывали о перевыполнении плана цифровизации. Лена записывала в личную тетрадь для конспектирования, выдаваемую каждый вечер прапорщиком-воспитателем. Рядом Нина что-то черкала карандашом в своей.
Лена неаккуратно бросила взгляд на записи соседки и сразу же споткнулась о поднятую бровь Лечинской. Всё верно, так не принято, косяк зафиксирован и учтён на будущее. Что ж. И тут же Нина чуть подмигнула и повернула тетрадь Лене. Там профессиональными штрихами был набросан президент Земсков. Даже не столько сам президент, сколько его длиннющий половой орган, который несли на своих натруженных плечах дикторша, министр обороны и известный актёр-государственник. Было заметно, что для них это непомерная честь и приобщение к сакральному.
Лена сумела задавить смех, округлила глаза и едва заметно покачала головой. Лечинская чуть кивнула, отогнула скобки, скрепляющие тетрадку, беззвучно вытащила лист с рисунком, свернула его несколько раз и засунула куда-то под свитер.
«Нет, опека такую санкцию не выдаст, их самих за подобную провокацию сразу примут, — прикидывала Лена Стольникова под новости спорта. — Просто она совсем без башни —

первый день на посёлке, меня не знает вовсе. Психическая. Но рисует классно».
На прогнозе погоды прапор завершил трансляцию итоговой программы новостей. До выключения света в корпусе оставалось полчаса. И все эти полчаса рисунок Лечинской передавался от койки к койке. Благодарная публика не откликнулась на сатирическое творчество заразительным хохотом. Благодарная публика щурила в удовольствии глаза, улыбалась, показывала издали большой палец. Свежая вписалась в бригаду за один вечер.
И всё обошлось, поскольку днём Стольникова пошла в отказ, получив год плюс, а никого другого органы опеки найти на стук не успели.
Горе и радость везде бродят рука об руку, даже на Звезде-3.

Запись Лены Стольниковой в тетради для конспектирования воспитательного блока второго этажа жилого корпуса № 4 женского городка трудового исправительного поселения Звезда-3.
«Лети, ракета «Горизонт-М», лети к дальним странам, морям и океанам. Неси ясный и светлый боезаряд людям планеты. Донесём свою историческую память и безграничную духовность до диких племен Амазонки и беднейшего крестьянства Тибета! Гори, гори ясно, чтобы не погасло! Ура».

Глава 3
Лечинская
В регистратуре очередь двигалась медленно, не без локальных боестолкновений между страждущими. Мимо Нины в сторону окошка быстро прошла женщина, за руку которой держался пацан лет семи. Впереди прямо перед ними от очереди отделился квадратный мужик, загородивший бугристой спиной дверной проём в финальное помещение регистратуры.
— Мне только время уточнить! — сразу взяла повышенный тон мамаша. — Я с ребёнком!
Спина не отреагировала, справедливо полагая, что объясняться с проходимками не мужское дело. Очередь взорвалась женскими голосами: всем уточнить! у всех дети! нашлась самая умная! с утра стоим, а она тут!
Бойкая мать отвечала поначалу резко и с вызовом, но уже было понятно, что финт не пройдёт, тем более что ребёнок индифферентно ковырял в ухе, вместо того чтобы громко пролитой слезинкой подтверждать, что никакой скандал её не стоит. Когда стороны исчерпали аргументацию, бабушка, стоящая в двух человеках перед Ниной, подвела итог дискуссии безупречным: «Ишь, блядишша кака». На том и разошлись.
Через час Нина наконец просунула в окошко направление и паспорт. Регистраторша проверила документы, протянула планшет: «В красной рамке». Лечинская привычно откатала в нужном месте пальцы правой руки. Сотрудница поликлиники отправила отпечатки в базу, затем вернула паспорт с талоном: «Третий этаж, кабинет семнадцать».
Нина поднялась по лестнице, села на банкетку у двери, дожидаясь вызова. Давешняя бабка начала было мемуар про то, как ей хорошо и уважительно делали Первую вакцину, но зелёный сигнал над кабинетом отправил старую на процедуру. Через пять минут подошёл черёд и Лечинской.
Пожилой, усталый к концу рабочего дня медбрат забрал талон, сверил данные паспорта с записью в компьютере: «Вторую вакцинацию пропустила, значит. Ничего, не страшно. Третья закроет иммунный пробел, всё будет в порядке. Рукав на блузке поднимаем». Укол поставил умело, не больно: «Всё, будьте здоровы. До свидания».
Внизу у регистратуры очереди уже не было, уборщица протирала стены вестибюля дезинфицирующим раствором. Нина напоследок, как в детстве, глубоко вдохнула прохладный воздух поликлиники и вышла в душное марево городского асфальта.

День был выходной, законный. Что-что, а указ о нерабочих сутках вакцинирования соблюдался в стране строго. Не День Победы, конечно, к которому граждане готовились целый месяц, чтобы провести священный праздник на обязательных парадах, митингах,

уроках мужества и минутах молчания — кому куда назначит повесткой управа, — но тоже вполне себе отдыхающий, только не государственный, а твой личный. Подарок правительства гражданину своей страны за сознательность в исполнении Приказа Минздрава. Если бы не Приказ, подкреплённый выходным, если бы не штрафработы за его нарушение, так бы и ходили до сих пор по улицам в масках да перчатках. Очень комфортно в такую жару, ага.
У трамвайной остановки в глубине сквера стояло под старыми клёнами несколько пластиковых столов возле легендарного доисторического кафе «Поплавок», славного ещё с советских времён своими чебуреками, — излюбленное обеденное место таксистов и ментов. На стоянке виднелись три жёлтых таксомотора, за столиками никого не было, и Нина направилась в плотную кленовую тень. Однако листва от вечерней жары не спасала, пришлось устроиться внутри кондиционированного «Поплавка».
В пустующем кафе официантка подошла сразу. Нина заказала чёрный кофе без сахара и мороженое в вафельном стаканчике. Прислушалась к организму: кроме остаточной боли от инъекции, никакой настораживающей симптоматики не ощутила. Понятно, что количество случаев тяжелых осложнений после вакцинирования много больше официально декларируемого одного процента, но попасть даже в него никому не хотелось. Всё же лучше иметь благоприобретённые иммунные тела, чем их не иметь.
Третья Эпидемия — не шутки, не та Первая, над которой издевались в своих плейбуках вакцинодиссиденты. Теперь не до шуток, теперь всё всерьёз. Вторая Пандемия привела к производству в Китае и Индии поездов-крематориев, спрос на которые в мире едва не сравнялся со спросом на вакцины. В России, слава богу, не пригодились пока, а в Америке покатались от Великих Озёр до Техаса и от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса. Не успели управиться со Второй, как подкатила Третья: вирус мутирует гораздо агрессивнее, чем предполагалось изначально. По крайней мере, учёные утверждают, что найден общий принцип эпидемиологической блокады и что нынешняя Пандемия не превратится в очередное моровое поветрие. Ну так они и три года назад это утверждали. Мы мирные люди, но наш кремопоезд стоит на запасном пути, да.
За окном подошедшая компания студентов сдвинула два столика, заказала пиво. Молодость всегда беззаботна и всегда бесстрашна. Нина вспомнила, как сама встречалась здесь же с друзьями после занятий, с тем же пивом, с теми же чебуреками — благо «Поплавок» в одном квартале от корпуса худграфа. Вот и эти сегодня курят, беззаботно болтают, хохочут, как будто нет в окружающем мире — близко, руку протяни — ни подлого вируса, ни исправительных поселений общего, серого и черного статусов.
Подошла официантка убрать пустую чашку:
— Что-нибудь ещё?
И Лечинской вдруг остро захотелось вновь ощутить себя молодой и беззаботной, как вон та юная девочка с распущенными по спине каштановыми волосами в компании под клёнами за окном, что-то увлечённо рисующая на большом пастельном листе, вынутом из специальной сумки-папки и положенном на общий стол со сдвинутым в сторону пивом.
— Водки мне дайте сто пятьдесят и чебурек. И томатный сок. И листочек можно из вашего блокнота?
Официантка вырвала пару чистых листов, положила перед Лечинской. Подошла к барной стойке, щёлкнула пультом телевизора. На экране появился замминистра Государственной службы надзора Евгений Артёмов. Не старый ещё и где-то даже симпатичный генерал-полковник ГСН строго увещевал западные спецслужбы и их агентов внутри страны на предмет бессмысленности попыток изменения конституционного строя России. Замминистра докладывал цифры раскрытых заговоров и суммы вливаний иностранных спецслужб на фоне меняющихся картинок с нарисованной на стенах свастикой, бородатыми ваххабитами, юнцами с перекошенными в бессильной ярости лицами. Ну и конечно, с безумством полиции европейских стран, разгоняющих противников Четвёртой вакцинации дубинками и водомётами. Обычная повседневная тоскливая муть.
Артёмов приезжал к ним на двойку с инспекцией. Их тогда три дня до приезда комиссии

не выводили на лесоучастки. Скребли жилую зону до блеска, отъедались в столовой повышенной нормой питания, обменник работал каждый день, а не раз в неделю, как обычно. Спасибо генералу, чего уж. Тем более что после благополучного визита инспекции (которая из административного корпуса в зону так и не вышла ни разу) почти сотне исправленцев послабили статус с серого на общий и Нина поехала на Звезду-3 завершать свои оставшиеся четыре месяца исправительного срока в тёплых корпусах завода вместо стылой северной тайги.
Скоро уже год, как вернулась на волю. Поражение в правах, понятно, осталось — так нынче, похоже, едва ли не каждый пятый пораженец. Теперь можно даже было при желании и приложении определённых усилий устроиться в муниципальную школу искусств, но Нина предпочла зарегистрироваться самозанятой. Коллеги помогли вернуть частные уроки, репетиторство для юношества, мечтающего поступить на худграф или архитектуру, какие-то заказы по дизайну интерьера — многое вернулось из доисправительных времен, когда Лечинская была доцентом на кафедре рисунка, а мастерство, как известно, не пропьёшь.
Как раз и официантка принесла водку в запотевшем графинчике, сок и ещё шипящий раскалённым жиром сочный чебурек. «На трансформаторном масле», — когда-то смеялся над её гастрономической невзыскательностью Олег — давний, почти позабытый любовник, дизайнер и открытый диссидент, отбывающий сейчас исправление в чёрном статусе на пятёрке или шестёрке, входящих в урановое рудоуправление системы ГСН. Срок исправления назначался от десяти лет, и пока никто не видел ни одного исправленца, вернувшегося на волю с чёрного статуса. Ну так и ввели его три, что ли, года назад.
Нина налила рюмку, запила её соком, придвинула листочки из блокнота официантки ещё не испачканными в чебуречном жире пальцами, достала ручку из сумки. Внутри расползалось тепло от холодной водки и, дойдя до места инъекции, отозвалось чуть усиленной болью. «Ерунда», — отмела боль Лечинская и налила ещё одну.

От листков отвлёк шум за окном. Возле студенческой компании стояли три мента, вышедших из заехавшей на стоянку сине-белой машины с выключенной мигалкой. Четверо парней тоже стояли, загораживая двух девушек. Та, которая недавно что-то рисовала со смехом на пастельном листе, судорожно запихивала его в сумку. Полицейский попытался отодвинуть патлатого студента и добраться до девушек. Внезапно парень его резко оттолкнул, мусор упал. Стоящий рядом щуплый парнишка в очках резким длинным движением прыснул в лицо оставшимся на ногах полицейским из перцового баллона, и компания пошла на рывок.
Четверо побежали по скверу к остановке, патлатый с юной художницей залетели в кафе. Сумка-пакет была уже на плече нарушителя общественного порядка. Парень сразу рванул в сторону туалета, там рядом — Нина помнила — был сквозной выход в направлении худграфа. Девушка споткнулась на входе, упала, быстро поднялась, огляделась и подсела за стол к Лечинской, взяла её стакан с соком, потянула из соломинки.
Следом в «Поплавок» ворвался сбитый с ног мент, пробежал, не останавливаясь, к дальнему выходу: его участок, всё тут знает, поняла Нина, автоматически комкая в руке исписанные листки из блокнота официантки. Та подошла к их столику, протянула руку девушке: «Телефон, быстро». Студентка сунула официантке плейфон в розовом чехле. Работница общепита спокойной походкой отошла к стойке, передала телефон бармену, тот его прибрал куда-то вниз, в недра своего хозяйства, продолжил протирать бокалы.
На улице оставшиеся менты матерились сквозь слёзы, кричали дурниной в рации. Окрестность наполнилась звуками полицейских сирен, через минуту подъехали две машины. После краткого разговора с потерпевшими коллегами одна рванула прочь, другая осталась у кафе. Водитель стал помогать участникам столкновения промывать глаза, второй патрульный зашёл в кафе.
— Не холодный сок, доча? — Лечинская ласково-заботливо смотрела на студентку.
— Нормальный. Мам, не пей сегодня больше уже, хватит. Пошли домой.
— Сейчас, доченька, сейчас пойдём.

Полицейский осмотрелся, подошёл к бармену с официанткой, что-то спросил. Оба махнули в сторону второго выхода. Пошёл обратно, свернул к их столику:
— Здравствуйте, приятного аппетита. Старший сержант Литовченко. Молодёжь тут при вас пошумела?
— При нас, — ответила Лечинская.
— Сюда двое забегали?
— Да, в ту сторону пробежали.
Сержант обратился к девушке:
— Студентка?
Та лениво оторвала губы от соломинки:
— Да. А что, запрещено?
— Студентка она у нас, студентка, — извинительно заторопилась Нина. — В аграрном учится. Мы уходим уже.
— Это правильно, — согласился патрульный. — Будьте здоровы.
Вышел из кафе, направился к нервно похохатывающим товарищам по оружию.
— Спасибо, — поблагодарила Лечинскую девушка. Кивнула на остатки в графине — Нальёте?
— Почему нет? — Нина разлила водку по рюмкам. — Будь здорова, шали поаккуратней.
Выпили. Лечинская положила на меню деньги, махнула официантке. Та кивнула в ответ, вернула мобильник хозяйке, взяла купюры, вопросительно посмотрела на предмет сдачи.
— Не нужно, — подтвердила Нина. — Спасибо, до свидания. Будьте здоровы.
— Будьте здоровы, — привычным с недавних пор вежливым форматом повседневного этикета подтвердила студентка. — Спасибо за телефон и вообще.
— Не за что, приходите ещё. Будьте здоровы.

На улице Лечинская взяла девушку под руку.
— Тебя как зовут-то, «дочь»?
— Фёкла. Можно смеяться, самое время.
Нина рассмеялась вполне естественно. Менты не обратили на них внимания, слушали бубнящую рацию.
Свернули за угол, шли не спеша. В отдалении надрывались полицейские сирены.
— Меня Нина, Нина Яковлевна, — это была лишняя информация, но легенда, озвученная представителю власти, требовала минимальной подтверждающей фактологии. — С худграфа?
— С него, родимого.
— Специальность?
— ДПИ.
— Арнольд Степанович ещё завкафедрой?
— Куда он денется, старый хрыч.
Действительно, куда он денется. Лютиков преподавал декоративно-прикладное искусство на худграфе, казалось, всегда и ещё во времена студенчества Нины слыл большим специалистом по части учащейся молодёжи женского пола. Потом выяснилось, что имелись специалисты и по мужскому полу, но атмосфера на худграфе была свободная, вольная в смысле сексуальных предпочтений. По крайней мере, в преподавательской среде. И по крайней мере, в бытность Нины доцентом.
И Арнольд помог с несколькими крайне нужными сразу после возвращения заказами. Слегка с барского плеча, как у него водится, но не ушёл в отказ, не увильнул от встречи, как многие. А мог бы: в текущем историческом периоде кафедра ДПИ вышла во флагманы худграфа — потребность государства в декоративно-прикладном искусстве намного превышала потребность в неподконтрольном самовыражении творцов скульптуры, эстампа и станковой живописи. Впрочем, отчётные выставки большей частью предлагали зрителю творения современного государственного позитивизма, позволяющие народу сплотиться вокруг

важнейших задач президента Земскова, назло надменному западному соседу. Отсель грозить мы будем и проч. На этом фоне вся условная хохлома птенцов гнезда Арнольдова смотрелась почти безобидно, как мороженое в руках боксёра.
— Ладно, привет ему.
— От кого?
— От Лечинской.
Это тоже лишняя информация, но Нине была симпатична юная Фёкла, рисовавшая что-то, судя по всему, политически-непотребное возле «Поплавка», из-за чего ребятишкам пришлось пойти на резкий конфликт с ментами. Возможно, привет, переданный студенткой от Лечинской, поможет ей в будущем заслужить лишний балл на курсовой у зануды Лютикова.
— Передам. Могу телефон записать, если хотите.
— У меня нет телефона.
Фёкла метнула быстрый понимающий взгляд. Не дёрнулась в тревожности от знакомства с пораженкой. Прошли те времена, когда печать социального статуса была маркером отлучения.
— Ясно. Ладно, мне на Белинского. Спасибо вам за кафе.
— Шагай, Фёкла. Удачи тебе. Будь здорова.
— И вы.
Девушка свернула на улицу Белинского, шла беззаботной юной походкой под ярким солнцем, искрящимся в распущенных волосах. Так ходили герои старых чёрно-белых фильмов, считавшихся классикой ещё в юности Лечинской, — «Я шагаю по Москве», например. Пусть у нас и не Москва.
Лечинской захотелось побыстрее вернуться домой, чтобы зафиксировать на листе это ощущение сегодняшней тревожной молодости. «Акварель, — решила Нина. — Пусть будет акварель».
Тут как раз подошёл дребезжащий трамвай четвёртого номера, шедший до окраинного Кордного посёлка, где после отбытия исправительного срока сняла занедорого однокомнатную малосемейку Лечинская. В связи с возросшей текучкой свободного населения страны цены на рынке съёмной недвижимости были щадящие, посильные для полноценных и не вполне граждан.

Записка Лечинской на листке из блокнота официантки кафе «Поплавок».
«Привет. Это Н., ты мой почерк ещё помнишь, надеюсь.
Я вернулась. Давно уже вернулась. Не верю, что ты не слышал, и знаю, что ты жив и не на исправлении. Надеялась, что сам захочешь меня найти — это было несложно, но ты не захотел. Я понимаю, почти четыре года прошло. Всё в порядке. Просто вдруг захотелось всего того, что было, извини.
Так вот. Я помню, ты дал мне самое главное — понимание себя. И я тебе за это буду благодарна всегда. Просто хочу, чтобы ты знал.
Попрошу В. бросить записку в твой почтовый ящик. Надеюсь, он не откажет.
Без малейшей надежды, просто вдруг тебе тоже что-то про нас такое вспомнится, сообщаю, что весь август буду работать в мастерской З. И если сможе...»

Глава 4
Артёмов

Как-то так вышло, что в Зареченске за всё долгое время службы побывать не довелось. Даже странно: один из немногих сибирских мегаполисов, важнейший центр оборонной промышленности остался в стороне от командировочных маршрутов. Заречье отмечалось в сводках регионом умеренным, без экстремистских излишеств. И начальник местного управления генерал Бурцев числился в главном кадровом резерве центрального аппарата Государственной службы надзора. Спокойный, обстоятельный мужик, выросший там, на месте, из рядовых оперов. По всем квартальным отчётам Зареченск ни разу не проходил в

красной зоне — он и в оранжевую-то попадал крайне редко: не взрывной Кавказ, не подпольное Поволжье, не мятежное Приморье. А вот поди ж ты.
До встречи с Бурцевым — Артёмов придвинул объективку: Сергеем Пантелеевичем, да — оставался час.
— Ты поговорить хотел, — в летнюю беседку заглянул Глеб. — У меня есть полчаса.
Артёмов-младший упругой спортивной походкой прошёл к холодильнику, достал бутылку пива.
— Тебе?
— Давай «Жигулёвского».
Всё равно с Бурцевым разговор пойдёт в неформальной обстановке. И не факт, что этот разговор окажется менее важным, чем предстоящий с сыном.
Глеб вытащил заодно блюдо с порезанным копчёным судаком, поставил на стол, сел напротив. «На кой чёрт они себя этими наколками уродуют? — причудливые татуировки сплошь покрывали плечи сына замминистра. — Случись что по криминалу, его же в зоне под микроскопом рассмотрят, и не факт, что не найдут что предъявить». Артёмов привычно вздохнул о непредсказуемой судьбе Глеба. Тому отцовские вздохи были до звезды.
— У меня вечером встреча с друзьями. «Мерс» возьму?
— Возьми, — Артёмов помнил, что «Харлей» Глеба апгрейдит какой-то крутой спец из Химок, а сам он не планировал выбираться в столицу в эту субботу, тем более на дачном минивэне. — Тут вот что...
— Слушай, я маме уже говорил, что не намерен жениться до диплома.
Сын ловко разделывал руками рыбу, был спокоен. Жаль, что придётся это спокойствие слегка нарушить.
— Да хоть завтра женись, не в этом проблема.
— А в чём?
— В последствиях.
— Последствия со всех сторон положительные: молодая семья, чудесные внуки. Что ещё нужно, чтобы спокойно встретить старость в этом дивном уголке тихого Подмосковья? Ты же не намерен бороться с врагами Отчизны до последней стадии Альцгеймера?
— Ты друзей своей Людмилы хорошо знаешь?
— Знаю. Нормальные ребята. Слава богу, почти все не из столицы нашей родины, а из более приличных мест.
— Ладно, — Артёмов открыл тонкую папку, достал лист донесения. — Тенгиз Гверия, восемнадцать лет, уроженец Волгограда. Мать, Гверия Наталья Александровна, отбывает исправительный срок в чёрном статусе.
— Родителей не выбирают.
— Я в курсе. Галина Сорокина, двадцать лет, приехала учиться в МГИМО из Салехарда. Старший брат под следствием за подпольную подрывную деятельность по линии минздрава: публичные призывы против вакцинации. Евгений Чернов, восемнадцать лет, окончил с отличием Омский кадетский корпус. Отец на общем статусе. Ксения Примакова, девятнадцать лет, из Иркутска, оба родителя — пораженцы. Егор Привалов, восемнадцать лет, челябинец. Отец отбывает срок в уголовной колонии за коррупцию. Ну а про Люду, надеюсь, ты и сам всё знаешь: мать на сером статусе, сестра на общем. Вот и вся ваша тесная компания.
— И что?
— И ничего. Только оперуполномоченный опеки МГИМО зафиксировал подозрительную общественную активность вашей группы, отметив пораженческие высказывания отдельных вышеперечисленных студентов в общежитии вуза, провокационные вопросы преподавателям, регулярное совместное времяпрепровождение в ночных клубах с не вполне приличной репутацией. Он поехал уже на повышение замначальником опеки на Звезду-5 — хорошие специалисты должны продвигаться в нашей системе, но что мне прикажешь делать с донесением? Которое, конечно, не было зафиксировано на входе в центральную базу из-за

твоего в нём присутствия, однако следы рапорта где-то всё равно остались и осели, будь уверен, в такой же отдельной папочке. Не знаю у кого, но лежат точно, ждут своего часа.
Глеб ерошил аккуратную русую причёску, молчал недолго. Поднял голову, посмотрел в глаза прямо, без вызова, но с каким-то неуловимой жалостью, что ли.
— Слушай, пап. Это мои друзья. Они все хорошие люди, что бы ни писали о них твои стукачи-задроты. Вашими же стараниями в этой стране выжжено, вытоптано, закатано в асфальт всё самое чистое, самое нежное. Вы сами не замечаете, как занесли во враги народа его большую часть. У вас же в благонадёжных числится только самое отборное говно, понимаешь? С которым стрёмно дружить, которое нельзя любить, которому нельзя верить. Куда мне деваться, скажи? Где искать друзей? Среди ваших юных активистов с оловянными глазами? Скажи!
— Ты сам мальчик с положительной анкетой. У тебя тоже оловянные глаза?
— Так у меня чистая анкета исключительно твоими стараниями, потому что ты хочешь, чтобы я оставался живым человеком. Вот и всё. А остальные для вас чужие, их не жалко — хоть пораженцев, хоть юных преданных активистов, защитников сгнивших идеалов за ваши тупые социальные лифты.
— Всё?
— Всё.
— Я тебя услышал. Нам обоим сейчас некогда, а разговор начался правильный, важный. Давно надо было по душам. Мне нужно подумать, договорим завтра, хорошо?
— Конечно. Так я машину возьму?
— Я же сказал.
Отец взял Глеба за руку. Это был момент истины, давно ожидаемый случай выхода на признание, говоря профессиональным языком. Редкая откровенность, говоря языком семейным. Точная возможность спокойного ясного разговора, результатом которого должна стать уверенность в дальнейшей судьбе единственного сына, возвращение его из закономерного юношеского бунта против старого мира обратно в семью и в государство, которое ему так сейчас не нравится. Артёмов-старший карьеру сделал на переубеждении матёрых волков-агитаторов. Если бы не этот Бурцев... Ладно, будет ещё и завтрашний день. Сейчас важно не расплескать правильную тональность.
Притянул голову Глеба к себе, упёршись лбом в лоб сына:
— Что бы ты ни говорил, что бы ты ни чувствовал, помни — я тебя очень люблю. Мы с мамой тебя любим. Езжай.
Глеб упрямо дёрнул голову в сторону, как в детстве. Чуть задержал взгляд, ощупал им лицо отца. Неожиданно взял за плечи:
— Хорошо, что поговорили. Пойду, маму поцелуй от меня, как приедет.
Легко сбежал по деревянным ступеням, свернул за угол дома. На веранду залетела паутинка, прилипла к пустой бутылке из-под пива. «Долгое бабье лето нынче, на рыбалку бы хоть раз успеть выбраться», — подумал генерал Артёмов и собрал тару с остатками рыбы в мусорное ведро.

По гравийной дорожке зашуршали шаги. Артёмов встал из-за стола, подошёл к выходу с веранды. Порученец вежливо указал рукой генералу Бурцеву на крыльцо, коротко кивнул шефу, развернулся обратно в дежурку у ворот дачи. Посетитель в дорогом, но неброском костюме был немолод, аккуратен и точен в движениях. Рекомендовался по уставу: «Начальник Зареченского управления ГСН генерал-майор Бурцев».
— Проходите, Сергей Пантелеевич, — сделал жест в сторону стола Артёмов. — Не возражаете, если мы здесь с вами по-дачному, неформально?
— Нисколько, товарищ генерал-полковник, — начальник регионального управления служил в Госнадзоре не первый десяток лет, понимал про технические средства слежения: жучки на веранде поставить негде, а удалённая прослушка в особой зоне контроля невозможна по определению.

— Без чинов сегодня, хорошо? — обозначил доверительную дистанцию замминистра.
— Как угодно, Евгений Станиславович, — принял правила Бурцев.
— Водка, коньяк, виски, текила? — В Госнадзоре издавна было принято относиться к алкоголю с пониманием и уважением.
— Водку. Так и не привык я ко всему этому.
— Сибирская закалка, понимаю.
Артёмов знал об алкогольных предпочтениях зареченца и знал, что тот знает о его осведомлённости. Бурцев мог бы выбрать виски, например, что означало бы некую — нет, не фронду, но определённую дистанцию в степени доверительности разговора.
Не критичную, но предполагающую возможный последующий доклад в другую инстанцию. На понимании подобных нюансов строились все взаимоотношения в руководстве ГСН, как, впрочем, в любой структуре госуправления, вплоть до министерства культуры.
Хозяин достал из холодильника хрустальный графин, блюдо с нарезанным говяжьим языком, хрен в розетках, бутерброды с кетовой икрой. Разлил водку по рюмкам.
— Будьте здоровы, — в последние годы бывший нейтральный тост стал традиционно-обязательным первым. Без всякого пропагандистского манипулирования, из глубин народного подсознания.
Закурили. В печальные времена давней уже разгульной демократии государство пыталось всеми своими слабыми силами следовать новомодным культурным трендам Запада: поднимало акцизы на табак и алкоголь, запрещало курить в присутственных местах, даже в телевизоре забрюливало сигарету в руках у Штирлица. С приходом во власть курящего Земскова, слава богу, весь этот либеральный идиотизм быстро свернули, страна вновь стала похожей на себя, а не на какую-нибудь, прости господи, Швейцарию.
Генерал Бурцев достал из потёртого кожаного портфеля стандартную папку с грифом особой секретности, положил перед Артёмовым:
— Последняя аналитика по Рымникову.
Замминистра отодвинул папку в сторону.
— Это потом. Давай, Сергей Пантелеевич, свои собственные соображения. Ты с ним сколько раз встречался?
— Дважды разговаривал лично, один раз наблюдал за допросом. Виноват, за беседой с начальником второго оперотдела.
— Излагай впечатления.
Бурцев вспомнил долгую нескладную фигуру Василия Рымникова, имевшего обыкновение усаживать её за стол напротив без приглашения, спокойный усмешливый взгляд, граничащую с хамством иронию в ответах на самые простые официальные вопросы.
— Опасный. Очень.
— Почему? Что в корне: склад характера, нюансы биографии?
— Биография известная, обыкновенная для диссидентов. Перестроечный демократ, бывший депутат, антисталинист, публичный политик местного пошиба. После поражения либералов успокоился, ушёл в частную жизнь — обычная история для этих. Как он вдруг неожиданно выстрелил в интернете — ума не приложу. Недоглядели, вины с себя не снимаю.
— Вы что ж его, совсем не вели?
— Обижаете, Евгений Станиславович. У нас в Заречье заметных оппозиционеров по пальцам можно пересчитать. Работали по Рымникову, конечно. Но он же такой, знаете, раздолбай по жизни, несерьёзный человек, на любую встречу опаздывает, даже по повестке в управление. У него прозвище в городе Опоздайка всю жизнь было. Как его всерьёз воспринимать? Ни контактов с иноагентами, ничего.
— И вдруг за три месяца он стал оппозиционером федерального уровня, из-за которого мы с вами сейчас, в свой законный выходной, вынуждены решать эту проблему.
— Аналитики утверждают, что тут какое-то случайное совпадение алгоритмов настроения общества, срезонировавшее на плейбук Василия. Расследование про чёрный статус моментально дало взрывной эффект. Западные СМИ за неделю вывели его в топ противников

режима. Дальше мы вынуждены были вести Рымникова по указаниям центрального аппарата.
— В итоге мы с вами, Сергей Пантелеевич, делим ответственность сейчас перед сами понимаете кем. И сами понимаете кто требует решения этой проблемы незамедлительно. Ваши предложения?
— Управление не имеет компетенции давать рекомендации центральному аппарату, — спокойно перешёл на канцелярит генерал Бурцев.
«Тёртый сучонок, — отметил про себя Артёмов. — Сразу соскочил. А кто бы не соскочил? Бурцев, конечно, прошляпил у себя этого Рымникова и готов понести соответствующее наказание — а хоть бы и на пенсию выйти по выслуге лет. Плохо ли?.. Нет, хрен ты у меня отправишься на трёхэтажную дачу в сосновом бору со своими блядьми в зимнем бассейне на пенсии плескаться, пока жена твоя Галина Сергеевна внуков Петю и Вову в Генте навещает. Послужишь ещё у меня Родине, сволочь».
— Да, это верно, Сергей Пантелеевич, — Артёмов налил из графина по финальной рюмке. — Будем здоровы.
Бурцев вежливо кивнул, выпил, аккуратно закусил бутербродом.
— Собственно, мы в лице *вашего управления,* — подчеркнул замминистра, — провели все предписанные мероприятия: подкуп, публичная дискредитация, идеологическое давление. Безрезультатно. Так?
— Так. Меры репрессивного характера — поражение в правах и исправработы — *центральным аппаратом*, как понимаю, были признаны неэффективными в условиях сложной международной обстановки.
— Правильно понимаете, Сергей Пантелеевич. Именно поэтому нам ничего не остаётся, кроме исключительного фактора воздействия. На мероприятие по ликвидации Рымникова *вашему управлению* отводится неделя. Группа усиления и контроля придаётся незамедлительно.
Генерал Бурцев заранее знал, что все его карты в Москве будут биты. Какая тут игра, когда на руках ни одного козыря. Потянулся за портфелем, встал.
— Задача ясна, разрешите идти?
— Один вопрос. Вы сказали, что клиент чрезвычайно опасен. Я так и не понял почему.
Начальник управления помолчал, глядя мимо генерал-полковника на летящую по веранде паутинку нежного подмосковного бабьего лета. Вздохнул.
— Он, кажется, не играл в детстве в прятки. Его никто не научил прятаться. Даже внутри себя.
Развернулся через левое плечо и спустился по ступеням веранды.

На Лубянскую площадь вечер наступал тихо и непреклонно, как самураи на границу у реки. Сержант ГСН Юрий Бродь заступил на точку контроля в 20.00 и уже десять минут занимался обычным для его подразделения развлечением — рассматривал в оптику снайперской винтовки симпатичных москвичек, идущих по своим делам в центре столицы. Девушек наблюдалось много, одеты они были большей частью ещё по-летнему — тёплый нынче октябрь, ласковый. Лучше бы, конечно, не в прицел с крыши высматривать женские фигурки, а внизу гулять с ними в сторону ночного клуба, но на то есть завтрашний день, воскресенье. Сегодня рабочая смена.
— Пятый, приём, — зазвучал в наушниках голос лейтенанта Фёдорова.
— Пятый, — нажал на тангету Юрий.
— Минивэн у Феликса наблюдаешь?
— На нём пропуск, товарищ лейтенант, и номера лимитные, — сержант сразу при заступлении на пост отметил нарушителя, но рассмотрев номерной знак, сообразил, что машина не рядовая и если стоит рядом с памятником, то значит стоять ей там положено.
— Всё верно. Ладно, отбой.
«Отбой так отбой. Не первый год на контракте в спецподразделении, службу знаем. Молодых

учи жизни, лейтенант», — сержант Бродь навёл оптику на гордый лоб Феликса Дзержинского — посмотреть, гадят ли сегодня голуби на голову первого чекиста страны. Гадят, как не гадить. Птицам не прикажешь.

За рулём минивэна Артёмов-младший осматривал дислокацию вокруг памятника Дзержинскому.
— Китайцев сегодня здесь как в Шанхае, все с телефонами. Это хорошо, картинка сразу в интернет уйдёт. Как там Ксюха?
— Только что звонил, готова к стриму, — Гарик Привалов держал трубку у уха. — Тенгиз не отвечает.
— Ждём, десять минут ещё есть. Звони.
Глеб снова оглядел площадь: всё спокойно, к машине отца никто из службы охраны не сунется и ментам не позволит, несмотря на вызывающую парковку. В салоне Привалов ждал ответа Тенгиза, лихорадочно подрагивая правой коленкой. Люда, глядя в зеркало, спокойно подкрашивала губы. Женька подтягивал ремни броника, спецназовская каска уже была на голове. Галка разглаживала вынутые из тубуса плакаты.
— Тенгиз? — Гарик поднял большой палец. — На месте? Готов? Всё, по времени. Будь здоров.
Утверждающе кивнул Глебу. Тот перебрался к ребятам назад, а на водительское место сел полностью экипированный Женька Чернов.
— Начали, — Артёмов-младший выкатил в проход бухту с колючей проволокой, обмотал колючку вокруг туловища несколько раз, помог повторить ту же процедуру девушкам. — Жэка, ещё раз: фиксируешь нас регистратором 30 секунд, потом гонишь по Лубянке сколько сможешь. Время?
— Минута, — ответила Галка. — Ксюша уже должна начать трансляцию.
— Ну пошли, что ли.
— Люблю тебя, Глеб, — сказала главное Люда.
— И я тебя.
Троица неуклюже выбралась из машины. Гарик вытащил ведро, расчётливо плеснул вначале на Галку, потом на Людмилу. Остатки бензина вылил на Глеба. Как могли поспешили, вместе спутанные колючкой, к подножию монумента. Не добежали, Люда упала, потащила за собой. Кое-как поднялись, Галя отбросила в сторону самодельные плакаты. Тень Дзержинского лежала рядом. Егор стримил.
Глеб успел заметить многочисленные вспышки телефонов, бегущих к ним через площадь людей в чёрном. «Есть!» — крикнула Люда. На мрачном фасаде здания высветилась направленная Тенгизом надпись «Свобода. Freedom». «Светло ещё, плохо видно», — успел пожалеть Глеб. Обнял девчонок и чиркнул зажигалкой.

Сержант Бродь в напряжении наблюдал за тремя вспыхнувшими факелами. Крики с площади доносились до крыши глухо, как из сельского клуба, где по выходным крутили кино, а они с пацанами высматривали неясные кадры сквозь окна с неплотно задёрнутыми шторами. Хлопки близких выстрелов звучали отчётливее. Горящие фигурки дёрнулись от точных попаданий, упали. Снимавшего провокацию урода прижали к земле добежавшие от входа опера.
«Пятый, машина!» — прохрипел в наушниках голос лейтенанта. Сержант уложил в прицел набирающий скорость чёрный минивэн, автоматически сделал поправку, выстрелил три раза бегло.
Вторая пуля попала Женьке Чернову точно в позвонок между каской и бронежилетом. «Мерседес» докатился до тротуара, ткнулся в бордюр, остановился. Двое китайских туристов успели снять на свои телефоны мёртвые глаза совсем юного паренька, пока их грубо не оттеснили от машины русские полисмены.

Из докладной записки старшего оперуполномоченного службы опеки МГИМО капитана Шмырова.
«Неформальным лидером группы либерал-анархистов в составе Артёмова, Гверия, Малышевой, Примаковой, Привалова, Сорокиной, Чернова безусловно является Глеб Артёмов. Потенциально склонен к активным протестным действиям. Требует срочного изъятия с направлением на исправительные работы. Рекомендуемый статус — чёрный».

Часть вторая
Сквозняк

Кружит Земля, как в детстве карусель,
а над Землей кружат ветра потерь.
Ветра потерь, разлук, обид и зла, им нет числа.
Наум Олев. Ветер перемен

Глава 1
Лечинская

Московский снег всегда вызывал у Нины лёгкую брезгливость. В Зареченске зима была зимой даже в ноябре. Снег носился по улицам колючий, режущий глаза и лицо, ложился на землю чистым белым ватманским листом, который разрисовывали следы прохожих. Это был честный рисунок. А здесь какая-то пошлая подделка: крупные хлопья летят по тёмному фону зданий, но затем расползаются в скользкую мокрую кашу на асфальте. И нет ноябрьской снежной чистоты, а есть ноябрьская холодная грязь. Даже ранняя зима на Звезде-2 так не раздражала, как вот такой столичный ноябрь. Даже там.

Лечинская отошла от окна, включила чайник. Только налила себе кружку свежезаваренного краснодарского — услышала, как открывается входная дверь. Геша снимал с себя мокрый пуховик, глядел весело, хлюпал отсыревшим носом.

— Здравствуй, матушка свет-Яковлевна! Вижу, чаем тут свежим в тереме пробавляются. Угощай же меня, красна девица, пирогами домашними, наливай путнику горячего али там горячительного, ибо продрог я нынче подобно псине бездомной, йоркширской. Вот пакет тебе с провиантом московским.

Геша и впрямь напоминал мокрого йоркширского терьера: маленький, мохнатый, слипшийся от погоды, но с весёлыми глазками-бусинками и ярко-красной бабочкой над зеленой атласной жилеткой.

— Натворила чего за день ненастный? Давай показывай. Нет, вначале корми меня, обиходь как-нибудь благодетеля.

— Руки мой, благодетель, — Нина забрала пакет из рук хозяина квартиры и направилась в кухню.

Пока Геша переодевался в домашнее, разогрела приготовленное ещё с утра жаркое, переложила в человеческую посуду салаты из универсамовских контейнеров, открыла бутылку красного сухого из того же пакета с провиантом.

Геша вошёл на кухню в смешном красном халате до пят с кистями, оценил благолепие накрытого стола, сел, налил в бокалы крымское вино.

— Будем здоровы.

— Будем.

Ел как Тёркин — много, но не жадно. Изголодался, голубчик, по присутствиям бегавши.

— На улицу не выходила сегодня?

— Нет. Погода-то.

— Погода ладно. Там и без неё черт-те что творится.

— Как вчера?

— Если бы. Танки уже.

— А ты чего ожидал?

— Ну не танков же. И от кольцевой все магистрали в город перекрывают: колючка,

блокпосты, овчарки.
— Так и должно быть. Режим ЧП. А в центре что?
— Стоят вроде бы. Поужинаем, плейбук полистаем.
— Ешь, остывает. Пойду покурю.
На балконе Нина равнодушно вытряхнула полную пепельницу вниз, в снежную слякоть: сгорел сарай — гори и хата. Повезло же приехать в Москву буквально за день до начала беспорядков. Теперь неизвестно когда выберешься. Геша не выгонит на улицу, понятно, но неловко же. С другой стороны, сам позвал, сам сказал «жить будешь у меня сколько нужно». Вот и не нужно уже вроде, а деваться некуда: столица блокирована, чрезвычайное положение. Танки вот теперь. Нет, в Москве жить хорошо в стабильность, а при восстаниях всяких лучше оставаться в провинции, целее будешь. Опять же, получается, только не в Зареченске. Да кто же его, это восстание, представить себе мог.
Жили себе не тужили. Кто-то исправлялся, кто-то на поражении, а в основной массе народ доволен был, если уж честно. Вторую Пандемию прошли лучше других, Третья вошла в жизнь уже как неизбежность, как нынешняя осень. Земсков вон бизнес поддержал деньгами так, что Геша собрался галерею открыть. Написал по старой дружбе, попросил проект дизайна исполнить — понимал, что Нине хватит и четверти от стоимости заказа сопливых московских криэйтеров, а продукт получит качественнее.
Собственно, проект готов был уже неделю назад и заказчиком одобрен. Геша сделал несколько мелких дополнительных замечаний, Нина их добросовестно отрисовывала. Похоже, что старому институтскому приятелю просто было неловко оставлять Лечинскую без работы, по сути предлагая ей освобождать жилплощадь. Деньги за исполненный проект Геша отдал сразу. Кэшем, понятно.
— Старая, пошли, — Геша приоткрыл балконную дверь. — Там трансляция в плейбуке из центра.
Нина затушила сигарету, вернулась в комнату. Геша сидел на диване перед большим монитором, похлопал ладонью рядом: «Садись».

На экране действительно шла трансляция из центра столичных событий сразу с двух точек — из толпы и с обзорной сверху. Кто-то опять рискнул: стримеров Росгвардия вязала жёстко, проводя целые локальные операции по извлечению из мятежной толпы осветителей массовых беспорядков. Тех, кто снимал протест с крыш и верхних этажей, отстреливали снайперы ГСН. По крайней мере, так утверждали очевидцы в плейбуке. Официальный интернет уверенно обозначал такие слухи фейком и провокацией. Телевизора у Геши по старомосковской традиции, понятно, не было.
Стрим вёлся на английском. Западные медийные платформы платили бешеные деньги за картинку очередной red revolution, оттого совсем уж отмороженные стрингеры со всей Европы стремились попасть на Лубянскую площадь и её забаррикадированные окрестности. Некоторым удавалось.
Площадь была полна. Плейбук вторую неделю издевался как мог над цифрами московской полиции, оценивающими численность мятежной молодежи в 30–40 тысяч человек. Интернет-источники сходились на 150–200 тысячах. Ясное дело, что даже 50 тысяч режим бы раздавил в течение часа, но никто не мог предположить, что на следующий день после самосожжения группы студентов МГИМО на Лубянку по призыву Рымникова прорвётся пол-Москвы. Ну, полмиллиона точно.
И ГСН растерялась. А растерявшись, не дала должного отпора мятежникам. И протестующие захватили Главное управление Государственной службы надзора. В выходной воскресный день сотрудников в здании было немного — их обезоружили и со свистом, улюлюканьем и пинками прогнали с площади вон. Могли и убить — сквозь заплывший глаз сержант Бродь видел, с какой ненавистью тянули к нему руки обычные москвичи, чей покой по мере возможности он охранял всю свою службу, и выл он им в последней панике, выл по-звериному: «Простите, люди добрые!» Злые люди на площади простили, но запустили

картинку с его мольбой в интернет. А добрые люди из ГСН не простили и после трехдневного внутреннего расследования расстреляли за измену бывшего сержанта Сергея Бродя перед строем сотрудников во внутреннем дворе управления Госнадзора по Калужской области.
Средоточие чекистской тьмы лениво выбрасывало языки пламени из нескольких окон третьего этажа — чистый Мордор. Феликс Дзержинский безучастно возвышался над кострами и палатками москвичей и гостей столицы с разрисованного цветными непотребностями постамента, облитый с ног до головы разбитыми куриными яйцами. На камеру несколько десятков протестующих скандировали: «За-ре-ченск! За-ре-ченск!» Под баррикадой три девушки разливали по бутылкам коктейль Молотова, улыбались, показывали оператору знак «виктори». У палатки с флагом Красного Креста ждали перевязки ветераны локальных конфликтов сегодняшнего дня.
Камера крупно выхватила немолодого уже мужчину с седоватой бородой и портупеей на поясе.
— Позволить?
— Валяй.
— Можетье, кто вы сказать?
— Илья Прегер, командир третьего отряда обороны Лубянки.
— Трофей? — камера берет в объектив пистолет.
— Свой. Газовый, к сожалению.
— Здесь новый ноябрьский революций?
— Понимаешь. Пожалуй, да, революция. Если бы только Москва выступила, то, как обычно, проиграла бы. А посмотри, что в Зареченске творится, на Урале начинается... Так что революция, точно.
— Что вы ждать от завтрашний день?
— Не знаю. как про завтрашний, а все мы тут ждём Рымникова. Как приедет, сразу всё закончится. Как у него там, в Зареченске.
Стример не успел перевести на английский последнюю фразу. Раздался взрыв, камера упала на землю и транслировала бегущие вверх по хлюпающему грязному снегу ноги. Повернуть её никто не спешил.

— Штурм, — сказала Нина. — Пойду покурю.
— Кури здесь, — Геша достал с полки изящную пепельницу тонкого фарфора. Кажется, настоящего китайского. Помолчал.
— Мы же с тобой зареченские, старая.
— Даже не думай, — жестко бросила Лечинская. — Комендантский час.
— Да тут полчаса дворами.
— Геша, не надо. Ты не герой, Геша.
Новоявленный галерист усмехнулся, погладил Нину по руке.
— Да, я не герой, я гей. Но я зареченский гей, с меня сейчас другой спрос. Мне стыдно не пойти. Я, художник Георгий Смушкевич, не могу не пойти.
Монитор квакнул, открыл окно видеосвязи: Юрий, партнер Геши по бизнесу и личной жизни.
— Привет, Нина.
— Здравствуй, Юра.
— Отпустишь его?
— Нет.
— Эй, я вообще-то здесь, — возмутился Геша.
— А почему ты ещё здесь?
— Да уже одеваюсь, Юра. У «Бургера» через двадцать минут.
— Договорились.
Юра отключился. Геша, снимая халат, пошёл в другую комнату. Стрим на плейбуке прервался.

— Меня возьмёшь? — спросила Нина на всякий случай.
— Сама же, старая, понимаешь, — ответил одевающийся в ночь Геша. — Тебя же до первого патруля — и обратно на исправление.
Вышел экипированный по первому классу: модный горнолыжный костюм, яркий берет, желтые сапоги, японский мощный фонарь.
— Сиди здесь, кури от вольного. Деньги у тебя есть. Утром загляну. Надеюсь.
— Подожди, не на вечеринку идёшь, — Нина поспешила на кухню. — Рюкзак сюда давай.
Достала из холодильника две бутылки минералки, колбасу, выгребла в контейнер остатки жаркого. Больше ничего не нашла. Засунула в кармашек три ложки. Вышла в коридор, подала нагруженный рюкзак.
— У тебя термос есть? Я бы кофе быстро сварила.
— Нет у меня термоса. Всё, Нина, спасибо, пойду. Будь здорова.
— И ты.
Геша залихватски подмигнул, поддёрнул рюкзак и шагнул в пошлый мокрый столичный ноябрь.

Лечинская курила на диване, смотрела в пустой монитор. Вспоминала. Геша учился на курс старше, и ещё в институте сокурсники не очень прилично улыбались в сторону студента Смушкевича. Тому, казалось, было наплевать. Тогда ещё можно было, во времена равнения на западную толерантность.
Потом всё накрылось духовностью. Ею можно было восторгаться, писать доносы, воспитывать подрастающее поколение — только дышать духовностью было невозможно. У Геши отобрали мастерскую, убрали часы и лекции. И вежливо, но настойчиво порекомендовали покинуть Зареченск. От греха и вообще.
Он уехал. Уж глупым Жора, он же Гога, он же Геша Смушкевич, никогда не был. В столице духовность была ещё не столь духовита, как в провинции, и здесь Геша временно закрепился, чтобы, передохнув, потянуться осенью на запад или юг. Ему было всё равно куда, лишь бы подальше. Но его заметили — не без влияния специфического художественного лобби, и тем не менее. Геша стал аккуратнее, миролюбивее и, при наличии небольшого, но таланта, постепенно вписался в московскую культуру, как она есть. Потом встретил Юру.
С Ниной у них сложилась взаимная симпатия ещё с первых институтских отчётных выставок, с разносов дряхлых мэтров соцреализма, чьё время быстро прошло и ещё быстрее вернулось назад.
И вот Геша, маленький умный негеройский Геша сейчас идёт на Лубянку, где начался штурм площади, потому что не идти не может. А опытная, битая Звездой-2 и Звездой-3 Нина сидит и курит в уютной Гешиной квартире на Стромынке. «Мы зареченские», — сказал московский художник Георгий Смушкевич и пошёл. «Значит, пора и мне», — Лечинская вдавила в нарядную пепельницу только что прикуренную сигарету и пошла одеваться по столичной ноябрьской погоде.
Напоследок подошла к рабочему компьютеру, где набросала сегодня эскиз декора ресепшена Гошиной галереи. Написала записку, приклеила на монитор. Открыла форточку на проветривание прокуренной квартиры. Снег на улице летел параллельно земле. «Сволочь, а не погода», — вновь отметила про себя Нина и вышла на площадку к лифту.
Сквозняк потянул на себя открытую дверь квартиры и захлопнул её надменно-обиженно, по-московски.

Записка Лечинской.
«Тут всё неправильно спланировано, Геша. Ресепшен должен размещаться не у входа, а ближе к центру галереи. Там очень неорганизованное пространство. Ну сам подумай. Да, я тоже тебя люблю. Чмок».

Глава 2

Стольников

Барабинская степь — едва ли не самое унылое место на всём Транссибе. За долгую журналистскую карьеру Стольников изъездил Сибирь вдоль и поперёк. Поперёк случалось не часто — больше на самолётах да по Оби с Енисеем на теплоходе, а повдоль дорога одна — Транссибирская магистраль. За Новосибирском к ней вплотную подступает тайга, горные склоны Кузнецкого Алатау, Саяны, затем Байкал, забайкальские сопки. Или, если от Тайшета ехать по БАМу, — тоннели у Северобайкальска, близкие вершины Южно-Муйского хребта, горы Кодар, мосты через Лену, Витим, Олёкму. Можно весь день смотреть на изменчивый пейзаж из окна поезда — и не устанешь.

А дорога на запад скучна и сонлива. Ровная степь до горизонта с редкими берёзовыми колками и чёрными сейчас пятнами озёр, лежащими чернильными круглыми кляксами на белом полотне свежевыпавшего снега. И так до самого Урала. По привычке, а больше от скуки Стольников черкал в блокноте всякую ерунду, сидя на свободном месте боковушки плацкартного вагона скорого поезда Чита — Москва. Народу в вагоне было немного: ноябрь, не сезон для путешествующих.

У туалета хлопнула дверь — в вагон зашёл наряд из двух полицейских, присматривающих за нарушающими запрет на алкогольную поездную зависимость. Нарушающих не наблюдалось, публика в плацкарте ехала скучная, штрафами делиться не намеренная. Приданные поезду полисмены протиснулись мимо вытянутых в проход длинных ног Васи, лениво скользнули взглядом по блокноту Стольникова, прошли в следующий вагон.

Ноги Василия исчезли из прохода, нащупали тапочки и подняли в вертикальное положение фигуру Рымникова.

— Где едем?

— Называевск проехали.

— Чай будешь?

— Давай. А я Виктора подниму.

Вождь оппозиции забрал со столика три кружки, кинул в каждую чайный пакетик, отправился за кипятком. С верхней полки спрыгнул Витя. Стольников отвлёкся от исследования недр продуктовой сумки, спросил:

— Ты нож не забирал вчера?

— А как же.

Виктор отстегнул от пояса свой ладный туристический нож. Ну как туристический — в принципе, его могли бы использовать и туристы, а не только бравые спецназовцы. Ловко застелил стол бумажными полотенцами, порезал поданную Стольниковым колбасу, огурцы, открыл банку кабачковой икры. В купе втиснулся Рымников с чаем.

— Где у нас кока-кола?

— Логично, — согласился Виктор и полез в клапан своего рюкзака на багажной полке. Достал литровую бутылку, поставил на стол.

— Коля, ты у нас старший по кухне, — напомнил Василий. — Делай уже что-нибудь.

Стольников плеснул каждому в чай из бутылки, где, понятно, вместо гордости американского пищепрома хранился коньяк. За поздним завтраком говорили мало, в чай доливали много — «сокращали расстояние», по выражению Рымникова. Потом вышли покурить в тамбур: в смысле, покурить — Василий с Николаем, а некурящий Виктор за компанию и на всякий случай. Стоял, терпел сигаретный дым, отсвечивал наколкой «За ВДВ» на плече. Сообщил:

— Час назад в соседний вагон хоккейные фанаты заехали. Шумные. Менты напряглись.

— Все чёрненькие, все прыгают, — философски заметил Стольников.

— Да там одни русские вроде, — не считал цитату Витя. Молодой, ему и не положено считывать.

В купе Виктор положил перед Васей пару газет, купленных на станции с фанатами.

— Вчерашние, свежих не было.

— Ага, спасибо.

Рымников погрузился в периодику, Виктор отсел за столик боковушки смотреть на

заоконный унылый пейзаж. Стольников улёгся с ридером, нашёл чеховскую «Степь», под которую, помнил, в поезде всегда хорошо спится.
— Пятеро убитых на Лубянке, — сообщил из газеты Вася.
— Фамилии есть?
— Есть. Аспирант МГУ Евгений Строгин, студентка Елена Зайцева, таксист Бохадыр Ураков, пенсионер Валерий Бучнюк, художник Георгий Смушкевич. И полтора десятка раненых.
— Значит, вдвое больше.
— Наверное.

Стольников глядел в электронную книгу, но буквы никак не складывались в Чехова. Почему-то вспомнилась последняя встреча с Рымниковым и Куницыным. Сидели на веранде после бани, пили спирт. Мирно, спокойно, как в прежние времена. Вася опять мечтал о жизни после Земскова.
Неожиданно взорвался Лёшка: «Вам не надоело? Нормально же люди живут без вашей дебильной политики. Слушать тошно: то не так, это не эдак. Чего ты добиваешься своими разоблачениями, Васенька? Революции новой? А ты спросил у меня, нужна мне твоя революция? Да пусть Земсков хоть трижды мудак, но Вторую пандемию победил, ставку по кредитам снизил, дороги с мостами строит, пенсии растут. Ты спроси у моих работников: пойдут они за тобой, готовы они ради какой-то там свободы отказаться от стабильной работы, ипотеки, кредитов? Да они первые вас, прекраснодушных, в клочки порвут. Я не стану. Я в сторону отойду, чисто посмотреть».
Куницын ожесточённо рвал руками остывшую после мангала курицу, Рымников как-то сник, попытался нейтрально отшутиться, Стольников перевёл разговор на футбол. Гости уехали в город быстро, но мирно. Куницын потом звонил пару раз, но больше уже не встречались. Николай, в общем, понимал Лёшку, которого власть год назад вдруг выписала из пораженцев, частично вернула бизнес, отправив на зону тех, кто торговую сеть у него в своё время отжал. Тут любой решит, что товарищем Земсковым исправлена чудовищная ошибка и справедливость восторжествовала. А восторжествовала она по своей имманентной природе или же по случаю занесения в нужный кабинет денег конкурирующей с обидчиками Куницына другой финансово-силовой группировкой, уже не важно. Важно возвращение из касты неприкасаемых в статус нормального человека и гражданина.
Возможно, верни сейчас власть домой с исправления Лену, Стольников тоже уверовал бы в конечную справедливость коллективного Земскова. Но дочь продолжала отбывать исправительный срок в присвоенном ей государством общем статусе. По крайней мере, так информировал сайт Госнадзора: ответ на запрос аккуратно приходил в тот же день, вежливо сообщая, что в случае изменения статуса Елены Стольниковой ему сообщат о том незамедлительно. Хороший сайт — оперативный, корректный, удобный в навигации. Такой бы сайт да Анне Андреевне в руки, вместо долгих очередей у дверей пункта приёма передач Льву Гумилёву. Впрочем, тогда чекисты хоть передачи принимали, нынешние от этой нелепой практики отказались. Государство в состоянии само обеспечить достойный рацион и форму одежды оступившимся членам общества. Не сталинские времена, чай.
Где-то сейчас Лёшка Куницын — драматург, бизнесмен, потом пораженец, волею случая превратившийся в правоверного слугу режима? Вернулся в первобытное состояние изящного балагура, свободолюбца, женского любимца или остался верен благоприобретённой угрюмости правильного текущего бытия? Хотелось бы посмотреть. Жаль, события последних недель неслись вскачь, не позволяя остановиться, оглянуться, как в популярном в их студенчестве одноимённом романе Леонида Жуховицкого.

Николая взяли прямо в очереди к кассе «Пятёрочки». Двое подошли сзади, сказали «позвольте», один принял из рук Стольникова корзину с продуктами, улыбнулся кассирше и поставил неоплаченную снедь перед терминалом. Очередь расступилась, и двое мужчин, крепко державших за плечи третьего, целеустремлённо прошагали мимо вытянувшегося в

струнку охранника на автостоянку к бежевому праворульному «ниссану». Никто не надевал на голову Николая никакого мешка, не было сопровождающего спецназа Росгвардии в балаклавах. Наручники, правда, умело застегнули. Стольников даже успел подумать, что весь этот показной антураж задержания злоумышленников используется исключительно по просьбам телевизионщиков, которым всегда нужна весёлая картинка к динамичному сюжету.
Из внутреннего двора управления ГСН Николая по затейливым подземным коридорам провели в помещение, которое можно было бы по аналогии с больницей назвать приёмным покоем. Там его обыскали, сфотографировали, занесли паспортные данные в компьютер, выдали матрац с постельным бельём и отправили под конвоем в двухместную камеру, в которую впоследствии так никого и не подселили.
На третий день (или, скорее, ночь) Стольникова отвели к следователю. Тот был официален, скучен, пугал всяким разным. За что задержали, не говорил. Через полчаса невнятного допроса чекист вызвал конвой, который доставил арестанта к самому генералу Бурцеву.
Начальник управления Госнадзора тоже не задержал Николая надолго. Поговорили, ясен конь, о Василии: где живёт, когда последний раз встречались, в каких выражениях Рымников отзывался о президенте Земскове. Выражения Стольников с удовольствием процитировал, на другие вопросы тоже отвечал обстоятельно — Вася никогда не скрывался от властей, только про студию, где тот снимал свои ролики для плейбука, Николай ничего не знал, это была единственная табуированная тема в их с Рымниковым разговорах.
Ещё неделю Стольников просто скучал в камере — на прогулку не выводили, но кормили вполне сносно и спать разрешали сколько хочешь. А затем лязгнул засов и в камеру запустили Василия. Он был почему-то без матраца. Сел на соседнюю койку, спросил:
— Ну, как тут?
— Нормально, — ответил Николай. — Жить можно, сам увидишь.
— Не увижу, — ухмыльнулся Вася. — Пошли.
Коротко стукнул в дверь, которую открыл незнакомый весёлый сотрудник в штатском, и сам, без конвоя, уверенно повёл Николая к лифту. На четвёртом этаже они вышли, прошли по мягким красным ковровым дорожкам к уже знакомому кабинету генерала Бурцева. Василий прошёл через приёмную, без стука открыл дверь, пропустил вперёд задержанного.
Кабинет был пуст. На отдельном столе между двух кожаных зелёных кресел стояла бутылка коньяка, две рюмки, шоколадка и порезанный лимон. Рымников подвёл Николая к креслу, нажал на плечи.
— Садись, — разлил коньяк по рюмкам. — Ну, за свободу.
Опоздайка всегда любил красивые жесты. Позёрства у Васи не смог бы отнять ни господь бог, ни даже Фёдор Земсков.
В ближайший час Николай в отдельной генеральской комнате отдыха сидел на диване, курил, пил коньяк и смотрел главный местный телеканал, из которого узнал всё. Телевизор без передышки гнал хронику последних событий. О самосожжении столичных мажоров на Лубянской площади, о выступлении в тот же вечер Рымникова в плейбуке, о реакции мировой общественности, о неожиданной массовости протеста в Москве и мятежном Зареченске, о коротком кровавом противостоянии митингующих и силовиков, о том, как неожиданно зареченская десантная дивизия блокировала в городе базу дислокации ОМОНа, дом правительства и управление ГСН.
Про столицу незнакомый новый телеведущий рассказывал мало, зато эфир был заполнен цитированием кадров CNN, BBC, Reuters с ликующих улиц «свободного сибирского города Зареченска». Главным героем всех сюжетов был, конечно, Вася Рымников, предъявивший ультиматум Фёдору Земскову с трибуны главной зареченской площади. За спиной Василия стояли не только многие известные местные фрондирующие интеллигенты, но и фигуры полковников в форме десантных войск.

Вернувшись в бывший кабинет Бурцева, Николай обнаружил там человека в форменной тельняшке, выглядывающей из ворота камуфляжной десантной формы с генеральскими

погонами. Человек был усат, молодцеват и спокоен, как кок Кейси Райбек на борту линкора «Миссури», чего нельзя было сказать о Васе. Тот больше напоминал по внутренней нервозности персонажа Томми Ли Джонса.
— Насмотрелся, вник в ситуацию, узник чекистских застенков? — Рымников встал из-за стола навстречу Николаю. — Знакомьтесь: генерал Седых, Анатолий Степанович, командир нашей десантной дивизии. Николай Николаевич Стольников, мой старинный друг. Присаживайся, слушай.
Стольников пожал крепкую ладонь генерала (рукопожатия вновь вернулись в моду несколько месяцев назад), присел за стол напротив, рядом с Василием.
— Интернировано в общей сложности восемь человек из рекомендованных комитетом двенадцати, — генерал, вероятно, продолжал доклад. — Местонахождение Бурцева пока не установлено. Блокпосты обеспечены питанием, патрулирование продолжается. Обстановка в городе спокойная, рекомендую отменить комендантский час с понедельника.
— Хорошо, — согласился Рымников. — Комитет после сложения полномочий губернатора переключил на себя работу по обеспечению экономической стабильности региона. Толковые профессионалы назначены на ключевые должности, но обеспечение общественной безопасности пока придётся осуществлять вашими силами, Анатолий Степанович. С переформатированием правоохранительного блока есть определённые проблемы. Можем на вас рассчитывать?
— Руководство подтвердило прикомандирование дивизии Зареченскому комитету гражданского самоуправления ровно на неделю. Затем личный состав вернётся к исполнению возложенных на него задач по плану министерства обороны, — сообщил генерал Седых.
— Ладно, как-то придётся выкручиваться, — Василий ожесточённо потёр лоб. — Всё?
— Есть конфиденциальная информация, — тон генерала был вопросительный.
— Валяй, Анатолий Степанович, можно.
— Ситуация в Зареченске полностью контролируется оппозицией и не вызывает опасений, по крайней мере в настоящий момент. Но решаться всё будет не здесь, а в Москве, Василий Кириллович, — генерал Седых прошёл к холодильнику, достал бутылку минералки, отпил из горлышка.
— Не держи мхатовскую паузу, генерал, — поторопил Рымников. — Выкладывай.
Десантник вернулся за стол.
— Ситуация в генштабе сегодня равновесная и очень напряжённая. Армия смогла усилиями отдельных высших чинов купировать насилие со стороны Госнадзора и Росгвардии в отношении мирного населения, но в любой момент нейтралитет может быть нарушен, если станет понятно, что протестующие на Лубянке начнут выдыхаться и уставать. Им крайне важно сегодня ваше присутствие. Моё руководство полагает, что пора, Василий Кириллович, ехать в столицу.
— Она же блокирована.
— Обеспечим проникновение, если дадите согласие.
Внезапно Стольникову пришла в голову абсолютно трезвая мысль: «А ведь я присутствую при заговоре. Я — государственный преступник самого отборного сорта. И меня обязательно расстреляют, как Федерико Гарсиа Лорку. Ладно, кому-то и Лоркой нужно быть». Хмыкнул вслух.
— Что? — рассеянно отвлекся на него Рымников, решился. — Да, пожалуй. Согласен. Каков план?
— План операции вам изложит специальный человек. Приглашу?
Василий кивнул. Генерал ткнул в номер на сотовом: «Виктор, поднимись ко мне».
— Этот парень был в моей разведроте ещё под Кызылом, в самые горячие дни. Дослужился у нас до капитана, забрали в ГРУ. Второй месяц как опять прикомандирован в Зареченск. Доверяю как себе и вам советую.
Коротко стукнув в дверь, к столу неуловимо опасной походкой и одновременно почти строевым шагом подошёл сухощавый молодой человек с чуть выбеленными сединой

висками.
— Майор Андреев.
— Садись, — десантный генерал кивнул на стул рядом с собой. — Прошу любить и жаловать, Виктор Андреев. Виктор Алексеевич, разъясни задачу Василию Кирилловичу.
Майор посмотрел на Стольникова, вопросительно глянул на генерала. Седых кивнул.
— Тогда так. Группа гражданских должна включать максимум трёх человек, информацию до них довести строго конфиденциально. Поедем на поезде до Рязани, оперативное и физическое прикрытие на мне. В Рязани будут ждать две машины со спецномерами и дополнительным усилением. Доберёмся в лучшем виде за трое суток, самое позднее. В общих чертах.
— Меня же теперь любая собака в стране знает. Вычислят в поезде, сообщат куда следует.
— Не льстите себе, Василий Кириллович, — майор дерзил умело и жёстко. — Вы далеко не Ксения Собчак и даже не Филипп Киркоров. Народ наш политику презирает, а революционеров любых мастей вообще знать не хочет. Короче, положитесь на меня. Хотелось бы прямо сейчас получить список группы. Выезд завтра.
— Десять минут дадите, майор?
— Пять.
— У тебя там коньяк остался? — неожиданно обратился Рымников к Николаю. Стольников кивнул. — Неси.
Полбутылки «Арарата» аккуратно поместились в четыре рюмки. Выпили. Майор выразительно посмотрел на наручные часы.
— Ну что, Коля, поехали? — Опоздайка смотрел на Стольникова как в старые добрые времена, когда на фольклорной практике предлагал сгонять за самогоном в соседнюю деревню.
— Поехали, Вася, — спокойно согласился Николай.
— Решено, едем мы вдвоём, — поставил точку Рымников. — Я уложился, майор?
— Более чем, — уважительно ответил спецназовец. — Тогда ещё проще. Вам собраться в дорогу нужно? Простите, не знаю имени-отчества.
— Николай Николаевич. Разумеется.
— Тогда делаем так. Сейчас я вас с Василием Кирилловичем аккуратно вывезу отсюда. Лишний диван дома найдётся? Отлично, там и переночуете. А завтра заберу — и сразу на вокзал. Пойдёт?
— Пойдёт, — ответил за Николая Рымников. — У меня тапочки с зубной щёткой здесь. Придумаешь, что сказать завтра комитету, Анатолий Степанович. Сообщишь, что старшим на хозяйстве по Зареченску оставляю Гонтаренко. Поможешь ему, да?
— Конечно.

Из каких соображений Виктор разместил их в плацкартном вагоне вместо купейного, майор внятно объяснять не стал. Некоторая туманность ответов представлялась Стольникову излишней перестраховкой, но лучше доверять специалисту, чем вообще никому. А в целом Виктор ему нравился спокойствием, уверенностью и контактностью.
Вот и сейчас в очередной раз вагон пропатрулировал наряд линейной полиции. Уже прошли мимо, так он встал, хлопнул полицейского по плечу. Тот обернулся в привычном оскорблении чувств должностного лица, а Виктор притянул их головы, что-то нашептал, и менты взорвались здоровым молодецким хохотом, дружелюбно кивнув напоследок. А майор задорно подмигнул Стольникову, скорчив самодовольную гримасу.
По вагону потянуло сквозняком и перегаром. В сторону вагона-ресторана двигалась добирать своё колонна фанатов в цветах родного клуба. «А-ван-гард! А-ван-гард!» — с вызовом граду и миру скандировали особо рьяные персонажи. Одного мотануло вагонной амплитудой, и он с размаху уселся на ноги Стольникова, посмотрел мутно, агрессивно, потянулся за газетой к Рымникову: «Про хоккей есть чего?». Рядом остановились двое таких же заинтересованных далеко не юных любителей спорта, пропуская за спинами фанатское движение России к

лучшему будущему.
Вася свернул газету, убрал за спину на полку, зевнул. Рымников всегда зевал перед дракой, вспомнил Николай и попытался вытащить ноги из-под незваного гостя, тот ответил коротко: «Не дёргайся, отец». Глаза фаната были уже не мутные, а трезвые и внимательные. Василий попытался встать, но был тут же припёрт к окну ещё одним ценителем зимнего вида спорта. Третий встал между полками, успел облокотиться локтями на верхние — и улетел головой в вагонное стекло от сдвоенного удара ног майора Андреева. Стёк туловищем на столик, успокоился. Виктор коротко ударил в горло сидевшего на ногах у Стольникова и сразу прыгнул на успевшего вытащить пистолет нежданного соседа Рымникова. Ствол дёрнулся вспышкой выстрела, в купе сразу потянуло кислым запахом пороха. Стрелявший ещё хрипел и дёргал головой, завалившейся на плечо Василия, а специальный человек уже сидел на спине выключенного первым ударом в шею зачинщика конфликта. Сунул нож с окровавленным лезвием Стольникову: «подержи», стянул кисти беспамятного за спиной пластиковой удавкой. Подмигнул Николаю, устало выдавил из себя: «Сейчас, сейчас». И завалился головой вперёд в проход вагона, исполненного мужскими криками и женской истерикой.
Сквозь панику пассажиров донёсся грохот форменных башмаков и команда «всем, блядь, занять свои места!». Два давешних мента подбежали к месту происшествия с табельным оружием в руках, окинули взглядом панораму боя. Один, держа «макарова» наизготовку, прошёл дальше по вагону, бегло исследуя купе и верхние полки. Другой оторвал руки Стольникова от булькающего кровью пулевого отверстия в футболке майора, взял его за голову, сказал: «Витя, ну как же так. Ну ёб твою мать, Витя». Взял под мышки, кивнул на нижнюю полку Николая: «Давай его сюда». Подняли, уложили.
Заглянул второй полицейский сержант, прячущий в кобуру пистолет:
— Сообщил. Станция через полчаса, сказали, что успеют. Как он?
— Не знаю. Дышит. Из этих один тёплый, два холодных.
— Справишься тут один?
— Как-нибудь. Аптечку посмотри у него в рюкзаке, перевязка должна быть.
— Некогда, сам.
Сержант стянул с багажной полки рюкзак майора, бросил его напарнику. Заодно скинул сумки Стольникова с Рымниковым.
— Василий Кириллович, Николай Николаевич, вы со мной. Без вопросов, быстро, быстро.
Направляясь за полицейским, или кто он там был в действительности, Николай оглянулся на майора. Тот смотрел на него ускользающим в небытие взглядом, дышал прерывисто, со свистом. Подмигнул, показалось, что улыбнулся.

Запись в блокноте Стольникова.
УПАКОВАННОЕ ВРЕМЯ
Выпить водки на перроне на прощание,
закурить по сигарете на дорожку...
Ах, какие раньше были расставания —
потихоньку, полегоньку, понемножку.

Даже если чересчур, то с пониманием
относилась проводница к процедуре:
«Вы, товарищ, прекращайте пререкания.
Вам, товарищ, подучиться бы культуре.

Поднимайтесь быстро в тамбур — отправление
нам дают уже. Прощайтесь и поехали».
Уезжало в неизвестность поколение,
как в считалке: за грибами и орехами.

И орехов нам отсыпали до краешка,
и грибы пошли опять сплошь ядовитые.
И свобода расставания — в сараюшке:
неумытая, побитая, забытая.

На перронах отчуждение стерильности,
полицейские с овчарками суровые,
как приметы утомительной стабильности.
И тоскливые гудки шлют маневровые.

Пассажиры все трезвы до неприличия,
провожающие строгие, солидные.
И вокзалы уникально обезличены,
и прощания какие-то гибридные.

Сигаретный дым с загона для курильщиков
донесёт вдруг до вагона запах прошлого.
На восток везут груз памяти носильщики —
упакованное время суматошное.

Глава 3
Артёмов
— Таким образом, Зареченск продолжает оставаться под контролем армии, товарищ главнокомандующий, — начальник Генерального штаба Антон Дерябин отошёл от карты, положил указку на стол. — Сразу после восстановления правопорядка в столице мятежный комитет будет изолирован, все установленные активные сторонники Рымникова будут переданы структурам ГСН. Доклад закончил.
Президент Фёдор Земсков, облачённый по случаю госпереворота в элегантную полевую форму высшего командного состава, нашёл взглядом командира зареченской десантной дивизии:
— Справитесь, генерал?
— Так точно, товарищ главнокомандующий, — встал Седых. — Операция по удалению блогера из Зареченска прошла успешно, других серьёзных препятствий для быстрого и максимально бескровного подавления локального мятежа нет. Город контролируется вверенным мне подразделением.
— Хорошо. Теперь по Рымникову. Доложите, Евгений Станиславович.
— Рымников пока не установлен, товарищ главнокомандующий, — кратко отчитался Артёмов. — Работаем.
— Плохо работаете, товарищ министр ГСН, — поморщился Земсков. — Ставите под угрозу всю операцию. Тысячи полевых сотрудников целый год вели оперативную работу по плану «Синедрион», ночей недосыпали, с семьями неделями не виделись. А ведь это не просто ваши подчинённые, это ваши боевые товарищи. Мои боевые товарищи. И мы не простим роковой ошибки руководства ГСН на последнем, решающем этапе операции. Садитесь. Теперь о наших западных партнёрах. Прошу, Алексей Валерьевич.
Директор офиса президента Алексей Болдырев начал доклад о реакции правительств США и Европы на революцию в России. Они называли «революцией» операцию Кремля под кодовым названием «Синедрион», направленную на окончательное устранение и изоляцию всех потенциальных врагов государства, то есть личных врагов Фёдора Земскова, среди которых Василий Рымников был главным, но далеко не единственным персонажем.
Среди полутора десятков присутствующих на особо секретном совещании в Горках, пожалуй, только Артёмов, Болдырев и Дерябин знали, что «Синедрион» является важной, но

лишь подготовительной частью плана «Апокалипсис» — глобальной операции возмездия, идефикс президента Земскова. План предполагал начало финального периода «Апокалипсиса» примерно через восемь месяцев после завершения операции «Синедрион», за которую сейчас так переживали лидеры западных стран.

В детали плана «Апокалипсис» Артёмова ввёл директор офиса президента сразу после встречи с Земсковым неделю назад, на которой генерал-полковник был назначен министром ГСН.
— Сочувствую вашей семейной трагедии, Евгений Станиславович, — Земсков говорил проникновенно, как будто при разговоре работали камеры протокольной съёмки для федеральных телеканалов. — Но горевать будем после победы. Ваш предшественник, буду откровенен, просрал всё что мог на важнейшем направлении работы ведомства, о частностях вам расскажет Алексей Валерьевич. Замечу лишь, что косвенным результатом этого провала была и гибель вашего сына. Уверен, Глеб мог и должен был выйти из круга откровенных недругов нашей страны, в который он попал по нелепой случайности. Ответственности за поступок с сына я с вас не снимаю, но разделяю её. Залогом чему является ваше назначение. Уверен в вас, Евгений Станиславович. Масштаб и уровень задач, стоящих сегодня перед ГСН, вам предстоит осознать в ближайшие дни. Работайте. Времени на раскачку нет.
В приёмной Болдырева директор офиса распорядился секретарше: «Галина Александровна, нам чай и кофе, пожалуйста. Вы же кофе не пьёте, Евгений Станиславович, я правильно помню?» И распахнул дверь в кабинет перед новым министром.
Алексей Валерьевич Болдырев, как карьерный чиновник, достигший высшей ступени развития в своем классе беспозвоночных, отличался инициативной исполнительностью, посвящённостью в тайны сфер и аккуратной русой бородкой, обеспечившей ему прозвище «Козлевич» как в околокремлёвских чиновных кругах, так и в совсекретных оперативных донесениях для руководства ГСН. Правая и самая доверенная рука Земскова являлась одновременно и его головой, точнее ртом, через который до окружающих доводились идеи президента. Чем Земсков вкладывал свои идеи в рот Алексею Валерьевичу, доподлинно неизвестно, но Артёмову несколько лет назад довелось ознакомиться с донесением, в котором сообщалось о не вполне высокодуховных способах передачи информации директору офиса президента от давно уже неженатого лидера нации. Суперценный агент конторы, измысливший важнейшую государственную тайну, через пару дней после своего донесения внезапно сошёл с ума и скоропостижно скончался в клинике под Брянском, но информация, попавшая в Госнадзор, никогда не исчезает бесследно. И наблюдая в телевизионных трансляциях с главных всенощных служб просветлённые лики Земскова и Болдырева, генерал Артёмов невольно вспоминал факты из донесения сумасшедшего агента. Память — штука коварная, с ней сложно.
— Вы же понимаете, Евгений Станиславович, что в мирное время после выходки Глеба, царствие ему небесное, вы бы отправились руководить Чукотским управлением ГСН, — Болдыреву ни к чему были церемониальные расшаркивания, он внятно доводил до собеседника незакамуфлированную мысль президента. — И поверьте, это был бы лучший вариант из всех возможных. Но бывший министр (у кремлёвских с давних пор традиционно не назывались пофамильно неприятные Земскову личности) очевидно не справился с кризисной ситуацией, начиная со сдачи Лубянки, заканчивая обстрелом центра Москвы из пушек БМП. Внутренний политический конфликт мгновенно превратился в главную точку международной политической напряжённости. В незапланированное движение пришли мировые центры реального влияния на глобальные процессы, что поставило под угрозу весь план «Апокалипсис», в который я вас сейчас введу, но хотелось бы уяснить: вы понимаете, почему именно на вас сегодня президент решил возложить работу министерства?
— Зареченск.
— Правильно понимаете, Евгений Станиславович. Курируемое лично вами зареченское направление операции «Синедрион» — едва ли не единственная почти безошибочная работа

Госнадзора. В условиях как внутреннего, так и международного кризиса государству требуется безупречная настройка всех механизмов, ведущих к поставленной президентом цели. Мы уверены, что трагедия, случившаяся с вашим сыном, позволит вам максимально точно просчитать последствия каждого шага министерства по выполнению возложенных на него задач. Так?
Директор президентского офиса внимательно следил за реакцией генерала. Артёмов, сцепив руки, смотрел в полированный стол. «Глеб, что же ты наделал, Глебушка. Как же мне теперь без тебя? Как маме? Сыночек, сыночек... Но доверили. Земсков не виноват, страна не виновата. Сволочи пораженцы. Враги. Затянули Глеба. Уничтожать тварей. Всех до единого. Дотянуться до каждого. Правильно. Всё правильно».
Министр поднял голову, посмотрел в изучающие глаза Болдырева:
— Так. Всё так.
— Отлично. Тогда к плану «Апокалипсис». Война в Туве выявила не только профессиональную дееспособность армии, но и неготовность определённой части населения принимать боевые потери как неизбежную плату за суверенитет России. Пораженческие настроения возникли в первую очередь в результате победы государства над мятежниками. И государство начало планомерную работу по выявлению, изоляции и дальнейшему исправлению тех граждан, которые ставят личные интересы выше общественных. Волна эпидемий последних лет несколько затормозила темпы, но в целом задача, поставленная Фёдором Сергеевичем, решается успешно. И сейчас чрезвычайно важно завершить операцию «Синедрион» в полном соответствии с заявленными целями.
Артёмов кивнул, потому что понимал про операцию «Синедрион» уж никак не меньше, чем директор офиса. Ждал, когда Болдырев перейдет к плану «Апокалипсис». Название было угрожающе-пафосное, но оно могло вполне себе оказаться ироническим, соответствующим своеобразному чувству юмора Земскова. Тут никогда не знаешь заранее.
Болдырев продолжил.
— Но при всей в целом успешно выполняемой задаче по построению нового цельного общества, основанного на традиционных ценностях российской культуры и исторической ментальности, до сих пор не получается окончательно перекрыть каналы русофобии, которой буквально пропитан театр информационных действий вероятного противника. Мы не можем запретить Европе и Америке пропагандировать западные свободы, которые на наших суглинке с чернозёмом всегда дают отравленные всходы. Цифровое унижение нельзя терпеть бесконечно долго: если с врагом не получается договориться по-хорошему, значит он вынуждает говорить с ним по-плохому. «Кто на нас с мечом пойдёт, тот от меча и погибнет» — так сказал президент в своём послании Федеральному собранию в год Второй пандемии, если помните. И это, Евгений Станиславович, было вовсе не фигуральное выражение.
Евгений Станиславович понимал, что не фигуральное. Понимал, что в Кремле работают над ответом коллективному Западу по существу. Но он не представлял, что этим ответом будет тактический ядерный удар, зафиксированный в качестве промежуточной цели стратегического плана «Апокалипсис». То есть название было правильное, объясняющее.

Министр ГСН почти не слушал выступавшего на совещании в Горках директора офиса президента. Доклад Болдырева о реакции на последние события в России мировых спецслужб и западных медиа по сути был аналитической запиской, составленной на основе массива данных открытых и закрытых источников, представленных в офис ведомством Артёмова. Информацию методично собирали десяток реально дающих результат нелегалов, работающих за границей, и сотня специалистов аналитического центра, который уютно разместился под вывеской сложнопроизносимого НИИ в недалёком подмосковном городке. Если бы центр до сих пор находился в захваченном протестантами практически декоративном Главном управлении ГСН на Лубянке, это был бы крайне болезненный удар по защите государственного строя. А так — чисто символический акт свержения ЧеКа: нам всё

равно, а революционерам приятно.
Понятно, что та важная для плана «Апокалипсис» информация, которая с серьёзным риском добывалась по крупицам агентами Госнадзора не только на Западе, но и на Востоке, суммировалась в отдельной аналитике, для непосвящённых не предназначенной. Какой прок от лишнего знания, скажем, вот этому десантнику Седых, судя по орденским планкам, преданному служаке, герою тувинской кампании? Он, конечно, по итогам операции «Синедрион» получит секретную звезду Героя и назначение в столицу, но финальная блокировка Зареченска не стоит и десятой доли донесения агента Лорд, добытого от источника с базы стратегической авиации британских ВВС в Шотландии. И неважно, что ни агент Лорд, ни этот бравый десантный генерал не подозревают о своей роли в сложной геополитической игре, которую сейчас ведёт Земсков. Важно, что из поданных ими кирпичиков складывается монолитная крепостная стена, которая послужит защитой стране в грядущем глобальном конфликте. Рано или поздно он будет исчерпан, но результатом должна стать Россия, которую мы когда-то потеряли, — отмобилизованная, мощная, уверенная в себе и географическом окружении держава, в которой не стыдно будет жить детям. И Глебу не стыдно было бы. Значит, и для него всё это. Пусть хоть так.
Министр отвлёкся от записей в блокноте, чтобы послушать очередной анекдот от президента, до которых тот всегда был охоч. В анекдоте речь шла о чукче, негре и русском на необитаемом острове. Артёмов помнил его со школы, но вместе со всеми заразительно посмеялся над неприличной концовкой. Генерал Седых хохотал громче всех и даже утирал неподдельные весёлые слёзы. Армия нужна сильному государству, никто не спорит, но никогда военные не будут определять целеполагание страны, не для их это скромных умов. Армия всегда будет решать задачи, поставленные спецслужбами. И президентом, понятно. И никак иначе.
Тем не менее нужно признать, что задача, отведённая Генштабу в операции «Синедрион», была выполнена армией в целом успешно. Спланированное зареченское восстание местной интеллигенции десантники аккуратно купировали и только ждут команды на исполнение поставленных Земсковым задач. Рымникова изолировали от толпы и деликатно отправили прямиком в изолятор рязанского управления ГСН. Инцидент в поезде — результат традиционной несогласованности силовых структур и, не нужно себе врать, провал Госкомнадзора, не сумевшего пресечь самодеятельность Бурцева. Судя по всему, начальник Зареченского управления с некстати приданной группой усиления сейчас идёт по следу Рымникова. И срочной нейтрализации подлежат оба, пока цепочка случайностей не привела к фатальному краху всей операции. Ну да это дело ближайшей пары дней, никуда не денутся ни Бурцев, ни Рымников с этим, как его, Стольниковым.

ГСН инициировала студента Артёмова на четвёртом курсе истфака. Тогда говорили «вербанула», но вербовать отличника Женю Артёмова было не на чем, да и не стоило усилий. Он с детства любил фильмы про советских чекистов — умных, вежливых, уверенно стоящих на позициях охраны государства от внешних и внутренних врагов. А фильмы про советских педагогов — тоже безусловно умных, талантливых, преданных своей работе — не любил: какие-то они несчастные вечно были, внутренне беспокойные и внешне непрезентабельные, с сушасшедшинкой. Не климатило Жене после университета учить истории пубертатов томской средней школы. Да хоть бы и московской, неважно.
Потому на первый проверочный контакт с куратором от Госнадзора пошёл уверенно, порученные задания выполнял легко и чисто, после красного диплома получил направление в спецшколу ГСН и по выпуску — лейтенантские погоны синего колера. Многажды потом Евгений Артёмов работал по педагогам, инженерам, журналистам, биологам и прочим прототипам Рымникова. Менялись времена, деньги, законы, международная обстановка, но всегда его противники оставались ровно теми же типажами, узнаваемыми с юности — и столь же неприятными внешне и внутренне. Как не понимал их лейтенант Госнадзора Артёмов, так и не принимал их министр ГСН Артёмов. Мог отдавать должное частным

случаям твёрдости, стойкости, убеждённости во взглядах, но всегда чётко отделял себя от этих чужих.
Другое дело, что со временем пришло разочарование и во многих своих, которые на поверку оказались очень далёкими от правильных чекистов из полузабытого детского кино. Делать карьеру в Госнадзоре приходилось далеко не чистыми руками, но и коллеги по соседним кабинетам играли по тем же правилам, и в итоге побеждал сильнейший: такой уж спорт, такой уж Дарвин. Но это были свои, давно принятые и проверенные правила, что для Артёмова, что для Бурцева. А Рымников и иже с ним всегда играли по своим правилам, непонятным ни для Артёмова, ни для вверенного ему государства. Потому идиот Бурцев всегда останется своим, а интеллигент Рымников — чужим. Не каждому дано быть астронавткой в исполнении Сигурни Уивер. Да и не служила она никогда в Госнадзоре, не сталкивалась с настоящими чужими, не киношными.
План «Апокалипсис» призван защитить своих. Не ГСН, нет — вообще всех своих: токаря Филимонова, пенсионерку Спирину, доктора Бронштейна, начальника Генштаба Дерябина, певицу Цыганкову. Всех, кто на стороне веры, президента и государства. Остальным — Звезда-3 и Звезда-5. Потому что чужие, потому что украли сына. И придёт им всем апокалипсис, культурно выражаясь. За Глеба в том числе.

Болдырев закончил доклад, сел.
— Вопросы? — обвёл взглядом зал заседаний Земсков. Вопросов не было. Президент достал из тонкой папки пару листков.
— Тогда подведём итоги совещания. Операция «Синедрион» вступает в завершающую фазу. Сейчас важно, я бы сказал, крайне важно не допустить ошибок, которые сведут на нет всю проделанную нами работу. Зареченский агент ЦРУ должен выступить с деятельным раскаянием по федеральным каналам, если не ошибаюсь, в пятницу. Как я понимаю, Госнадзору этих трёх дней хватит для задержания и спецобработки пассажира.
Прошу обратить ваше внимание, Евгений Станиславович, что раскаивающийся в содеянном должен выглядеть максимально искренним, вызывать у сочувствующих ему граждан соответствующую негативную реакцию. После чего в течение недели операция «Синедрион» должна быть завершена в строгом соответствии с прописанным финалом.
Суд над Рымниковым и его главными подельниками не затягивать, провести максимально гласно, с приглашением зарубежных информагентств. Думаю, количество подсудимых не должно превышать десяти человек. Прошу подготовить публикацию за моей подписью, где главной нитью должна проходить мысль о том, что нынешняя высшая мера — исключительная, не имеющая аналогов в современной России мера наказания, которая безусловно не получит распространения в дальнейшем, поскольку наша страна придерживалась и будет придерживаться принципов гуманизма даже в отношении государственных преступников. Доказательством тому послужит отправка на исправление активных мятежников в трудовые поселения Звезда-5 и Звезда-6. Надеюсь, урановое рудоуправление уже готово принять семь-восемь тысяч человек. Остальные пойдут по серому и общему статусу.
Теперь что касается возможной реакции наших западных партнёров на ближайшие события. Реакция ожидаётся жёсткой, подчёркиваю, предельно жёсткой. Но, как говорится, у лоха всегда жизнь плоха. В смысле, российская жизнь всегда будет плоха для стороннего взгляда. Она была плоха на взгляд печенегов, поляков, французов, немцев, но ничего, мы их всех как-то пережили, переживём и нынешних кликушествующих, скажем так, недоброжелателей. И чем сильнее будет истерика исконных врагов России, тем сокрушительнее будет наш им ответ. И, замечу, ответ будет неожиданный, асимметричный. Но об этом как-нибудь позже.
До свиданья, всем спасибо. Попрошу остаться Алексея Валерьевича.
Земсков поднялся из-за стола.
«Товарищи генералы!» — по команде министр встал вместе с остальными. Президент отпускающе махнул рукой, подошёл с Болдыревым к окну, раскрыл, вытащил сигарету из

пачки. Высшие кремлёвские чины столпились у выхода в короткую импровизированную очередь. В приёмной за дверью слышался неприятный посторонний шум.
— Посмотрите там, Алексей Валерьевич, — распорядился Земсков, прикурил и отвернулся к сквозняку из форточки.
Болдырев решительно направился к выходу, ещё более замедлив пропускную способность участников совещания. От очереди отделился генерал Седых, сделал пару шагов в сторону президента, достал пистолет и быстро выстрелил. Пуля аккуратно вошла Земскову в середину затылка прямо над воротом свитера защитного цвета, под которым у него всегда был легкий кевларовый бронежилет. Падение тела президента России случилось с довольно громким металлическим звуком. Так мог бы упасть Железный Дровосек, если бы он искал лучшей доли не в Изумрудном городе, а в резиденции Горки-4.
Артёмов никак не успел отреагировать на случившееся, когда в спину ему упёрся холодный ствол.
— Спокойно, Евгений Станиславович, — смерть говорила голосом начальника Генштаба Дерябина. — Давайте без резких движений.
В помещение, оттеснив участников совещания, входили люди с автоматами, в бронiках и в камуфляже песочной расцветки. «Не наши, армейский спецназ», — отметил Артёмов и сел на своё привычное место за столом.

Запись в блокноте министра ГСН генерала Артёмова.
«Агента Лорда к Боевому КЗ. Отозвать домой. Организацию операции по эвакуации поручить Серг. Ан. Предложить замом по агентуре. Важное назначение. Чистку управлений начать после НГ.
Бурцева разжаловать к ебеням».

Глава 4
Лена
Так-то скрежет напильника по металлу не раздражает, его и не замечаешь в ровном гуле механического цеха. Но вот уже второй час в цеху нет света. В смысле, света, конечно, достаточно из больших, во всю стену окон заводского корпуса, сложенных из стеклоблоков, наверное, ещё при каком-нибудь Брежневе, а электричество пропало. Револьверщикам-то чего — они побросали свои станки и пошли курить по раздевалкам. А на опиловке ток не нужен, всё ручками-ручками да напильниками.
Но вот и последний корпус манометра запилен и уложен на поддон готовой продукции, а новую партию из литейки Окунь всё не везёт. Погрузчик на аккумуляторах работает, от подачи электроэнергии не зависит. Да и литейный не должен останавливаться от перебоев в энергоподаче — металл застынет в печах. Впрочем, это так, ленивое теоретизирование: за три года исправления Лена ни разу не слышала о том, чтобы цех обесточивался — хоть на час, хоть на минуту.
— Ты б сходила к мастеру, бригадная, — обратилась к ней из-за своих тисков напротив тётка Оля. — Сменный план не выполним, оштрафуют. И так талонов на неделе с воробьиный хрен наработали.
— Докурю — схожу, — ответила Лена, понимая справедливость опасений бригады, но и не представляя, чем тут может помочь Никодимыч — он-то уж точно электричеством не распоряжается. С другой стороны, может, знает чего. Надо сходить.
Перевязала косынку, стряхнула с робы металлические опилки, собралась уже вставать, как к столу опиловочного участка подошёл сам Дед Никодимыч.
— Подвинься-ка, — присел рядом с Леной за обитый металлом стол, помолчал, борясь с одышкой. — Сколько сделали?
— Три поддона всего.
— ОТК приняла?
— Нет ещё, не приходила, — Лену не ОТК интересовала, а сменная выработка бригады. —

Нам талоны за простой компенсируют? Что цеховой говорит?
— Нет его на месте, с обеда не возвращался.
— Что происходит-то вообще, Никодимыч? Работать будем или как?
— А теперь — дискотека, — туманно ответил мастер. — Ладно, пошли со мной. Курите, тётки, радуйтесь антракту.
Дошли до непривычно тёмной будки сменного мастера, расположенной в торце длинного цехового корпуса на высоких металлических опорах для лучшего обзора, поднялись по замасленной лестнице. Дед Никодимыч снял трубку древнего телефона, крутанул диск три раза, послушал.
— Не отвечает Точнин. И зам по производству не отвечает. Ничего не понимаю.
— Может, связь? — предположила Лена.
— Гудки-то идут.
— А в опеку если? — неожиданно для себя самой спросила бригадирша. — Нет, это я так. Извини.
Инициативную связь с заводским органом опеки держали только суки на доверии. В смысле, дополнительный ранг доверия оперчасть присваивала отдельным исправленцам к их статусу по каким-то своим внутренним соображениям, но суками из них становились очень немногие. С другой стороны, суками по факту были и некоторые исправленцы без ранга доверия. И всех их на посёлке знали — тут трудно что-то утаить.
Никодимыч лишился доверия, когда ему накинули два года за осторожное возражение по предложенной технологии чего-то там Лене непонятного механического. Сукой он никогда не был — каждому известно. И предлагать человеку инициировать звонок в опеку — серьёзное оскорбление, в общем. Можно посчитать и предъявлением. Никодимыч мог бы ответить жёстко и по делу, он умел. Но вместо того раздумчиво поглядел на Лену и потянулся к трубке.
— Можно и в опеку, — набрал номер, подождал. — Нет ответа. Такие дела, Стольникова. Такие у нас тут с тобой непонятные дела.
Лена и сама уже поняла, что дела на Звезде-3 творятся непонятные. Очень мягко говоря. Закурила предложенную мастером сигарету с фильтром. Круглые канцелярские часы на стене отсчитывали последнюю минуту до гудка окончания смены. Секундная стрелка дошла до цифры 12, прощёлкала лишний круг. И еще круг. Гудка не прозвучало.
Лена ничего не спросила, просто смотрела на мастера.
— Ступайте на построение, — пожал плечами Никодимыч. — Режим никто не отменял. Полез в шкаф за бушлатом, закашлялся.

Когда бригада опиловки вышла на построение у ворот механического, двор был пуст. Похоже, бригады уже прошагали на выход из промзоны. Тётки скоренько встали в детсадовскую колонну по двое и быстрым шагом направились к проходной. На заводе было тихо, как на кладбище, не слышалось даже лая ментовских овчарок.
Как обычно, остановились у обменника, дверь которого отчего-то непривычно болталась на одной петле. Лена с тёткой Олей зашли внутрь. Прилавок был разгромлен, складская подсобка зевала выбитым дверным косяком, острый штырь с пробитыми на нём талонами валялся на полу. Тётка Оля хотела было заглянуть за прилавок, но Лена сказала: «Оставь, пошли». С режимом случилось что-то неладное, и это было страшно.
Почти бегом добрались до своего женского пятиэтажного общежития. В постовой будке у ворот забора никого не оказалось, но внутри было тепло и крутилась обычная короткая послесменная жизнь поселенок общего статуса. Нормировщицы застолбили очередь в душевую, столовские таскали в прачечную цокольного этажа узлы с бельём на стирку в надежде, что вечером-то уж свет дадут, не могут не дать.
В жилом отсеке второго этажа опиловщицы разбрелись по своим койкам: у каждой накопились мелкие бытовые дела, которые нужно было успеть сделать, пока комната ещё освещается лучами неяркого предзимнего солнца и не настало время воспитательного

общеэтажного телепросмотра. «Так света же нет, — опять вспомнила Лена. — А как с телевизором тогда?». Не стала забивать голову лишним, достала из тумбочки втулку толстой белой нитки с воткнутой в неё иглой, села подшивать свежий подворотник на робу. Внутри нагревался липкий ком неясной тревоги.

Ко времени начала программы «Страна и президент» почти совсем стемнело. На всякий случай Стольникова вышла в коридор, почти на ощупь добралась до воспитательной, подёргала запертую дверь, пошла по стенке обратно. С выхода на лестницу шатался луч света, заглянул на этаж, ударил Лене в глаза.
— Надевай бушлат, Стольникова, — из-за слепящего луча фонарика прозвучал голос мастера. — Пошли со мной.
— Ты как здесь, Никодимыч? — удивилась Лена. — Мужикам же нельзя.
Воистину сегодня мир встал с ног на голову.
— Живей давай, — полушёпотом поторопил Дед. — Всё потом. Здесь?
У входа в секцию бригады потушил фонарь, кивнул на дверь. Лена сдёрнула с вешалки бушлат, вернулась в коридор. Спустились вниз, вышли из общежития. Вдалеке, за воротами забора, окружающего женскую жилую зону, мелькали лучи приближающихся фонарей. Свой фонарик Дед Никодимыч выключил, огляделся.
— Там что? — ткнул пальцем в кривую металлическую будку слева от общаги.
— Дворницкая.
— Туда.
На двери будки с лопатами и граблями, которые выдавались ещё до подъёма сменным чистильщицам, висел всегдашний замок. Территория жилой зоны убиралась от снега зимой ежедневно, а от осенних листьев — при ожидаемой проверке поселения очередной комиссией. Будку для выдачи инвентаря обычно открывала ленивая вохра с КПП. Бывало, минут по двадцать можно было ждать на 40-градусном морозе появления мента с ключами. От смены зависело, конечно, — кто так и сразу выходил из тёплого помещения, мусора тоже разные бывают.
У будки мастер звякнул вытащенной из кармана связкой, со второго раза подобрал нужный ключ, открыл замок, впихнул внутрь Лену, прикрыл за собой дверь. Бригадной было страшно спрашивать, но она спросила:
— Что там, Никодимыч?
— Там, Стольникова, шиздец, — мастер добавил ещё пару аутентичных уральских лексических оборотов. — Там, Стольникова, воля нам наступила. Прям на горло.
— Ты толком давай, — страх у Лены добрался до кончиков онемевших пальцев.
— Часов с трёх на посёлке нет ни ментов, ни вольных. К вечеру прояснился расклад. Литейные нашли две канистры спирта в караулке, устроили праздник в третьей общаге. Потом, понятно, по вашу душу собрались, тилигенты. Всё, нишкни. Может и отсидимся.
Непонятное, страшное, тяжёлое так сдавило живот опытной исправленки общего статуса, бригадира трудового поселения Звезда-3 Лены Стольниковой, что нестерпимо захотелось в туалет. И закурить. Полезла за сигаретами, Никодимыч понял, прошипел: «Дура, что ли?»
Лена нащупала в кармане недописанное письмо отцу: прошлой осенью исправленцам разрешили раз в год отправлять весточку родным. Как раз сегодня подошёл срок, собиралась дописать и бросить в цензурный ящик опеки, да вон оно как обернулось. Ноги отказались держать тело, и Лена опустилась на беспорядочно сваленный на пол шанцевый инструмент.
В щель чуть приоткрытой двери Дед Никодимыч пытался наблюдать за происходящим.
Не отрываясь, шепнул: «Подбери мне чего-нибудь. Только тихо». Стольникова поняла, ощупала пространство вокруг себя, нашла штыковую лопату с коротко обломанным черенком. Мастер попробовал пальцем остроту заточки металла, покачал головой, вздохнул, но прихватил инструмент поудобнее к руке. Взглянул за дверь ещё раз, прошептал: «Человек двадцать собралось».
От общежития послышался звон разбитого стекла, пьяный гогот, женские крики.

Разноголосый мат накрыл Звезду-3. «Воля наступила», — вспомнила Лена слова Никодимыча. Тот напрягся, отступил в сторону от двери, прижался спиной к металлической стене, прижал палец к губам. Свет от трёх фонарей приближался к дворницкой, пробиваясь в щель так, что можно было разглядеть грузную фигуру мастера.
— Свежий след. Тут спряталась, жучка, — хриплый голос Лене был незнаком.
— Следствие ведут знатоки, — хихикнул Пашка Окунь, карщик из механического.
— Ну-ка, откроем чакры, — просипел ещё один незнакомец.
В открытую дверь ворвались лучи трёх фонарей, Лена прикрыла от света глаза рукой.
— Опаньки, да тут Стольникова, — обрадовался Окунь, отсвечивая лезвием ножа. — А ты мне всегда нравилась, Ленка. Снимай штаны, вставай раком. Я первый, мужики, по праву давнего знакомства.
У Лены свело челюсти, по ногам побежало тёплое и мокрое. Спазм не давал ни ответить, ни вздохнуть.
— Чо на морозе-то, потащили в общагу, — возразил сиплый. — Хоть разглядеть шалаву на свету.
— Ебать, и никаких гвоздей — вот лозунг мой и солнца, — взоржал хриплый и шагнул к Лене.
Дед Никодимыч рубанул его по затылку коротко, почти без замаха. Шагнул в проём навстречу слепящему свету и сразу осел, заваливаясь на спину обратно в будку, забулькал горлом.
— Сука, откуда он взялся! — панически взвизгнул Окунь.
С лезвия ножа капало тёмное. Кухонный, из столовой — разглядела Лена.
— Да хрен с ним, — не отвлекался от главного сиплый. — Развелось, блядь, Дубровских.
Шагнул к Стольниковой, потащил за волосы наружу через все ещё булькающего Никодимыча, бросил на чуть припорошенную свежим снегом землю, перевернул на живот, рывком поставил на четвереньки.
— Не дёргайся, падла, — тянул с бёдер робу, лез шершавой ладонью под одежду. — Самой же хочется.
— Не надо, Паша, — вытолкнула из себя мольбу Лена.
— Надо, Лена, надо, — пьяно ухмыльнулся Окунь, расстегивая под бушлатом ремень. — Рот открывай, не кобенься.
— Да она обоссалась, сука! — определил сзади сиплый голос.
— А ты её в оч...
Громкий сухой звук автоматной очереди отбросил назад электрокарщика Павла Окунева — бывшего словесника, завуча, отличника народного просвещения, автора двух статей в литературных журналах о творчестве поэта Олега Григорьева. Прошила пуля и сиплого исправленца, доктора биологических наук, трудившегося на промзоне кладовщиком в отделе реализации и оттого Лене Стольниковой совсем незнакомого.
Она только успела подтянуть сдёрнутые штаны, когда её подхватили с двух сторон люди в песочном камуфляже: «Быстро, быстро». И потянули к общежитию, в окнах которого наконец горел свет. Вместе со светом кто-то включил и звук: Лена услышала редкие выстрелы и глухой звук двигателей бронемашин, фароискатели которых били вглубь территории женской жилой зоны трудового поселения Звезда-3.

В восемь утра под команды военных исправленцы построились в каре возле храма у ворот в промзону — и мужчины, и женщины. У проходной стояла бронетехника и два десятка армейских трехосных кунгов. Солдатики грузили в санитарную машину черные пластиковые мешки с очертаниями тел — пять, кажется.
В центр каре вышли полковник и два автоматчика в сферах и бронежилетах.
— Слушаем меня внимательно, снимаем все вопросы, — голос полковника привычно покрывал открытое пространство. — Со вчерашнего дня ответственность за положение дел в стране временно взяла на себя армия, президент Земсков отстранен за нарушение

конституционных норм. В ближайшие дни будет сформировано переходное гражданское правительство. Трудовые поселения литеры «Звезда» прекращают своё функционирование. В течение двух, максимум трёх дней все поселенцы будут вывезены в город и размещены в местах временной дислокации для проверки личных дел и выдачи общегражданских паспортов, после чего им — в смысле, вам — будут выписаны проездные документы для отбытия к месту жительства. Установленные здесь вчера преступные элементы уже переданы органам правопорядка и отправлены в СИЗО.
Эвакуацию начинаем с женского контингента. Потому правая часть строя — нале-во! По машинам шагом марш! Беликов, Строчкин — распорядитесь, чтоб без толкотни и суеты. Остальные сейчас отправятся по своим жилым зонам. Полевые кухни готовят обед, время принятия пищи — 14.00.
И вот что ещё. Мужчинам, владеющим строительными специальностями, после построения подойти к майору Пелевину — вон к той машине.
В общем, поздравляю вас, конечно. И от лица командования, и от себя лично.
Полковник развернулся и пошёл в сторону большой армейской палатки, рядом с которой под маскировочной сетью стояли два кунга с многочисленными антеннами на крыше. Но Лена этого уже не видела.
Она привычно шагала в колонне, не слыша возбуждённо тараторящую тётку Олю. Села на мягкое сиденье в тёплом армейском кунге, смотрела, как загружаются в них другие исправленки, а с ними шутят совсем молоденькие солдаты в боевой амуниции.
Вдруг над Звездой-3 разнёсся ежедневный гудок начала и окончания смены. Он гудел протяжно и непривычно весёлым спартаковским речитативом «уу-уу, уу-уу-уу, уу-уу, уу-уу — уу-уу». И тогда Лена заплакала. Завыла.

Письмо Лены Стольниковой отцу.
«Здравствуй, папка!
У меня всё нормально, исправляюсь как могу. Осталось совсем немного — надеюсь, ничего непредвиденного не случится.
Кормят нас здесь хорошо, позволяют повышать квалификацию. Уже полгода, как меня поставили бригадиром на своём участке. Гордись. План мы выполняем, начальство мною довольно. Участвую в общественной жизни, на Новый год читала на концерте отрывок из книги Паустовского «Романтики». Девочки аплодировали, сказали, что хорошо выступила. Часто снятся мама, Рита и дед. Веселые такие, счастливые. А ты не снишься почему-то. Очень хочу тебя увидеть, очень скучаю. Помнишь, ты водил меня маленькую в горсад, кататься на карусели? Самое первое моё воспоминание из детства и самое счастливое, кажется. И вы такие молодые с мамой и дедушкой, и солнышко яркое, и деревья зелёные. Только у меня новые сандалики ногу натёрли, и ты меня всю дорогу нёс до дома на плечах».

Часть третья
Фёкла смотрит телевизор
Есть телевизор — подайте трибуну,
так проору — разнесётся на мили.
Он не окно, я в окно и не плюну –
мне будто дверь в целый мир прорубили.
Владимир Высоцкий

Валера допивал вторую чашку кофе в баре «Два критика» на углу Белинского и Добровольского, сидя за столиком аккурат под портретом неистового Виссариона. Белинский, казалось, смотрел неодобрительно на мелкую чашку эспрессо в больших ладонях высокого студента с длинными черными волосами, прихваченными по лбу разноцветной плетёной фенечкой. Судя по взгляду классика, в его университетские годы студиозусы не разменивались в часы досуга на нелепые безалкогольные напитки — потому что vita

brevis, gaudeamus igitur и всё такое. Преддипломник Валерий Сухинин и без Виссариона понимал, что кофе — жалкий эрзац пива, но впереди ожидало неизвестное и тревожное, требующее временно трезвого образа жизни. С другой стороны, желание избежать неизбежного настойчиво требовало наличия пива в организме. Меню предъявляло в ассортименте светлое «Славянское», «Таёжное», «Останкинское», «Жигулевское», «Волочаевское». Темные сорта были представлены классическими «Бархатным» и «Мартовским».
«Ещё пятнадцать минут — и закажу большую «Таёжного», — малодушно поставил себе отсечку времени Валерий. — А пусть не опаздывает, сама виновата». И тут же в дверях бара возникла Фёкла. В организме автоматически сгинула тревожная печаль, растворившись в радостной теплоте встречи. Валера махнул рукой, Фёкла увидела, улыбнулась, подошла, села напротив. Стало хорошо.
— До пива оставалось десять минут, — ткнул пальцем в часы над стойкой Валера.
— Ух ты, мой строгенький, — сморщила нос Фёкла. — Дай чмокну.
— На, — Валерка поплыл, ощутив мимолетное касание свежих с мороза губ подруги.
— А пива мы с собой возьмём, — постановила Фёкла. — Не благодари.
— Да ладно? А что, так можно было?
— Можно, можно. Бери из расчёта на троих.
— Й-ес, — констатировал Валерка.
Уточнил, что лучше светлое, и пошёл за предназначенным небесами «Таёжным». Что судьбою начертано, того не избежать.

Наталья Викторовна, мама Фёклы, оказалась приятной молодой женщиной, схожей с дочерью каштановой причёской и задорной улыбкой.
— Сразу руки мыть, марш-марш, — отправила в ванную молодёжь после представления ей Фёклой в прихожей Валерия.
— Она у меня операционная медсестра, у ней не забалуешь, — запоздало предупредила Фёкла.
— Пандемию никто не отменял, — парировала Наталья Викторовна.
— Да я и сам собирался, — солидно заметил Валера.
Наконец расселись за накрытым столом: молодёжь рядом, мама Фёклы напротив. Наталья Викторовна ни одной морщинкой не выказывала напряжения смотрин будущего зятя. Сам же потенциальный родственник никак не мог найти места рукам. Фёкла накрыла Валеркину ладонь своей, успокоив её на белоснежной скатерти. Получилось слегка демонстративно, но мама и бровью не повела.
— А я люблю пиво, — призналась Наталья Викторовна. — Хорошо, что принесли. Вот и селёдочка у меня тут, пирог рыбный. Ты угощай Валеру, дочь. А может, коньяку хотите? У меня есть.
— Мы не любим, — ответила за Валерия Фёкла. — Нам от крепких напитков плохо бывает. Мы только пиво, и то не часто.
— Один раз и было-то всего, — буркнул Валера. — Но да, как-то не приучился к водке или там коньяку. Не нравится, пиво лучше.
— Вот и славно, — одобрила жизненный выбор жениха потенциальная тёща. — Давайте за знакомство.
Чокнулись высокими стаканами. Легкое напряжение первой семейной встречи начало таять, как пломбир «Советский» в кафе «Поплавок» жарким июльским днём.
— Чем родители ваши занимаются? — задала неизбежный вопрос Наталья Викторовна.
— Мама — завуч в 39-й школе, отец — художник-оформитель на заводе стройпластмасс. Живём в Химпосёлке, квартира трёхкомнатная, в пораженцах не числились, на статусе не отбывали, — Валерий решил сразу выдать необходимый объём обязательной к истребованию информации. — Пирог у вас просто замечательный.
— Спасибо, вы берите ещё, он с горбушей, костей не должно быть.

— Спасибо, обязательно.
Разговор катился ровный, благожелательный. Импульсивная Фёкла вела себя чинно, в соответствии со стандартом семейных ценностей старшего поколения. На втором литре «Таёжного» Валера окончательно успокоился и даже позволил себе поспорить с Натальей Викторовной о преимуществах традиционной кока-колы перед отечественной квас-колой, но был разгромлен наголову медицинской аргументацией специалиста, ко взаимному удовлетворению. Как, впрочем, и должно быть в ближайших обозримых десятилетиях мирного сосуществования с тёщей, если она не представляет собой явного агрессора из анекдотов мизогинного толка.
«Хороший мальчишка, — определилась мама Фёклы. — Высокий какой, чернявый. Внуки красивые будут». И пошла на кухню за вареньем из жимолости. Пиво пивом, а с чаем оно как-то по семейному.
— Конвент же сегодня! — вспомнила Фёкла. — Мама, я телевизор включу, сейчас прямая трансляция начнётся.
— Включайте, — отозвалась из кухни Наталья Викторовна. — А я чай принесу.
— Вот ты же с придурью всё-таки у меня, — неодобрительно понизил голос Валерка.
— Можно подумать, тебе неинтересно.
— Всем интересно, но мама твоя может обидеться.
— Перестань, она же классная, сам видишь.
В телевизоре возник зал пленарных заседаний Государственной думы. В депутатских креслах сидели люди большей частью в неформальных свитерах с толстовками. Традиционных для главного присутственного места страны пиджаков с галстуками почти не наблюдалось, зато попадались разновозрастные женщины с голубыми и розовыми волосами. Делегаты Большого Конвента впервые съехались со всех концов России, чтобы установить нормы существования государства после Революции Гордости, как пафосно окрестила события ноября – декабря пресса победителей.
На авансцене, лицом к залу сидели двенадцать членов Малого Конвента — оперативного органа управления страной, спешно сформированного после аннулирования прежней власти: зареченцы Рымников и Гонтаренко, москвичи Прегер и Калитвин, генералы Дерябин и Седых, вернувшаяся с чёрного статуса питерская правозащитница Бек-Каргополова, уральский лидер Синицын. Остальных Фёкла за два лихорадочных месяца, прошедших с момента свержения режима Земскова, так и не сумела запомнить.
— А вот и чай, — возвратилась за стол Наталья Викторовна. — Вам покрепче, Валерий? Ну что там в Москве?
— Давайте я помогу, — Валера мужественно взял на себя заварник и ответственность за чай.
— Ничего пока, — констатировала Фёкла. — Наши рядом сидят, Гонтаренко, похоже, опять анекдоты травит.
— Ароматный чай у вас, Наталья Викторовна, — юноша стремился к максимальной семейной деликатности.
— А ромашку добавляю, — отвечала любезностью хозяйка дома. — Мама ещё научила, Фёклина бабушка.
Валерий покивал одобрительно, понимающе. Сразу стало понятно, что к бабушке он тоже со всем своим уважением.
Тем временем генерал Дерябин включил микрофон, откашлялся.
— Уважаемые делегаты, мне, как старшему по возрасту тут, поручено открыть наше, гм, высокое собрание. Говорить долго не буду, не приучен. Предоставляю слово Василию Кирилловичу Рымникову.
Зал ожидаемо взорвался овацией. Некоторые делегаты выражали радость громким свистом, по-американски. Полная, в общем, бездуховность, если судить по меркам недавней имперской державности.
Рымников взбежал к трибуне молодецки. Возраст никогда не мешал его приличной спортивной форме.

— Спасибо, Антон Егорович. Приветствую делегатов свободной России! Вы сделали то, что казалось ещё вчера невозможным! Вы победили этот насквозь прогнивший, насквозь коррумпированный, насквозь морально устаревший и насквозь преступный режим! Вы повернули в будущее страну, двигавшуюся в прошлое! Мы выбрали свободу, потому что мы свободные люди в свободной наконец стране!
Зал аплодировал, свистел и плакал стоя. У Фёклы тоже на глаза навернулись слёзы.
— Может быть, мёду? — спросила Наталья Викторовна.
— С удовольствием, — ответил Валера.
— Мне пива, — протянула стакан Фёкла, не отрываясь от экрана.
Валерка налил.
— Мёд, значит, с пивом будешь? — воспользовавшись уходом матери на кухню, лукаво спросила Фёкла.
— Так я на чае уже.
— Молодец какой. Вообще идеально себя ведёшь. Дай в нос поцелую.
— Стараюсь. Она у тебя, правда, хорошая. Ты смотри, пока мы с ней тут подружиться пытаемся. Расскажешь потом главное.
— Ладно.

— …Ситуация остаётся стабильной, — завершил в телевизоре краткий отчёт о проделанной работе Рымников. — Теперь о главном, для чего мы все здесь собрались. Малый Конвент выносит на рассмотрение делегатов десять основополагающих тезисов переходного периода. Не скрою, предлагаемый документ рождался в серьёзной дискуссии, и его положения требуют максимально широкого обсуждения на Большом Конвенте. Сейчас мы с вами закрываем очередную сложную, если не сказать трагическую историю в жизни страны и закладываем первые кирпичи фундамента будущей молодой, независимой, свободной России. Я зачитаю программный документ в целом, а затем перейдём к обсуждению каждого тезиса, если вы не против.
Первое. Большой Конвент признаёт существующую Конституцию Российской Федерации ничтожной, как основной закон страны, принятый ранее с последующими уточнениями в пользу ограниченного круга лиц и не соответствующий вектору развития страны в будущем. Новая Конституция будет принята Конституционным собранием после её подготовки и максимально широкого обсуждения. До принятия Конституции и формирования на основе её положений государственных органов управления оперативное руководство государством осуществляется комитетами Малого Конвента.
Второе. Большой Конвент отменяет все репрессивные политические нормы административного и уголовного законодательства. Уточнённый список отменяемых законодательных актов поручает составить специальной комиссии Малого Конвента в течение месяца.
Третье. Большой Конвент признаёт все существующие международные договоры и обязательства Российской Федерации. Дискриминирующая практика в отношении суверенных государств по периметру России будет пересмотрена с возможностью компенсаторных механизмов. Российская Федерация намерена отказаться в дальнейшем от проведения агрессивной международной политики и незыблемо исповедовать принцип мирного сосуществования со всеми странами.
Четвёртое. Большой Конвент устанавливает срок переходного периода до принятия новой Конституции в два года. Накладывает ограничения на свободу массовых собраний, митингов и акций протеста в срок на три месяца.
Пятое. В целях обеспечения сохранности здоровья граждан в условиях Третьей пандемии Большой Конвент...
— Правильно всё Вася говорит вроде бы, — вздохнула Наталья Викторовна. — Да только все так говорят поначалу.
— Ну, мам, — сморщилась Фёкла.

— Да нет, это я так, — согласилась мама. — Понятно, что жить надо как-то по-другому, без страха, что ли. Может и получится. Главное, чтобы у вас получилось. Для молодых же всё это делается, вам здесь жить, в этой стране. Дай бог, чтобы по-новому как-то, по-хорошему.
— Валера, а ты знаешь, что мама с Рымниковым знакома?
— Серьёзно?
— Да слушай ты её больше, — отмахнулась Наталья Викторовна.
— Знакома, знакома. Расскажи Валере.
— Правда, расскажите. Интересно же.
— Так три года назад у нас дедушку одного прооперировали, Стольникова. Тяжелый был, пять часов у стола отстояли. Потом сын приезжал его навещать вместе с другом своим — коньяку традиционного два литра хирургу с анестезиологом привезли, нам по коробке конфет. Вот этот самый друг Рымников-то и был. Пять минут знакомства всего, никто его и не знал тогда. А дедушка помер потом всё одно. Тяжёлый был, я ж и говорю.
Ну, вы смотрите. Пойду посуду помою.

—…Восьмое. В целях недопущения возврата к антиконституционным нормам Большой Конвент санкционирует задержание наиболее активных деятелей режима для дальнейшего расследования их преступной деятельности и вынесения им справедливой меры наказания.
Девятое. Большой Конвент вводит временную отмену моратория на смертную казнь.
Десятое и последнее. С глубокой признательностью и уважением Большой Конвент отмечает роль Вооружённых сил РФ в Революции Гордости, их решающую роль в устранении узурпатора и диктатора Земскова. На начальном этапе переходного периода, в условиях коренной перестройки органов МВД, Росгвардии, Госнадзора, судебной системы на армию возлагаются дополнительные функции по охране государственной границы и сохранению правопорядка в стране.
Вот такой краткий список первоочередных задач, коллеги. Давайте их обсудим. Надеюсь, уложимся в отведенные три дня Большого Конвента.
В телевизоре Василий Рымников занял свое место в президиуме. В зале у микрофонов выстроились очереди желающих высказаться по существу и вообще по ведению. Но слово было предоставлено Бек-Каргополовой.
— Коллеги, нам нужно установить порядок выступлений в прениях. Предлагаю для начала избрать комиссию по регламенту и поручить ей в течение часа разработать правила ведения нашего собрания. Кто за?
На экране камера крупным планом брала делегатов, голосующих за комиссию по регламенту своими мандатами. Между рядов бродили уполномоченные с белыми повязками на рукавах, готовые подсчитать редкие голоса против.
Вдруг Фёкла завопила так, что Валерка пролил мимо чашки ромашковую заварку.
— Смотри, вот она! — Фёкла тыкала пальцем в экран. — С повязкой, карандаш у губ держит. Мама, ты где?!
— Да кто? — не понимал жених.
Вышедшая из кухни Наталья Викторовна тоже смотрела на дочь вопросительно.
— Вон же, вон, с короткой стрижкой! — продолжала радостно вопить Фёкла. — Всё, не видно. Ну эта же, как её, Лечинская! Та, которая меня тогда в кафе прикрыла, я рассказывала. Мамой представилась. Ты же помнишь, Валерка.
— А, когда мы с тобой в отрыв пошли через «Поплавок», — Валерий заинтересованно наблюдал за картинкой в телевизоре. — Хорошая тётка, смелая. Молодец.
— Да, я бы тоже посмотрела на твою «мать», — неревниво улыбнулась Наталья Викторовна. — В Москве она теперь, значит. Ну, пусть.
— Покажут ещё, — заверила Фёкла. — Обязательно. Она же нас всех спасла тогда, если честно.
— Согласен, — солидно подтвердил Валера. — Обязательно отправились бы на исправление. Из-за твоего шаржа, между прочим.

— Дай чмокну.
— Ладно, я пока к себе пойду, смотрите дальше, — мама Фёклы поправила складку на скатерти. — Позовёшь, если ещё «мать» покажут.
— Конечно, мам, — не отрываясь от телевизора, согласилась дочь.
— Мы недолго, — извинительно улыбнулся Валерий.
Телевизор показывал Рымникова, что-то доказывающего генералу Дерябину через голову Гонтаренко.

В своей комнате Наталья Викторовна села за небольшой столик с зеркалом, включила настольную лампу, всмотрелась в отражение, провела пальцем по бровям, разгладила мелкие, не очень ещё заметные морщинки у глаз. Вздохнула, открыла ключом ящик стола, достала старую общую тетрадь. Пролистала последние страницы, задумалась. Начала писать ровным разборчивым почерком, столь нехарактерным для медиков. За дверью не слишком громко бормотал телевизор, доносились аплодисменты и свист очередного съезда победителей.
Что-то такое уже было тридцать лет назад — общий восторг, неформальные делегаты, свободный микрофон, ожидание быстрых перемен. Сколько ей было тогда: десять, двенадцать? А всё помнится, как будто случилось вчера, — радостное настроение родителей, новая музыка, новые причёски, новая одежда. Ощущение, как перед Новым годом и долгими счастливыми каникулами.
Каникулы закончились, едва начавшись. Праздник быстро обернулся раздавленной чужим сапогом ёлочной игрушкой. И росла девочка Наташа под всё нарастающие звуки строевых маршей, и уже выросла у неё в воздухе прошедшего времени и скукоженного пространства почти взрослая девочка Фёкла, которая сейчас смотрит телевизор со своим женихом в соседней комнате. И они тоже ждут нового времени и новых причесок, и надеются на прекрасное честное будущее, и верят в долгую счастливую жизнь.
Пусть им повезёт, пусть это радостное время протянется ещё хотя бы с десяток лет. Пусть внуки в нём успеют появиться. Потом всё, как водится, вернётся к чёрной духоте пропитанного страхом времени. У каждого поколения своё время, свой страх и свой короткий праздник. Всегда так жили. Ничего, пусть пока радуются, будет что вспомнить потом.
«Мама, опять её показывают!» — позвала Фёкла. Наталья Викторовна поспешила в гостиную и успела в течение нескольких секунд разглядеть женщину, спасшую её дочь от страшного.
«Симпатичная, — отметила про себя хозяйка дома. — Короткая стрижка брюнеткам идёт. Впрочем, красится, наверное. Строгая, при исполнении. Вряд ли счастлива». Вслух сказала:
— Приятная. Как зовут-то её?
— Не помню. Лечинская.
— Ну что там ещё решили-постановили?
— Да спорят всё по регламенту, — сообщил Валера. — Я пойду, пожалуй. Очень рад был познакомиться, Наталья Викторовна.
— Я тоже, — улыбнулась мама Фёклы. — Смотрины прошли успешно. Заходи к нам теперь почаще, без опаски, по праву удачного знакомства.
— Обязательно, — согласился потенциальный зять. — Мне у вас понравилось. И пирог очень вкусный.
— Я его до остановки провожу, — Фёкла уже одевалась в прихожей. — На пятнадцать минут.
— Конечно, — кивнула Наталья Викторовна. — Ключи не забудь. До свидания, Валера.
— До свидания, Наталья Викторовна.
В телевизоре Сергей Гонтаренко увещевал разбушлатившихся в регламентационном творчестве делегатов своими всегдашними прибаутками на злобу дня: «Юрий Яковлевич, узурпатор Земсков, ясен конь, превеликой сволочью был, но зачем же микрофон ломать?» Лысый Юрий Яковлевич продолжал крутить онемевшим микрофоном, как палицей, и, ожесточённо жестикулируя, вещал в окружающее пространство что-то несомненно очень важное, но в телевизоре неслышное. Окружающие делегаты частью аплодировали коллеге, частью пытались возмущённо добиться своих пятнадцати минут славы у микрофона.

Энди Уорхолл одобрительно смотрел с небес вниз и открывал очередную банку супа «Кэмпбелл».

Запись в дневнике Натальи Викторовны Сливкиной.
«3 февраля.
Выросла дочь. Где они жить-то собираются с этим Валерой, так и не спросила. Нормальный мальчишка — стройный, высокий. Смущается в разговоре — хорошо, хоть вроде и не рохля. Понимаю Фёклу, сама бы такого не упустила в её возрасте.
Хорошее для них время сейчас, попрыгучее. У нас с Павликом в их годы тогда тоже не совсем уж тиной всё затянуло, можно ещё было жить надеждой, пока её эти, одинаковые, совсем не уничтожили. А когда вытоптали всё вокруг под себя, построили людей по ранжиру, тут-то Павлуша и сорвался с резьбы. Жив ли сейчас — нет-нет да и вспомню. А какой хирург был. Ну хоть Фёклу мне оставил. Нам. Может, жив, может, вернётся ещё когда к дочери.
Совсем другой этот Валера — мягкий, не резкий, непьющий, считай. Не сломался бы потом. Да когда это потом ещё будет-то. А может, и не будет вовсе. Пусть не будет».

Часть четвёртая
Победители
Победа, победа... Два людоеда подрались тысячу лет назад.
Евгений Шестаков

Глава 1
Артёмов
На прогулке дышалось хорошо, свободно, почти как на даче. Да что там дача в сравнении со свежим воздухом, который нет-нет да и пахнёт надвигающейся весной. После каменного, застойного, мёртвого пространства одиночки каждый выход на волю казался кислородной подушкой для пациента в пульмонологической реанимации. Пусть пандемийный вирус и обошёл бывшего министра Госнадзора стороной, да и воля ограничивалась тридцатью квадратными метрами, огороженными каменными стенами и металлической сеткой над головой, — это был краткий праздник организма. Праздник лёгких, получавших кислородную инъекцию, праздник мышц, вспоминающих своё предназначение во вновь востребованных сокращениях мускулатуры, праздник мозга, встречающего новые зрительные, обонятельные, слуховые ощущения. Что там постоянно доступная роскошь дачной беседки в сравнении с этими сорока минутами ежедневной тюремной свободы — пыль и тлен повседневности. Тем более что и там глухой забор по периметру, и здесь каменный мешок.
Генерал Артёмов завершил незатейливый комплекс дневной гимнастики на свежем воздухе и достал из кармана пачку сигарет. Расправленные лёгкие требовали своего привычного удовольствия: а то мускулатуре с мозгом всё, а альвеолам один лишь кислород. Нет уж, пусть тоже вкусят своей доли свободы в полной мере. Сигарет из дачки оставалось два блока, на первое время хватит, а дальше и загадывать пока не стоит. Да и будет ли оно, это «дальше», — неизвестно.
Сигареты неделю назад передала супруга Алевтина. Нет, так-то вполне лояльное отношение к нему у здешних тюремщиков — два свидания позволили с женой за время ареста. На последнем он узнал, что счета семьи заблокированы, с дачи Алевтине приказано съехать на городскую квартиру. Намекнули, что с Пречистенки тоже придётся съезжать, потому что конфискация неизбежна, как весенний ледоход.
Если Аля правильно его поняла, то уже должна была приземлиться в Будапеште. Там её встретит агент Цыган, выправит евродокументы и переправит в Австрию. Хочется верить, что супруге удастся исчезнуть с революционных радаров: в Госнадзоре сейчас должна быть великая перестройка и великая суматоха, которая даст шанс отдельным людям

воспользоваться каналами для временного отступления на заранее подготовленные позиции — у кого в Австрии, у кого в Таиланде, у кого в Штатах. Узок круг этих людей, страшно далеки они от народа, оттого и есть оправданная надежда, что шанс сработает. А деньги на евросчетах давно отмыты и перемыты на десять раз. Нешумно распаковать с консервации — и на обеспеченную старость Алевтине более чем хватит. А в узилище лишнего и не нужно, на всем готовом-то.

Одно плохо, некому будет памятник Глебу поставить, если не суждено на волю выйти. Что ж, так судьба распорядилась. А может, новая свободная Россия удосужится — всё ж таки Глебка за неё голову сложил, хоть и отец его был извечный враг свобод и прочих пирсингов. Надо бы у следователя поузнавать о настроении заказематной общественности насчёт Глеба и дружков его, сгоревших в пламени восстания против государства и лично него, цепного пса режима Евгения Станиславовича Артёмова. Примет на себя рэволюция заботу о памяти сына — совсем хорошо, можно и к стенке со спокойной душой вставать в полный рост. Судя по всему, к тому и идёт.

Собственно, любая власть вынуждена под корень списывать с прежних счетов каждого из своих заклятых врагов. Так учит история, по крайней мере та, которую преподавали студенту Артёмову на истфаке Томского университета. А там историческая школа была одной из лучших в СССР. Советскую империю он, понятно, застал только в раннем юношестве, но школа никуда не делась, и новый виток исторической спирали лишь подтверждает аксиомы, затвержённые в студенчестве: «если враг не сдаётся, его уничтожают» и проч.

Сдаваться экс-министр был не намерен: сдаются слабые – или сильные, но под пыткой. Пыток пока новая свободная Россия ему не обещала. Так и хрен ей по всей либеральной скалящейся морде: расстрел — дело быстрое, аккуратное, непозорное. Невеликая плата за спокойствие Алевтины. Хрен им, а не каналы безопасности сотрудников и их семей. Ну как сотрудников, высшего руководства Госнадзора и ещё нескольких близких к Земскову сановников. Замучаетесь пыль глотать, как любил выражаться недавний президент России.

Лязгнул замок, в двери возник спокойный пожилой конвойный прапорщик: «Руки за спину, на выход». Наручники Артёмову отменили на третий день содержания в Кремлевском централе — лично глава следственной группы военной контрразведки полковник Мошкин распорядился. Перестарался при задержании главы Госнадзора армейский спецназ, истёр запястья браслетами в кровь. От неопытности всё.

На этаже прапор передал арестованного двум конвойным помоложе, те повели не в камеру, а на лестницу к допросным кабинетам — обычная история, не первый раз сразу с прогулки доставляли к Мошкину: похоже, контрразведку обучали по методичке, где было записано, что подследственный легче идёт на контакт после глотка тюремной воли. Ну-ну.

— Здравствуйте, Евгений Станиславович, — плотный до округлости полковник Мошкин радушно улыбнулся, как при встрече старого школьного приятеля, но глаза смотрели резко, оценивающе. — Милости прошу.

— День добрый, Павел Егорович, — с самого начала Артёмов положил за правило вести себя нейтрально-учтиво.

— Добрый так добрый, вам виднее. Сразу приступим к скучным процессуальным действиям или начнём с политинформации?

— Лучше, конечно, с политинформации.

— Согласен. Информация в наш просвещённый век ценнее, чем для креативного класса санкционный хамон, будь он Бен-Ладен («неладен», считал шутку Артёмов). Политика, спорт, светская хроника — с чего начнём?

— Не со спорта же.

— Понимаю. Весь отечественный спорт вы ведь сами делали, этими вот руками по локоть в допинге, — продолжал шутить полковник.

— Давайте к политике, — не поддержал тему арестант.

— Любой каприз за ваши деньги, — без улыбки согласился Мошкин и начал скроллить ленту

новостей в ноутбуке. — Про смертную казнь для особо ретивых государственных преступников я ведь вам уже сообщал?
— Трижды.
— Хорошая у вас память, Евгений Станиславович, любую незначительную мелочь не упускаете... Ну вот из последнего, к примеру: «Младшая дочь Земскова осудила преступления отца и сообщила о своих счетах в Люксембурге». Каково?
— Ожидаемо.
— Для вас — возможно, а для меня диковинно, если честно. До последнего ваши коллеги упорствуют в сокрытии нетрудовых доходов на зарубежных счетах. Всё продадут, но флот не опозорят.
— Ну, это те, кому есть что скрывать.
— Понимаю, бессеребренный вы мой Евгений Станиславович. Очень хорошо понимаю... А вот ещё заголовок: «Главных пропагандистов режима могут передать Грузии и Беларуси». Правильно, как вы считаете?
— Вы же гуманисты, вам виднее.
— Так и в Тбилиси с Минском гуманисты, там запрет на смертную казнь пока никто не отменял. Живы хоть останутся.
— До первой зоны, вы же понимаете. Если до суда доживут там в СИЗО.
— А не любите вы гуманистов, гляжу.
— Служба такая была.
— А вот смотрите, что за прелесть из новостей культуры: «Олег Безменов выложил в плейбук свою новую песню «Гордость». И текст приводится:
Я не верил, что тусклое время пройдёт,
я свободу запрятал в далёкий карман.
Но мне гордость заснуть по ночам не даёт,
и опять до краёв полон водки стакан.
Спивался, похоже, в трудные для страны времена наш лирический герой. Так переживал за свободу, что кушать не мог. И припев:
Ветер, свежий ветер перемен,
ты стучался в двери и окно,
поднимал настойчиво с колен,
даже если на дворе темно.
Два раза припев. Ну и так далее. Как вам?
— В духе времени. Стилистика строгая, выдержанная. Всё как вы хотели.
— Думаете? А мне чего-то не очень. Фальшивая какая-то стилистика, на мой вкус. Ну да я мало что в высоких искусствах понимаю, нам бы, грешным, к земле поближе, к истокам, так сказать, народного творчества: гармошка там, балалайка, цыгане. Вы цыганские романсы любите?
— Не знаю. А что, бывают такие?
— Ну как же. «Я ехала домой» или «Твои глаза зелёные». Фонотека наших родителей.
— Возможно. Нет, не любитель.
— Ну ничего, не страшно, тут действительно на любителя. Впрочем, в вашем ведомстве есть такие, есть. Вот, скажем, — минутку, со справочкой сверюсь — Алексей Горельский, подполковник внешней разведки ГСН, он же Золтан Петчер, отличную коллекцию цыганских романсов собрал у себя в Будапеште. Приятно с человеком поговорить.
— Зря вы зарубежную агентуру гробите сейчас, Павел Егорович. Штучный продукт. Вам потом её нарабатывать десятилетиями придётся.
— Да нешто я не понимаю, Евгений Станиславович? Мы бы пальцем вашего нелегала не тронули, но венгерские коллеги сами нам его на блюдечке выложили, да ещё в прессу слили факт задержания. Пришлось оформить, разместить здесь на третьем этаже, такая вот неприятность вышла. Мы, собственно, только супругу вашу вели в Будапеште — для порядка, сами понимаете. А после их встречи сразу вашего агента венгры и приняли,

инициативники хреновы. Нет, Алевтину Петровну история никак не коснулась, она уже в Австрии, не беспокойтесь.
— Что ж, спасибо и на этом.
— Да не за что, Евгений Станиславович, не за что. Счета ваши там, правда, заблокированы, но тут уж ничего не поделаешь — не вы первый, не вы последний. России теперь много с кем расплачиваться предстоит: с Беларусью, с Грузией, с собственными обокраденными реформой пенсионерами, пораженцам с исправленцами компенсации выплачивать, бизнесу конфискованное возвращать. Большая нагрузка на бюджет, непомерная вышла. Приходится вызволять из зарубежных закромов разнообразные семейные накопления вам подобных. Да что я тут, сами прекрасно всё понимаете. Ладно, лирику в сторону. Оформим всё, что я вам здесь изложил, официальным протоколом или, как обычно, откажетесь от дачи показаний?
— Как обычно.
— Воля ваша, Евгений Станиславович. В трибунале, как понимаете, совсем бледно будете выглядеть с такой позицией.
— Можно подумать, там случится возможный оправдательный приговор после состязательного процесса, ну что вы в самом деле. Я же вижу работу адвокатов, понимаю механизм. Собственно, после будапештского инцидента я вам больше и не нужен — счета нашли, агентуру установили. Направляйте уже материалы на подпись руководству и оформляйте дело в трибунал. Расстрельную статью вернули, чего тянуть-то с революционным возмездием?
— Да вы никак, господин министр, себя сейчас Николаем Гумилёвым мните? За честь и Отечество стоите, в глаза тюремщикам с презреньем глядя? Напрасно, Евгений Станиславович, ведомство ваше позорное, этот позор с вами и за приговором пойдёт. Про сайт «Чёрная книга ГСН» не слышали ещё, нет? Я вам зачитаю из него сейчас. «Перфильев Сергей Сергеевич, академик РАН, чёрный статус, скончался на исправлении в Звезде-5. Соколова Ольга Вениаминовна, народная артистка РФ, повесилась в СИЗО ГСН города Иркутска. Белидзе Нугзар Константинович, директор НИИ кардиологии, погиб во время штурма Лубянской площади от пули снайпера Госнадзора. Лоскутов Олег Петрович, поэт, серый статус, застрелен при попытке побега из Звезды-2. Гиренко Жанна Игоревна, восемь лет, скончалась в лазарете женского трудового поселения с детьми Звезда-4/2. Яницкий Алексей Семёнович, пенсионер, чёрный статус, погиб по время затопления уранового рудника на Звезде-6». Пятьсот сорок семь фамилий на сегодня, и списки каждый день пополняются. Каждый день фамилий по пятьдесят. Такая вот история, из которой вас никак уже не вычеркнуть. Совсем никак, даже не надейтесь.
— Я и не надеюсь, — Артёмов повёл затёкшими плечами. — Устал я, Павел Егорович, пойду, а?
— Пожалуй, да, хватит на сегодня, — следователь нажал кнопку вызова конвоя. — Вам обдумать новости нынешние нужно. Тут есть о чём, понимаю.
В кабинет с коротким стуком вошёл конвойный. Генерал поднялся, направился к двери.
— Да, чуть не забыл, — остановил подследственного полковник Мошкин. — Статейка вышла сегодня в «Комсомольской правде». Заголовок совершенно обескураживающий: «Глеб Артёмов: герой революции или провокатор ГСН?» Сам ещё не читал, поверьте. Фантазии журналистов, похоже, — вы же знаете нынешнюю прессу, совершенно выродилась в жёлтый цвет, совершенно. Ну да завтра про это поговорим, завтра.
Генерал кивнул, привычно сложил руки за спину. Кулаки разжать при этом оказалось довольно сложным делом.
Тюремная кровать приняла тело арестанта привычным скрипом. Артёмов закрыл глаза — ярость и боль в камере можно было не сдерживать, но контролировать внешние проявления эмоций нужно везде, чтобы единожды сорванная привычка не привела к постыдной слабости за пределами одиночки. Никаких вспышек гнева, ни нотки раздражения нельзя позволить себе допустить. Не дождутся. Уйти достойно хотя бы в своих собственных глазах, недолго уже осталось, должно хватить выдержки. Но удар Мошкина оказался настолько сильным, что

экс-министр всемогущей ГСН отвернулся к стене и позволил рукам мять лицо, чтобы убрать судорогу с закаменевших желваков.

Алевтина хотела уехать в Европу сразу после похорон сына. Нужно было дураку отпустить супругу, но уговорил остаться, пережить самую острую фазу боли вместе. Она видеть не могла мужа, объяснимо перекладывая на него вину за смерть Глеба, но согласилась. Жили в пустой тишине, нарушаемой лишь стуком вилок за ужином на кухне. Работа была ежедневным временным спасением от этой молчаливой домашней пытки. Потом события завертелись нарастающей втягивающей воронкой, и Артёмова попустило, он вынужденно заслонился от беды историей с мятежом, Рымниковым, оперативным и стратегическим планированием. А Але негде было скрыться от потери сына. Теперь ещё и мужа, но это другое, несущественное. Уехала бы тогда и затерялась с помощью Цыгана навсегда. Дурак, истинный дурак.
Ладно, доберётся до Женевы, там в банковской ячейке остался последний резерв на самый крайний случай. Вот он и наступил, крайнее не бывает. Тут уже чисто семейная заначка, на небольшой домик и лет на десять скромной европейской жизни. Переиграл он Мошкина всё-таки, хоть малость самую, но переиграл. Если не допускать, что полковник почёл за благо не загонять Артёмова в беспросветный угол, из которого не останется шанса на ответный выпад в хитром спарринге двух игроков в игре на сверхвысокие ставки. А зачем ему? Всё, игра окончена, последний удар в отношении памяти Глеба сделан — и это не финт, а вразрез прямой с правой. Нокаут.
Хорошо бы сейчас повеситься, но не позволят, нет. Вытащат под телекамеры на этот свой праздничный трибунал, призванный оформить высшую меру в назидание остальным и в услужение геополитическому противнику, в короткий исторический отрезок одержавшему ещё одну победу над Россией.
Как же глупо всё и невыносимо пошло. Почему люди не умеют умирать просто по собственному желанию? Вот так закрыть глаза, попросить: «Господи, пошли мне смерть через три минуты и пятнадцать секунд. Уверую тогда, господи, приму тебя в сердце своём». Ну что ему стоит? Так хрен же.

Лязгнула дверь, в камеру вошли конвойный прапор и два армейских майора.
— Артёмов, на выход! — дал команду прапорщик и добавил непривычное: — С вещами.
Положил на койку чёрную заплечную сумку из арестных артёмовских вещей. Посмотрел странно — не то с жалостью, не то с любопытством. Военные оглядывали тюремный интерьер, видно было, что всё им тут в новинку: похоже, новая власть не доверила старым лефортовским кадрам исполнение приговора, прислала своих головорезов из спецназа.
Конвойный проведёт коридорами в подвал, останется за двойной зелёной дверью без глазка, а там два поворота всего, метров пятьдесят. Маршрут известный, что ж.
Артёмов побросал в сумку мыло, зубную щётку, тапочки, сигареты, надел куртку.
— Готов.
Конвойный открыл дверь.
— Пошёл.
«Спасибо тебе, Господи, что ты есть», — отчётливо сформулировал мысль Артёмов и почти весело зашагал за прапорщиком направо в сторону подвала. Военные шли сзади строем в ногу. «С почётным караулом, — успел подумать Артёмов. — Жаль, что без лафета».

Протокол допроса подозреваемого Артёмова Евгения Станиславовича.
«Москва, 13 марта 2025 года.
Допрос начат в 11 часов 07 минут, окончен в 12 часов 30 минут.
Старший следователь особой следственной группы 2-го Управления контрразведки МО РФ полковник военной юстиции Мошкин П.Е. в соответствии с ч.2 ст.46, ст.189 и 190 УПК РФ допросил по уголовному делу № 24/7 в качестве подозреваемого Артёмова Евгения

Станиславовича. Дата рождения 10.05.1975. Место рождения г. Томск. Иные участвующие лица: в отсутствие защитника, с согласия подозреваемого.
Подозреваемый по существу дела показания давать отказался».
«Вызвать, кстати, этого певца ртом Олега Безменова, объединить в одно дело о пропаганде тоталитаризма с певицей Цыганковой, телеведущими Журавлевым и Коркиным, писателем Прилупиным, посмотреть, как здесь запоёт, ветрила херов...»

Глава 2
Лена

Пассажиров утреннего рейса на Москву строгая сотрудница авиакомпании «Сибирский орёл» в очередной раз предупредила, что у трапа самолёта курить категорически запрещено, и начала запускать на борт согласно посадочным талонам. Раннее майское утро накрывало взлётное поле предчувствием жаркого дня, на стильных форменных пиджаках стюардесс приколотые к случаю значки красных маков напоминали о Дне Победы. «Дне Победы и Памяти», — вспомнила Лена новое название праздника 9 Мая. Жаркая публичная дискуссия о том, переносить ли его на день раньше, в соответствии с общепринятым европейским календарём, продолжалась. Счёт к торжественной дате пока выходил ничейным: парад уже отменили, но обязательные линейки памяти в школах оставили.

Добравшись в традиционном тягучем пассажиропотоке салона до своего места в предпоследнем ряду, Лена запихнула сумку и лёгкий плащ в багажный отсек, достала наушники, стала искать в закладках плейфона, чем скоротать трехчасовой полёт.

«Позвольте», — к свободному креслу у окна протиснулся бородатый блондин, вслед за ним, улыбнувшись Лене — «sorry», — место рядом с ней занял бородатый же брюнет.

Стольникова вежливо кивнула в ответ, вновь разместилась в кресле, пристегнулась обязательным ремнём. От молодых людей слегка потягивало коньяком — ну да, праздник же начинается с утра, святое дело.

Когда погасло табло «не курить», Лена достала пачку «Космоса». Сосед предупредительно поднёс зажигалку.

— Российский самолёт — последнее прибежище свободы в Европе, — бородач раскуривал трубку. — Невозможно себе представить саму мысль о дискуссии по поводу возможности курения на борту «Люфтганзы» или «Эйр Франс». Не просто потеряете работу в газете или университете, вас ещё и публично проклянут. А вскоре еретиков начнут сжигать на кострах во имя здорового образа жизни.

Еле уловимый акцент выдавал в вольнодумце иностранца. Да и куртка была чужого вольного кроя, и очки едва уловимой нездешности. Собственно, молодой человек сразу и подтвердил очевидное, протянув руку.

— Дэннис Косински, «Нэшнл Джиографик», — повернулся к блондину, вынул из его уха наушник. — А это Алексей Бедрин, лучший оператор Москвы и окрестностей.

Лучший оператор пожал плечами, улыбнулся, кивнул. Извиняюще прижал руку к груди — работа, вновь вернулся в экран ноутбука.

— Лена, — легко пошла на знакомство Стольникова. — Что занесло в Зареченск географический журнал? Не помню, чтобы у нас водились панды или папуасы.

— О, вы явно не постоянный зритель нашего канала. «Нэшнл Джиографик» давно уже не только про географию. Мы внимательно следим за современной историей, и, согласитесь, Зареченск — одна из главных точек сборки в новейшей российской революции. Получил задание из Вашингтона собрать максимальное количество свидетельств очевидцев — я продюсер московского корпункта, — и через пару дней мы с Алексеем были уже здесь. А вы, кстати, местная или москвичка?

— Здешняя, зареченская.

— Тогда мы могли бы зафиксировать и ваши воспоминания о ноябрьских событиях. Тем более что среди героев наших съёмок, кажется, ещё не было столь молодой и красивой зареченки. Коньяку хотите? — продюсер достал из кармана внушительную фляжку.

— Нет, спасибо.
— Даже за День Победы? Ну что ж, — Дэннис толкнул локтем оператора, тот достал точно такую же фляжку. Чокнулись, выпили. — Так что насчёт публичных воспоминаний о мятежных днях?
— Нет, я тогда была далеко от Зареченска.
— Может быть, есть смысл вспомнить о вашей реакции на события?
— Это не самые приятные для меня воспоминания, поверьте. Лучше расскажите, Дэннис, в чем заключалась ваша работа в Зареченске?
— Денис. Можете называть меня Денис, как мама зовёт. Мне будет приятно.
— Я подумаю. Так что же?
— Определиться с локациями основных событий в городе, отснять картинку. Есть определённые сложности со временем года, но мы удачно застали апрельскую метель, когда Зареченск замело снегом, как в ноябре. А главное, следовало найти людей, которые были в центре событий, и тех, кто мог бы рассказать о прошлом Василия Рымникова. Понять, как он здесь вырос в лидера революции. Надеюсь, значительная часть отснятого материала войдёт в конечный вариант фильма о Революции Гордости. Офис торопит, надеется выпустить его в годовщину свержения власти Земскова.
— И многих удалось найти?
— Многих. Офис, конечно, будет недоволен недостаточностью фактуры, но он всегда недоволен. Сняли могилу родителей Рымникова, поговорили с Сергеем Гонтаренко, удачно оказавшимся в Зареченске, нашли друзей юности Василия Кирилловича, встретились с коллегами по его работе в горсовете ещё до наступления диктатуры. Я, в общем, доволен.
— И что, все рисовали его прекрасный мужественный портрет?
— Нам не это нужно было. Важно показать Рымникова не мифологическим героем, а обычным человеком со своим характером, своими преодолениями, своими слабостями. Вот вы знаете, к примеру, что у Василия в Зареченске было прозвище Опоздайка, потому что он категорически, с ранней юности, не мог прийти на встречу в назначенный час? Совсем ведь не геройская черта, верно?
— Кажется, что-то слышала. А может, это фантазия у людей уже разыгралась?
— Ну что вы, фактчекинг — наше всё, проверено из нескольких достоверных источников. Скажем, очень образно, с примерами рассказывал об этой черте характера нашего героя его друг юности Алексей Куницын. Довольно знаковая фигура с неоднозначным отношением к Рымникову, с неоднозначными поворотами биографии. Их трое друзей было — Рымников, Куницын и ещё один, не вспомню сейчас фамилию. Он теперь в Москве, надеюсь его найти, чтобы завершить портрет героя. Точно коньяку не хотите? «Мартель».
— Точно не хочу. Извините, Дэннис, я хотела немного поспать до Домодедова.
— Денис.
— Хорошо, Денис.
— Конечно. Извините за назойливость. Отдыхайте, добрых снов.
— Спасибо.

Лена сделала в телефоне заметку, откинула спинку кресла, отвернулась. Мобильник до сих пор оставался не вполне ещё верным другом, товарищем и братом — когда её лишали телефона и интернета, в моде были совсем другие — и лишь разрешённые, наряду с отечественными, китайские модели. После восстановления в правах Лена — возвращаться так возвращаться — купила Razer прошлогодней линейки, который до сих пор не до конца доверил ей все свои скрытые полезные функции. А вот Юру она так и не сумела уговорить на современный западный плейфон, пришлось поискать что-то похожее на старый, привычный китайский мобильник. Нашли, конечно, отчим и его-то брать не хотел, говорил, что ему без телефона лучше, надёжнее.
На завод Юра возвращаться не стал, хоть пораженцам дали возможность полного восстановления в правах. Выправил пенсию, записался в очередь на компенсацию, остался

торговать на рынке чужой бараниной. Пил понемножку, конечно. Вечерами за ужином после нескольких рюмок часто плакал, старался объяснить Лене, что пытался ходить по инстанциям, добиваясь её освобождения, но кто бы его, пораженца, принял. Она жалела отчима, никак не могла собраться поехать к отцу. Да и документов нужно было много выправить по месту зареченской прописки, хоть на ту же политическую компенсацию. В итоге вышло, что рассчитывать на положенную ей расчётную сумму нужно в следующем сентябре. До Юры очередь должна была дойти нынешней осенью, он мечтал купить дом в дальнем пригороде и собрать там самогонный аппарат, даже составил из интернета список наиболее перспективных народных изобретений.
Пару раз заходил дядя Лёша Куницын. Он-то как раз был в порядке, торговая сеть «Куница» вернулась к прежней динамике роста, претензий к нему у комиссии по предпринимательству не нашлось. Сразу принёс банковскую карту с уже внесённой на счёт Лены более чем приличной суммой. Она спорить не стала, понимала, что дядя Лёша от чистого сердца и совсем не из последних семейных накоплений на чёрный день. Если человеку проще избыть чувство вины деньгами, то отчего бы человеку не помочь. В чём вина перед ней тех, кто не побывал на исправлении, Лена так и не уловила. Но пресса накачивала публику покаянием за годы диктатуры, публика охотно эти чувства разделяла и деятельно восстанавливала историческую справедливость по мере сил. Ну пусть, всё лучше, чем ностальгировать по опеке и Госнадзору.
Что там произошло между Куницыным и Рымниковым, Лена не очень поняла, поскольку дядя Лёша ограничился коротким: «Не сошлись в оценках ситуации». Было странно, помня с раннего детства их бесшабашный весёлый тройственный союз. Ладно, люди взрослые, имеют право на свои жизненные коллизии. С отцом, как поняла Лена, у Куницына по-прежнему всё было ровно и без низкой облачности. Юру, по всему, последние годы дядя Лёша тоже подогревал деньгами, да и алкоголем, похоже. По крайней мере, заходя в гости, Куницын вполне по-хозяйски находил на кухне рюмки, вилки и всё, что полагается для сервировки стола. Юра же всегда относился к этой кулинарной эстетике со здоровой беспечностью. Лена помнила, как мама постоянно корила его за привычку отламывать от буханки куски, а не нарезать хлеб, как все нормальные люди. Потому на кладбище, куда их свозил дядя Лёша, хлебом мамину рюмку накрывал именно Куницын, а то с отчима сдалось бы положить на неё отломанную корку.

Самолёт тряхнуло, сидящая справа от прохода девушка испуганно вскрикнула. «Ты, Фёкла, как первый раз летишь», — сделал ей напускно-строгое замечание столь же юный спутник. «Второй», — девушка показала ему язык. Оба зашлись счастливым смехом.
Лена тоже улыбнулась, больше на смешное имя Фёкла. Покосилась на соседа: Дэннис-Денис подмигнул, приглашающе стукнул ладонью по карману с коньяком. Лена отрицательно покачала головой, вновь закрыла глаза.

«Может, помочь этому симпатичному продюсеру встретиться с отцом? — мелькнула странная мысль. — Прямо в аэропорту их познакомить, вряд ли папка будет возражать». Дэннис был ей симпатичен и безотчётно сексуально привлекателен. После возвращения в Зареченск у Лены случилась пара встреч с давними героями её коротких романов, но большой сексуальной радости они не принесли. Что-то оставшееся внутри холодное, угловато-тяжёлое не позволяло провалиться в волны оглушающего бесстыдного беспамятства, из которого возвращаешься к жизни с нежной дрожью и правильным опустошением. Не получалось. Но вернуть забытое ощущение с этим Дэннисом-Денисом, в принципе, можно было бы попробовать. Опять же, кого она там, в Москве, знает, кроме отца? Нужно как-то начинать выстраивать жизнь на новом месте.
Стольников прилетел в Зареченск на второй день после её возвращения со Звезды-3 и последующей краткой политической реабилитации в ближайшем к поселению райцентре. Из аэропорта они втроём вместе с Юрой уехали на поданной машине губернского

правительства. Она же дожидалась отца, который после душа и короткого завтрака уже к десяти утра должен был принять участие в совещании глав зауральских регионов. Лена так и не разобралась до конца в сегодняшней статусности Николая Стольникова. Два суматошно-радостных дня они больше говорили о ней, чем о его нынешней работе. Потом по телефону как-то об этом спрашивать было неловко. Вроде бы теперь он числился каким-то референтом Рымникова с особыми полномочиями, но в чём они заключались, со стороны понять было сложно. Если бы в реестре профессий существовала «друг председателя Конвента», то, вероятно, она бы подошла к описанию должностных обязанностей в данном случае наиболее точно. Ну, так это Лене представлялось.

Зареченск жил нескучной постреволюционной жизнью, которая после исправления казалась Стольниковой провинциально-карнавальной. Город до такой степени напитался обретённой свободой, что она выплёскивалась за грани разумного. Не только в прессе, но и в 20-градусные морозы на Театральной площади шли ожесточённые дискуссии по всей сумасшедшей повестке текущего момента. До хрипоты спорили по вопросу, внесённому Бек-Каргополовой на Малый Конвент, о переносе столицы из Москвы в Зареченск (большинство горожан такая перспектива не радовала), обсуждали местные проскрипционные списки (здесь основная масса сходилась на том, что всего тридцать фамилий на миллионный город — оскорбление самой сути Революции), случайно проходивших мимо военных площадь провожала аплодисментами (во внезапно проснувшейся любви к армии зареченцы были единодушны).

Лене такое внешнее проявление эмоций казалось всеобщим лёгким помешательством — впрочем, вполне объяснимым и безобидным. Информационные сайты предъявляли свидетельства московского общественного сумасшествия, где гуляли по буфету по полной, куда там Зареченску.

Дядя Лёша, правда, довольно кисло смотрел на чрезмерные проявления свободы, советовал Лене сторониться городских психических. Да ей и самой в голову бы не пришло сливаться с толпой в экстазе затянувшейся революционной эйфории. С другой стороны, по этим репликам можно было догадаться, в каких взглядах не сошлись Куницын и дядя Вася Рымников.

Знал бы Дэннис-Денис, что Лена всю свою жизнь знакома с вождём революции, он бы не только коньяк предложил, а и душу бы продал за те воспоминания об Опоздайке, которые хранились в её памяти. Ну да, так его называли и мама, и отец, и дед, и Рита. Лене, правда, не позволяли, Рымников так и остался для неё дядей Васей, от которого всегда весело пахло табаком. Не так весело, как от отца, но тоже приятно.

Загорелось табло «пристегните ремни». Лена пожалела о не выкуренной перед посадкой сигарете, подняла кресло. Девушке Фёкле в соседнем ряду помогал проделать ту же процедуру её лохматый друг. Они опять смеялись.

Стюардесса в дежурной улыбке прошла вдоль рядов с проверкой качества пристёгнутости пассажиров. Ту-156 заложил вираж на снижение, у Лены, как в детстве, заложило уши, она зажала пальцами нос и попыталась освободить их от обычной полётной неприятности. Дэннис понимающе кивнул, показал большой палец, опять ткнул пальцем в нагрудный карман. Стольникова кивнула, брюнет открыл фляжку, деликатно протёр горлышко салфеткой. Большой глоток коньяка продавил заложенность в ушах, Лена кивнула с благодарностью, вернула ёмкость. Продюсер с оператором чокнулись за её здоровье. «Сейчас попросит телефон», — решила Лена.

— На всякий случай, вдруг решите поделиться зареченскими впечатлениями, — протянул визитку Дэннис-Денис. — Или оставьте номер, может быть я позвоню?

— Хорошо, — согласилась Лена. — Только сейчас лучше не доставать телефоны, во избежание замечаний лиц при исполнении служебных обязанностей. На земле, в аэропорту.

— Прекрасно, — повеселел географический продюсер. — Договорились. Ещё коньяку?

— Нет, спасибо. Меня отец встречает, не хотелось бы лишних вопросов.

— Ясно, — Дэннис, похоже, был разочарован упущенной возможностью доставить Лену из Домодедова в столицу на микроавтобусе с фирменным логотипом National Geographic.
— Могу, кстати, с ним познакомить, — решилась Лена. — Моя фамилия Стольникова.
— Дочь того Стольникова? — сразу почуял профессиональную удачу Дэннис Косински.
Лена кивнула, извинительно развела руками.
— А я, значит, вам рассказывал про установленные нами секретные детали биографии Рымникова! — расхохотался Дэннис и приглашающе толкнул в плечо оператора.
Тот уже был в профессиональной стойке, как вышколенный пойнтер, и разглядывал Лену на предмет выстраивания удачного портретного плана.
Самолёт стукнулся колёсами шасси об аэродромный бетон, взвыл реверсом, успокоился и покатил к терминалу высадки пассажиров. Девушка Фёкла запуталась в телефонных наушниках, смеялась.

Самый фешенебельный аэропорт Москвы встречал пассажиров привычной холодной учтивостью. Столица принимала гостей, как сторожевой пёс забредшую к его будке стаю мелких дворняг: добродушно, но с еле уловимой долей брезгливости. Гости, счастливые уже самим фактом успешного возвращения с небес на землю, благодарно принимали входной медицинский контроль, традиционные рамки металлодетекторов, озвученные ценники на таксомотор до центра. Радостно повиливали хвостом на чужой территории в ясном понимании, что, обнюхав чужаков, Москва всегда готова зарычать и оскалить зубы. Но терпит, как их не терпеть, двуногих. Свои, не чужие, чай.
Букет белых роз в руках отца смотрелся почему-то смешно. Он держал его, словно солдат младенца, а сам вытягивал бороду, высматривая дочь в плотном потоке пассажиров нескольких утренних рейсов, традиционно экономящих минуты жизни сибиряков и дальневосточников на разнице часовых поясов. Лена автоматически глянула на цифры точного времени у выхода из терминала — ну да, в семь утра вылетели из Зареченска, в семь утра прилетели в Москву. Всегдашний непонятный парадокс.
Наконец увидел её, призывно замахал нелепым букетом. Лена не выдержала, бросилась к отцу, прыгнула на шею, как в детстве. Он так её и воспринял.
— Здравствуй, маленькая, здравствуй.
— Папка.
— Здравствуй.
Поставил на землю, неловко ткнул букетом в руки.
— Ты без багажа?
— Какой там у меня багаж. Не обзавелась.
— Ну и отлично. Гм, ты знаешь, я тут не один. В общем, есть женщина, она очень хотела тебя встретить.
— Папка! Ты тут, оказывается, осемьянился! Ура! Где она? Хочу видеть.
— Не знаю, отошла куда-то. Подождём, сейчас придёт. Я не хотел тебе по телефону, как-то, знаешь, не очень это всё... В общем...
— Да перестань, я только рада за тебя... А вот сюрприз с моей стороны.
К ним с уже выручennыми из недр багажного отделения чемоданами и кофрами с аппаратурой, неуверенно улыбаясь, подходили продюсер московского корпункта «Нэшнл Джиографик» и лучший оператор Москвы и окрестностей.
— Это журналисты, пап, Дэннис и Алексей. Летели вместе. Я обещала.
— Обещала — будем выполнять, не могу же я отказать любимой дочери. Николай Николаевич, — представился молодым людям Стольников.
Бегло договорились об интервью в ближайшую субботу дома у Стольниковых. Лене было приятно, что никаких осложнений между отцом и симпатичным Деннисом-Денисом не случилось.
Довольная съемочная группа покатила свои чемоданы в сторону выхода из аэропорта, а навстречу им чуть напряжённой походкой шла женщина, пристально всматриваясь в Лену с

отцом. Подошла, знакомо тряхнула чёлкой, взяла отца за рукав.
— Ну, здравствуй, Стольникова.
Не до конца понимая происходящее, Лена переводила взгляд с отца на женщину, которую он собирался представить дочери. Наконец выдохнула.
— Здравствуй, Нина, — слезы сами выкатились из глаз и упали на волосы взявшей её в крепкие объятия Нины Лечинской.

Заметка в телефоне Лены Стольниковой.
«Купить журнал НДж. Сделать стрижку, как у Веры 3. Прокачать скилл по вареникам с творогом, как у мамы».

Глава 3
Стольников
— Не знаю, мне эта идея не нравится, — Гонтаренко громко хлопнул карандашом о стол. — Слушайте, договорились же курить у окна! Имейте совесть.
Взял из пальцев Рымникова сигарету, затушил её в пепельнице, пепельницу отнёс на подоконник. Повернулся к членам Малого Конвента, сердито скрестил руки на груди.
— Не горячись, Рыжий, — Василий Рымников устало потёр пальцами лоб. — Давайте ещё раз: как мы будем выглядеть в глазах мирового сообщества? Расскажите нам, Анатолий Степанович.
— Вначале не очень, потом поймут и простят, — генерал-лейтенант Седых был спокоен, как памятник Суворову. — В конце концов, это наши внутренние дела.
— Дела как сажа бела, — Илья Прегер штриховал ровными линиями страницу в ежедневнике. — Дело ясное, что дело тёмное.
— Да поймите вы, нельзя людям обещать одно, а делать другое! — вновь сорвался на повышенный тон Гонтаренко. — Можно раз продлить особый режим на два месяца, другой, а на третий народ скажет: да пошли вы с вашими запретами на митинги, собрания, забастовки. Чем вы отличаетесь от чекистов? И народ будет прав, потому что ничем.
— Мне сегодня сообщили, что у нас в Челябинске армейский спецназ силовым методом вытеснил с площади молодых анархистов, — гулко протрубил из своего угла Олег Синицын. — Пацаны всего лишь с плакатами вышли да файеры зажгли, а их по асфальту повозили мордами. Что за дела, генерал?
— Разобрались уже, — Седых достал из папки рапорт, зачитал из него. — «Комендант Челябинска полковник Галямов допустил безусловное превышение полномочий, неоправданное применение силы против неразрешённого, но мирного протеста граждан. Делом занимается военная прокуратура Уральского военного округа, полковник задержан. Командование округа принесло публичные извинения горожанам по факту инцидента, пресс-релиз направлен во все значимые СМИ Челябинска». Неприятный случай, согласен. Важно быстро и правильно реагировать. Но если сейчас снять все ограничения на публичный протест... Не знаю. Не исключены массовые выступления сторонников свергнутой диктатуры Земскова. Их немало, не мне вам рассказывать.
— Не нагнетайте, Анатолий Степанович, — председатель комиссии Конвента по правам и свободам Бек-Каргополова надела очки, просмотрела справку. — Замеры прошлой недели показывают, что число прочекистски настроенных граждан увеличилось всего лишь на один процент в сравнении с цифрами мая. Девятнадцать процентов на сегодня, двенадцать неопределившихся, сторонников нового курса по-прежнему подавляющее большинство. Нет причин для реального беспокойства. Так утверждает социология — по крайней мере, в текущем горизонте относительно устойчивой экономики.
— Кстати, что у нас там с бензином? — Рымников спрашивал Синицына, отвечающего в Конвенте за экономический блок.
— Получше. Цена стабилизировалась, очереди на заправках остались лишь по югу России. Полагаю, нормально войдём в уборочную.

— Недельная инфляция?
— Тут хуже, снова 0,5 процента. Прогноз так себе: эксперты уверены, что темпы значительно снизятся к концу года, но пока придётся увеличивать заимствования, со всеми вытекающими.

Как и любой еженедельный Малый Конвент, нынешний включал в обязательную программу половину смертных грехов — от уныния по поводу развалившейся полуплановой госэкономики до гнева на генерала Седых, чьё ведомство не уставало поставлять новости о жёстких действиях армии в отношении набирающего силу гражданского протеста. А он был неизбежен: отстроенная Земсковым система олигархической монополии работала сама на себя — худо-бедно, но работала. Сейчас она просто встала. Вновь запустить экономику, вернуть её в конкурентное русло, встроить в глобальный рынок, восстановить инвестиционную привлекательность России требовалось в кратчайшие сроки, чтобы разочарование людей в очередной революции не успело перерасти в хаос гражданской войны всех против всех. Эту опасность Конвент отчётливо себе представлял с самого начала, все они хорошо помнили последствия предыдущей ломки страны через колено, следствием которого стала горячо приветствуемая диктатура Земскова. Ну, поначалу приветствуемая, а затем фальшиво одобряемая. От любви до ненависти в России одна революция, всякому известно.
Линия фронта в Конвенте пролегала между Гонтаренко, Синицыным и Бек-Каргополовой с одной стороны и Седых с Прегером — с другой. Комиссия по здравоохранению Ильи Прегера держала круговую оборону на критически обострившемся пандемийном направлении, оттого стратегически вписывалась в силовой блок, отстаивающий безопасность граждан и порядок в стране любой ценой. Даже ценой ограничения отдельных свобод, против чего категорически выступали их противники.
Василий Рымников жёстко держал баланс Конвента, не допуская значительного перевеса сил ни одной из фракций. А главное, постоянно выступал — на продолжающихся митингах победителей, в телевизоре, интернете, в Совете Европы, в НАТО, в каком-нибудь богом забытом Калачинске. Вася это дело любил и умел, и если народ до сих пор не сорвался в истерику, в общем, праведного гнева от качественного снижения уровня жизни, то исключительно усилиями Рымникова. Он по-прежнему оставался народным любимцем. Или реальным политическим лидером, говоря по-нашему, по-революционному.
Стольников не фиксировал эту свою неотчётливую мысль в блокноте, он там вообще ничего конвентно-значимого не записывал.
Василий изначально вменил ему в обязанность присутствие на каждом Конвенте, не формализуя конкретных результатов этого действия. Николай отсиживал регулярную почётную вахту молча, понимал постепенно сложившийся расклад сил и всё больше напитывался если не отвращением, то скукой реальной политики. Нет, он отдавал себе отчёт, что здесь делается история красивой России будущего, но само это делание Стольникова не увлекало, не находилось у него внутри огонька преобразователя, потому он сразу отказался от предложения возглавить Комиссию по культуре и спорту, оставаясь в не слишком обременительной должности референта — человека при революции, но не внутри неё.
Само понятие революции неожиданно успешно укрепилось в новой лексике, быстро утратив избыточный пафос события вместе с заглавной «Р» и став повседневным обозначением политического процесса в историческом отрезке текущего времени определённого географического пространства. То есть не «отдадим жизнь за завоевания Революции!», а «на четвертом месяце революции индикатор эпидемической угрозы вырос на два пункта». Такое прочтение термина не раздражало, нет.

Заслушав от Прегера тревожные цифры выходящей на новый виток летальности, председатель объявил собрание Малого Конвента закрытым. «Анатолий Степанович, задержись, — остановил Рымников генерала. — Тебя, Коля, тоже попрошу». Проходящий к

выходу мимо Стольникова зампред Гонтаренко подмигнул Николаю, кивнул на Седых, сообщил: «Гражданские не сдаются!» И так со сжатым рот-фронтовским кулаком удалился из зала заседаний.
— Клоун, — добродушно отметил генерал, усаживаясь напротив Стольникова за отдельный стол для неформального общения. — При Земскове так бы шутил.
— Да Гонтаренко и при Земскове себя не особо сдерживал, — Рымников устроился во главе стола, выложил перед собой пачку сигарет и какую-то сводку с цифрами. — Коля подтвердит.
Стольников кивнул, ждал существенного. Не Рыжего же они здесь остались обсуждать.
— Как там Антон Егорович? — поинтересовался председатель Конвента.
— Перевели из реанимации, несколько дней еще пробудет в госпитале, — отчитался Белых о самочувствии министра обороны Дерябина, слёгшего с пандемийным вирусом в инспекционной поездке по Дальнему Востоку.
— Ладно, к делу, — Рымников подвинул к себе бумагу с таблицей. — Сколько у нас на сегодня интернированных?
— Чуть больше трёх тысяч, — доложил генерал. — Дать цифры по «Звёздам»?
— Не нужно, у меня здесь нарисована примерная картина. Как там психологическая обстановка в целом?
— В целом растерянная. Большинство ждут расстрела. Было двенадцать попыток суицида, две успешные.
— Пора приступать к проекту «Лекция». Нам нужен год на стабилизацию экономики и возвращение к прежним цифрам доходов граждан. Народ постепенно озлобляется, и требуется внятно ему разжевать корневые причины ухудшения качества жизни. Важно не повторить ошибок прошлого, дать полную картину преступлений режима Земскова. Полагаю, контингент уже созрел для этой задачи?
— Похоже на то, согласен, — Седых достал плейфон. — Приглашу?
— Давай, — Рымников подмигнул. — Сюрприз тебе, Коля.
Стольников поморщился, он давно уже не любил сюрпризов.
Без стука отворилась дверь, и к столу прошёл майор Андреев. Экспозиция точь-в-точь напоминала сцену первого знакомства Стольникова с Седых и майором-спецназовцем в ночь эвакуации из мятежного Зареченска.
— Здравия желаю, — широко улыбнулся Виктор, коротко приветственно кивнул. — Товарищ генерал-лейтенант, Василий Кириллович, Николай Николаевич.
— Вот это да, — искренне обрадовался Стольников. — Снова вместе. Очень рад, Виктор. Залечили, значит?
— Я бы сказал, вылечили, — вежливо поправил специалист по доставке революции из Зареченска в столицу, кивнул на Седых. — С понедельника приступил к выполнению служебных обязанностей. Прибыл по приказу председателя комитета по обороне и правопорядку.
— А, Коля? Не ожидал? — весело пускал дым в потолок Рымников. — Это хорошо. Вам теперь вместе работать предстоит на проекте «Лекция», а то ты заскучал здесь, вижу же. Присаживайся, майор.
— Полковник, — уточнил председатель комитета Седых. — Полковник Виктор Андреев. Месяц назад присвоено внеочередное воинское звание отдельным приказом министра обороны. Заместитель по оперативным вопросам директора спецпроекта «Лекция».
— Ладно, рассказывайте уже, что за секретный проект такой, — Николай почувствовал, как его вновь подхватывает волна непредсказуемых событий. Передышка в тихой гавани, судя по всему, закончилась.
Рымников вернулся в состояние усталой серьёзности, вновь заглянул в свои бумаги, снял очки, потёр переносицу: «Изложите вкратце обстановку, Анатолий Степанович». Генерал Седых кивнул, открыл планшет с картой, подвинул Стольникову.
— Три тысячи сто двенадцать человек сейчас интернированы указом Конвента в бывшие трудовые поселения литеры «Звезда». По сути, три с лишним тысячи государственных

преступников. На прошлой неделе завершены последние работы по реконструкции жилых городков — и теперь все бывшие проводники политики Земскова проживают в отдельных коммунальных квартирах на двух-трёх человек, обеспечены трёхразовым питанием, не обложены трудовой повинностью, ограничены в свободе перемещения лишь периметром городков. Да и тот не сказать что находится под усиленной охраной: ближайшие населённые пункты расположены в радиусе от 50 до 100 километров, преодолеть которые нынешним поселенцам довольно проблематично. Там тайга, а наш контингент привычный к городскому комфорту, но никак не к гнусу или к сибирским морозам. На яхтенных броненосцах своих они бы ещё поплавали туда-сюда по Средиземному морю, а по бурелому и болотам бегать дураков до сих пор не нашлось. Короче говоря, грех им жаловаться — живут в условиях, которые до сих пор могут считаться более чем сносными для трети россиян. Другое дело, что такой уровень комфорта им самим представляется едва ли не пыточным концлагерем, да и ожидание скорейшего трибунала с последующей высшей мерой оптимизма сидельцам не добавляет. Равно как и полная блокировка информации из-за периметра. Собственно, на этом и строился весь расчёт.

— Расчёт на что? — естественным образом возник вопрос у Стольникова.

— Вот. Теперь переходим к главному, — Рымников затушил сигарету, потянулся, встал напротив Николая. — Ты же помнишь, каких трудов стоило Конвенту убедить западных партнёров, что возобновление смертной казни в России — дело исключительное и временное. И лишь после того, как мы объяснили очень небольшому кругу влиятельных персон, что указ о высшей мере наказания не будет применен ни к одному, даже самому омерзительному деятелю диктатуры, что это не более чем директива для внутреннего пиар-сопровождения спецоперации, началась работа по крупным инвестиционным проектам. Собственно, о том, что история со смертной казнью лишь устрашительная фигура речи, до сих пор знают даже не все члены Конвента. Вот теперь и вы знаете с Виктором.

— Хорошо, но я-то здесь каким боком? — Николай никак не мог взять в толк грядущие перемены в своей судьбе, связанные с этими «Звёздами», их контингентом и ложной высшей мерой наказания.

— Ты возглавишь проект «Лекция». Знаю, тебе будет интересно.

— Серьёзное заявление. Я сам не знаю, что мне сейчас интересно.

— А я серьёзен, и я знаю. Ты же журналист, Коля. Ты поэт. Ты всегда видел, а главное, чувствовал всю затягивающую мерзость и пошлость чекистского режима. Пришла пора с ним рассчитаться. В этом смысл проекта «Лекция», где ты будешь директором...

С отдельного столика, уставленного телефонами секретной правительственной связи, раздался громкий звонок аппарата, помнящего ещё, вероятно, последних генсеков Советского Союза. Телефон тревожно мигал красной кнопкой.

— Слушаю, — Рымников держал трубку напряжённо-опасливо, как гадюку. — Конкретнее, Рыжий. Ясно, сейчас буду.

Повернулся к ждущим неприятных известий соратникам.

— Тува. Сепаратистами захвачена комендатура Кызыла, всё снова да опять. В кабинете уже ждут телевизионщики для прямого включения. Анатолий Степанович, через два часа летим туда.

— Есть, — принял приказ Седых. — Разрешите прояснить обстановку?

— Вперёд, — Василий протянул Стольникову папку. — Коля, вот тебе секретная директива по проекту «Лекция». Цели, задачи, сроки, штатное расписание. Завтра вернусь, выслушаю твои замечания и рекомендации, прошу к тому времени набросать примерный список сотрудников и прочие соображения по дальнейшей работе. Всё, разошлись.

Николай хотел накоротке обсудить перспективы дальнейшего сотрудничества с Виктором, но тот покачал головой и поспешил из зала заседаний вместе с генералом Седых.

Лена дома смотрела телевизор, где в прямом эфире горело здание комендатуры Кызыла. Площадь была полна возбужденными всадниками на лохматых тувинских лошадях, многие

поперёк сёдел держали автоматы. На другой встроенной картинке бронетехника перегораживала прилегающие улицы, снайперские расчёты военных занимали позиции на крышах. В небе наряду с армейскими Ми-8 сновал вертолет «Робинсон» съемочной группы канала «Сибирь-медиа». Безграничная свобода нового времени не делала секрета из спецопераций, оттого все скрытые перемещения противоборствующих сторон становились достоянием широкой общественности в режиме реального времени.
— Что там? — Стольников поцеловал вставшую с дивана дочь. — Привет.
— Козлят тувинцы по полной, — Лена выключила телевизор. — Пошли ужинать.
— Нины нет?
— Звонила недавно, придёт через час. Я перцы приготовила.
— Пошли к твоим перцам.
Так-то Николай к блюду из болгарских овощей, начинённых фаршем, был, мягко говоря, равнодушен, но такова семейная традиция — периодически вспоминать о перцах, считавшихся кулинарным шедевром со стародавних дефицитных советских времен. Отец, помнится, их очень любил, теперь вот дочь варёной овощной шкуркой его балует. И рис этот ещё: зачем в мясо добавлять рис, оно от этого вкуснее становится, что ли?
— Спасибо, дочь, гениальные перцы, — смело соврал Стольников. — Чаю хочу.
Пока Лена наливала чай, подготовил внешне нейтральный вопрос:
— Зимой в корпусах на Звезде-3 сильно холодно было?
— Да нет, своя котельная же.
— Как там вообще зима, морознее, чем в Зареченске?
— Она там другая. А ты с какой целью интересуешься?
— По делу нужно.
— Ну, если по делу, то да — у тебя тут дома целых два авторитетных эксперта по третьей звёздочке. Нина придёт — и можно начинать консилиум.
— Ладно, давай её дождёмся.
Стольников пил ароматный жасминовый «липтон», вернувшийся в страну вместе с отменой санкций и открывшимися границами. Нет, краснодарский тоже был ничего, но всё же не то. Нужно было сообразить, как сказать Нине, что скоро они поедут жить и работать на Звезду-3. На целый год, если не дольше. Дочь точно не поедет, да и не нужно ей.

Запись в ежедневнике Стольникова на заседании Малого Конвента.
ЗВОНОК
Если верить телефону, то звонит Егор Катугин,
только голоса Егора что-то я не узнаю.
У Егора бас примерный, мы его за это любим,
здесь же — ангельская песня, допустимая в раю.

«Здравствуй, — говорит мне песня. — Это я, Смирнова Белла.
Помнишь, мы на третьем курсе целовались во дворе?»
Как не помнить, было дело. Было дело, было дело,
было дело, было дело, было дело в октябре.

В октябре мы целовались, биохимию не сдали,
и историю не сдали, и ещё чего-то там.
Потому что улетали в неизведанные дали,
там витали в райских кущах, или проще — по кустам.

А с кустов спадали листья, обнажая суть явлений
и не только суть явлений, но и нежные соски.
Каждый день дарил нам столько всевозможных откровений,
что смолчать тут было можно, лишь зажав язык в тиски.

А язык не зажимался, потому что не бывает,
что когда кого-то любишь, ты ему не говоришь,
что всего его ты любишь или всю её ты любишь.
И пусть мир к чертям летает, если просто рядом спишь.

Просыпались, просыпали биохимию всю ту же,
и историю опять же, и шатались по кино.
Только петелька сжималась этим временем всё туже,
и в бокале выдыхалось золотистое вино.

И в зачётах разных химий под декабрьскою порошей
что-то где-то потерялось — невозможно, навсегда.
Потому что вдруг услышать: «Ты прости меня, хороший.
Ты был очень-очень нужным…» Ну, вы поняли всё, да?

Наступал январь свинцовый, уходил февраль тоскливый,
и лишь в марте, только в марте стало можно вдруг дышать.
И Катугин отряхнулся, стал привычным и ленивым:
сколько можно у соседей остры ножики держать?

А потом всё стало проще, жизнь тянулась незаметно,
без особых потрясений и каких-то страшных бед.
Это трубка телефона, это не Егор, конкретно.
Это просто райский голос…
«Извини, не помню. Нет».

Глава 4
Лечинская

На вторую Звезду она бы точно не вернулась. Там остались первая паника, первый запах барака, первые удары ментов, первая стылая зима срока. «Никогда не возвращайся в прежние места», давным-давно рекомендовал поэт. Звезда-3, понятно, тоже то ещё прежнее место, но оно тогда стало заметным облегчением в сравнении с серым режимом, почти уютной пропиской после севера. Там она познакомилась и подружилась с Леной Стольниковой, оттуда вернулась на волю. Нет, год прожить в забайкальской тайге в свободном статусе можно. Грибы опять же, пейзажи. Да и надоела уже суматошная Москва, если честно.
Нормальный коттедж им отведён, если судить по фото, присланным полковником Андреевым, — заново отстроенный руками бывших исправленцев, согласившихся после освобождения на хороший рабочий контракт. Они же и в жилых городках превратили их казарменные общаги в сносные квартиры, где сейчас жили-поживали все эти мрази, устроившие из страны один большой лагерь — что в поселении, что на воле. Добра, конечно, не наживали, а ровно наоборот — расставались с ним, но каждому времени свой сезон: проходил лето в шелках, надевай зимой телогрейку. Всё по понятиям.
Никаких коттеджей на Звезде-3 в их бытность Нина с Леной не помнили: рабочую зону помнили, храм у проходной, жилой городок, котельную, брошенные бывшими жителями пятиэтажки с выбитыми стеклами вдали виднелись за периметром — вроде бы и всё, что задержалось в памяти. А здесь уютный внешне коттеджный посёлок среди соснового бора для главного центра проекта «Лекция», который со следующий недели запускается на всех «звёздах» страны. Виктор говорит, что уровень комфорта там вполне приличный, вот только рассчитанный на исключительно мужской контингент: баня, бильярдная с баром, футбольная площадка. Наверное, так всегда были устроены военные городки в России, где жизнь офицерских жён в расчёт не принималась, они вечно оставались прилагательными частями

речи. Ладно, на месте видно будет. Проект рассчитан на год — не такой уж великий срок по минувшим временам.

— Водка закончилась, — доложил зашедший на кухню новенький, с иголочки — месяца ещё не прошло — супруг. — Пошли, чего ты здесь.
Чмокнул в щёку, достал из морозильника бутылку «Гордой», вернулся в гостиную, где они с Рымниковым устроили обряд прощания старых друзей.
Она была для Николая Стольникова третьей по счёту женой, он для Нины стал первым мужем. Ну так он и постарше насколько, к Лене уже тридцатник подбирается. Обещала приехать сегодня от своего американского Дениса с отцом попрощаться, да что-то задерживается.
Своими детьми Нина обзавестись не успела. Не жалела, нет — судьба правильно распорядилась, с кем бы они росли в лихих поворотах её личной истории? Приличный отец тоже бы не задержался при чекистах на свободе, а неприличный... Неприличных мужчин в биографии Лечинской отродясь не числилось.
Стольникова судьба подкинула Нине на очередном крутом вираже фантасмагории последнего года. Искусствоведы числят фантасмагорию как быстро меняющуюся, хаотичную общую картину зарисовок, набросков, образов. Всего этого у Лечинской был полный набор — не зря искусствоведение она со времён учёбы держала за предмет серьёзный, разъясняющий смыслы, которые, по совести, редкий художник может объяснить словами. Хоть про свои работы, хоть про чужие. Приезд в столицу, восстание, гибель Геши, противостояние на Лубянке, где Нина примкнула к отряду Ильи Прегера. Полный альбом лихорадочных портретов, этюдов Революции. Феерическое прибытие Рымникова, победа — и наступившее полное опустошение, депрессия, невозможность не только выйти из опустевшей Гешиной квартиры, но и ответить на телефонный звонок.
Через неделю её нашёл Илья, приехал, положил в клинику, потом забрал, пристроил в группу, готовящую первый Большой Конвент. Она работала на автомате, хотела только одного — окончательно проститься с Гешей Смушкевичем на сороковой день и вернуться в Зареченск. Но однажды в буфете за её столик подсел со своим подносом Стольников, случайно выяснилось, что они оба зареченские. Ну и вот. Жизнь вернулась. Да и к мужу с гостем пора возвращаться.
Нина открыла страницу для записи рецептов в старинной кулинарной книге, добавила пару строк. Налила себе рюмку водки, закусила солёным зареченским огурцом. Выключила духовку, достала из неё припущенную стерлядь — не сибирскую, волжскую, но тоже ничего — выложила на блюдо. Сдунула чёлку с глаз, навесила на лицо улыбку и пошла угощать мужа и вождя Революции Гордости.

Там говорили о футболе, о чём же ещё.
— Ну что ты хочешь, Португалия нам не по зубам, — горячился Василий Кириллович. — Хорошо хоть 1:3 отскочили, могли нам и больше привезти.
— Могли, — соглашался муж. — А я тебе скажу почему.
— Ну, скажи.
— Потому что форма. Я не про спортивную, а про одежду. С какого хрена мы играем во всём этом красном? Есть же флаг страны, почему нельзя одеть сборников соответствующе: белая футболка, синие трусы, красные гетры? Пока будем выходить на поле в старорежимном, так и будем проигрывать по-старому.
— Дельно, кстати. Зря ты не согласился комиссию по культуре и спорту возглавить, давно бы уже Португалию с Англией обыгрывали. Я тебе больше скажу, флаг — единственная достойная госсимволика. Пока идёт конкурс на текст нового гимна к «Прощанию славянки», подумываю вынести на ближайший Конвент предложение о конкурсе и на новый герб. Ну в самом деле, что за символика имперская, какой двуглавый орёл в двадцать первом веке?
— Эмблему плейбука нужно в герб оформить, да? — Стольников дошёл до сарказма.

— Что-то в этом роде. Символику будущего предложить людям, вот что важно. А вы, Нина, как считаете?
— Бухгалтер считает, а мы в ведомости расписываемся, — автоматически сорвалось с языка Нины дедовское выражение. — Василий Кириллович, вы уверены, что Колина работа на проекте продлится не больше года? Хотелось бы как-то не отрываться от цивилизации надолго. Зона — она зона и есть, что для контингента, что для конвойных, как их ни обзывай — хоть опека, хоть лекция.
— Так это теперь исключительно от него зависит, — Рымников разлил по рюмкам водку, Нина подложила в тарелки мужчин рыбу. — Как сумеет организовать работу. Психологи утверждают, что тамошняя публика уже созрела для деятельного сотрудничества. Посмотрим, штат проекта достаточный, технологические работы завершены, дело за малым — оформить идею в результат. А результат нам нужен никак не позже, чем через год. Ты, Коля, после «Лекции» чем планируешь заниматься?
— Планирую на пенсию выйти, в Зареченск вернуться. Устал, знаешь.
— Ну и замечательно. Предлагаю за это и выпить. Отличная рыба у вас получилась, Нина, просто замечательная.
— Спасибо, Василий Кириллович, — Нина чокнулась с мужчинами, опрокинула рюмку на равных. — Можно спросить, чья идея проекта «Лекция»? Додуматься же нужно было.
— Как ни странно, военных. Седых принёс проект, обоснование, смету. Он же предложил кандидатуру Николая. Кстати, о пенсии. Есть одно дельное предложение от Виктора — я тебе, Коля, пришлю. Там, в общем, заложена мысль о конечном вознаграждении руководства проекта за проделанную работу. Если согласишься, пенсию можешь сразу оформить в какой-нибудь благотворительный фонд — и без неё бедствовать не будешь до конца дней своих. Я считаю это правильным: во-первых, мы же против бедности, а во-вторых, победителей не судят. Помнишь, Коля, как Куницын предрекал нам поражение по всем фронтам, говорил, что никому не нужна свободная Россия будущего, что народ нас на клочки порвёт за всякие революции? Помнишь?

Мужчины заспорили о незнакомом Нине Куницыне, а у неё в голове крутился невысказанный лидеру Революции ответ: «Судят победителей, Василий Кирилович. Вы же сами сейчас и судите. Когда-то победил Земсков, сегодня победили вы, завтра победят вас. И все друг друга судят, как потерпевшие. Судят, делят, отнимают — власть, деньги, идеи, перспективы. Каждый считает, что он окончательный победитель, на все времена. Только времена в России не линейны, а цикличны, и уроборос продолжает хватать себя за хвост истории. И не нахватается никак».
В Лечинской не было активного неприятия Рымникова: он казался человеком прямым, открытым, убеждённым в самоценности свободы как главного мерила успешности страны. Нина верила убедительности Василия Кирилловича ещё с лубянского противостояния Госнадзору, с его неожиданного появления в гуще столичных событий и последующей стремительной развязки, вписавшей Рымникова в исторический учебник как победителя режима одного из самых лживых, тусклых и мрачных деятелей российской государственности.
Всё так. И лишь в ближайшем приближении, в узнавании Василия в качестве друга мужа, в нередких посещениях Рымниковым их пусть казённого, но всё же дома Нине показалось, что вера его не так тверда, как она представляется широкой и далёкой публике, что внутри него живёт способность и даже готовность к компромиссу с обстоятельствами непреодолимой силы, как говорят юристы. Если в представлении Нины нервный Прегер, упрямая Бек-Каргополова, основательный Синицын были прорисованы резким углем, то в Василии Кирилловиче рисунок характера проступал тушью — черты вроде бы те же, но углы смазаны и готовы потечь под дождём. Или, скажем, под слезами. Вполне себе мягкий и бесконфликтный Стольников ощущался Ниной человеком, внутри которого был грифель, а у Рымникова вместо графита, одной из ипостасей алмаза, — яркая, но текучая жидкость.

Впрочем, делиться своими наблюдениями она не была готова ни с супругом, ни с Леной: те души не чаяли в Опоздайке — дяде Васе, друге семьи с незапамятных времён той ещё свободы, разлива конца прошлого века.

За столом дело дошло до опиума для народа.
Людям нужна вера, пусть даже вера в Бога, говорил Стольников. На здоровье, но не за чужой счёт, говорил Рымников. Вера не выставляет счёт, говорил Стольников. Значит, счёт выставляет чёрт, говорил Рымников. Знаешь, сколько ЖКХ теряет по стране на содержание приходов, говорил Рымников. У нас светское государство, говорил Рымников. Обрежем ко всем чертям госфинансирование храмов, говорил Рымников. Когда придут полновесные счета за коммуналку, налог на недвижимость, на НДС, они сами свои церкви позакрывают, говорил Рымников. И что ты с ними будешь делать, говорил Стольников. Вернем музеям, концертным залам, да хоть ресторанам, говорил Рымников. Помнишь, в Зареченске органный зал выселили из здания бывшего храма, а сколько таких случаев по стране, говорил Рымников. Пусть люди верят, я не против, но вера не требует государственного участия, говорил Рымников. Храм, блядь, министерства обороны, говорил Рымников.
А возьмём, к примеру, последнюю справку контрольной комиссии по всем этим институтам глобальной политической проституции, по всем этим фондам сраной геополитки, говорил Рымников. Ну, возьмём, говорил Стольников. Никто уже ничего не возьмёт, говорил Рымников. В год сорок миллиардов бюджетных денег уходило на этих блядей из телевизора, говорил Рымников. Сорок миллиардов, говорил Рымников. А детишкам деньги на операцию собирали всем миром, говорил Рымников. Суки чекистские, говорил Стольников. Не то слово, Коля, говорил Рымников. А ты говоришь, вера, говорил Рымников.
Или вот поликлиники с больницами, говорил Рымников. Отца твоего, светлая память, помнишь, навещали в Зареченске, говорил Рымников. Помню, с коньяком приходили к врачам, говорил Стольников. Правильно, с коньяком, потому что так положено, говорил Рымников. Потому что хороший врач должен правильный диагноз поставить на основании анамнеза, говорил Рымников. Тебе хорошо, ты умный, говорил Стольников. Да погоди ты, говорил Рымников. Тебе для госпитализации нужно кучу справок собрать, в десяти очередях выстоять, на анализы ползарплаты отдать, говорил Рымников. Да я вроде здоров, говорил Стольников. При чём тут ты, говорил Рымников. Закрою я к херам эту ракету «Горизонт-М» и еще десяток других, говорил Рымников. И направлю эти деньги на создание федерального проекта «Анамнез», говорил Рымников. Ну вот чтобы приехал москвич в командировку, не знаю, в Калачинск, а там его прихватил аппендицит, говорил Рымников. И при поступлении в больницу пациент называет дежурному врачу свой код, тот забивает его в компьютер, и через секунду у него вся история медицинской жизни болящего, говорил Рымников. От детского энуреза до номера страхового полиса и ПЦР-теста недельной давности, говорил Рымников. И врачу сразу понятно, что с пациентом делать и как его правильно резать, вдоль или поперёк, говорил, говорил, говорил Рымников.
Так за разговором и вторая бутылка закончилась. Захмелевшей Нине вновь стал мил Василий Кириллович — и оттого что толково объяснял простые вещи, и потому что был старинным другом Коли, который его любил: не по слепому обожанию вождя народными массами, а по его вечным опоздайству и раздолбайству, привычным с давней юности, исполненной пьянками, драками, стихами и души прекрасными порывами. Они и говорили понятными только старым друзьям цитатами, и спорили, приводя в аргументации неизвестных Нине персонажей. Зареченские оба опять же, свои.

— Давайте, мужчины, за Зареченск, — подняла последнюю рюмку Лечинская. — Не самый плохой город на этой планете.
— С удовольствием, — поддержал Василий Кириллович.
— Только не вздумай туда столицу переносить, — вспомнил революционную инициативу Николай.

— Сам не хочу, что ты. Ладно, время позднее, пойду. Чемоданы-то упаковали, Нина?
— Упаковали.
— Виктор должен был всё удобно устроить там, мы с Колей в него верим. Верим же?
— Ещё как верим, — подтвердил муж. — Всё, езжай. Завтра вставать рано.
Вышли в прихожую, там открылась входная дверь и вошла Лена.
— Здрасьте, дядя Вася, — обрадовалась Рымникову. — Уже уходите? Прости, папка, что так поздно. Здравствуй, Нина.
Всех пообнимала с лёгкой вечерней виноватостью, объясняя наскоро, что ждали звонка родителей Дениса, которым обязательно нужно было зачем-то поговорить с его русской подругой, глядя в её честные глаза на экране ноутбука. Ничего важного, просто нелепость какая-то.
— Дай посмотреть на тебя, — Рымников держал Лену за плечи. — А помнишь вот это? Легонько нажал пальцем на её кончик носа: «Би-бип! Я хорошая машина, у меня большие…»
«Шины», — засмеялась, как в детстве, Лена. Рымников обнял её, погладил по голове. Застегнул пуговицу на своей рубашке, подтянул галстук.
— Пойду. Позвоните, как устроитесь. И ты звони, Лена.
— Обязательно. Пока, Опоздайка. До свидания, Василий Кириллович. Буду звонить, дядя Вася.
За Опоздайкой дядей Васей Рымниковым захлопнулась дверь. Прошли в гостиную, Нина поставила перед Леной чистую тарелку.
— Откуда полетите? — спросила у Стольникова дочь.
— С Чкаловского. Спецборт с сотрудниками группы «Лекция».
Говорили ни о чём, вспоминали прошлое: детство Лены с отцом, срок Лены на Звезде-3 с Ниной.

«Так незаметно полжизни и прошло», — подумалось Лечинской. Странные полжизни, от ясных перспектив будущего в юности до нового шага в неизвестность текущего дня. Наверное, любому поколению в России достаётся своя эпоха перемен, когда счастье для всех даром и никто не должен уйти обиженным. Потом обиженных накапливается на очередную революцию, и вновь выстраивается очередь за счастьем. А много ли для него надо? Просто вот так сидеть за столом с самыми близкими людьми, радоваться, что всё у них хорошо. И чтобы любовь. И гори оно, всё остальное, синим огнём.
На глаза у Нины неожиданно навернулись слёзы. Она достала сигареты, вышла на кухню. «Хорошие они у меня», — мелькнула мысль, которую следовало затвердить рюмкой коньяка. Початая бутылка хранилась в настенном шкафу, добавлять в кофе. Кофе на ночь не стоит, а коньяк в самый раз.

Запись Лечинской в поваренной книге «Рецепты семейного ужина».
«В шампанском так себе стерлядь. Лучше припускать в белом вине.
А Рымников твой мудак всё же».

Часть пятая
Лекция
Ассамблея, Ассамблея, Ассамблея.
Мчится ряженых толпа, визжа и блея.
Все безудержно, сумбурно
пьют во славу Петербурга,
дам за талии ведут, сопя и млея.
Ассамблея, Ассамблея, Ассамблея.
Все танцуют, ног и туфель не жалея,
и, взойдя на антресоль,
огуречный пьёт рассол

при царе аккредитованный посол.
Александр Пименов

Лекция № 18/1. Дмитрий Городов, реестр «пропаганда».
КАР № 2, поселение Звезда-3, 29 октября 2023 года. Хронометраж 27 минут.
Слушатель М. Соколов.

Так, куда здесь? Ага, понял. Шла Саша по шоссе и сосала сушку. Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали. Тр-ридцать ш-шесть, тр-ридцать ш-шесть. Готов, поехали. Друзья, с вами комната активного раскаяния Звезды-3 и ваш комментатор Дмитрий Городов. В этот прекрасный солнечный день снег на здешних сопках мог бы принимать лучших лыжников и биатлонистов не только России, но и мира. Забайкальский рельеф — я ответственно заявляю — ничуть не уступает рельефу прославленных Оберхофа и Антерсельвы. И это странно, дорогие друзья, что наша страна с её бескрайними просторами, идеальными ландшафтами, прекрасными болельщиками так недостойно мало представлена в календаре международных соревнований.

Да, Россию долго и последовательно унижали, стремясь нивелировать её стремление вновь вернуть ведущие позиции во многих спортивных дисциплинах, но ведь вот они, вот прекрасные горные склоны, заповедная сибирская тайга! Берите эту красоту, уважаемые руководители федераций, предъявляйте её европейским чиновникам, пробивайте новые российские этапы кубков мира по лыжам, биатлону, бобслею и санному спорту. Скелетону, наконец! Что вам мешает? Да ничего, кроме лени, косности и багажа старых, ещё советских побед. А при таком подходе вряд ли у нас появятся новые тихоновы, веденины, зимятовы.

Сегодня на дворе другие времена, другие нравы. Не золотые олимпийские медали, а золотой телец стал единственным двигателем российского спорта, привел его в нынешнее крайне унизительное положение. Вы знаете, друзья, какие средства выделяло правительство на Олимпиаду, на строительство новых трасс, на финансирование сборов наших спортсменов? Боюсь, вы даже себе не представляете порядок цифр. В силу своей популярности и, без ложной скромности, спортивно-имиджевого веса, мне доводилось принимать участие в закрытых совещаниях, где принимались ответственные решения. Более того, в частных разговорах спортивные чиновники, руководители федераций делились со мной схемами откатов, распилов колоссальных бюджетных средств, результатом чего стали так и не построенные трассы, спортивные комплексы. Зато у лиц, ответственных за российский спорт, появлялись собственные шале на альпийских лыжных курортах.

А вы в курсе, что призовые за победы на главных международных стартах в разы превышали официально заявленные? Вы всерьёз полагали, что олимпийская медаль стоит каких-нибудь пятьдесят тысяч долларов? А двести пятьдесят не хотите? У нас же все федерации были закреплены за олигархами, каждый из них содержал свой вид спорта. Там закладывались закрытые фонды призовых, из которых в финале до спортсменов и тренеров доходила хорошо если пятая часть от заявленной суммы. Потому что и бизнесмены не стремились расставаться за здорово живёшь с нарисованными им сверху суммами, и чиновники с руководством федераций считали правильным вознаграждать себя за спортивные победы. Но ведь без побед не будет и финансирования, вы же понимаете. Вот где причина всех допинговых скандалов последних десятилетий. Деньги, мои дорогие друзья, а вовсе не пресловутый престиж страны были двигателем допинга в отечественном спорте. Подмена мочи, скрывание спортсменов от комиссаров антидопингового агентства, зачистка протоколов исследований — всё проводилось планово, под контролем спецслужб, которые тоже не оставались в стороне от курируемых ими средств на продвижение российских спортивных побед.

Но самые масштабные, самые лакомые финансовые куски от российского спорта отгрызались, если позволить такой термин (а почему бы его, собственно, не позволить?) не на призовых, не на липовом строительстве, не на допинге. Сами догадаетесь, нет? Так вот — на рекламе. Задумайтесь: зачем «Росгазу» так настойчиво себя рекламировать на всех

каналах телевизионного спортивного холдинга, где имел честь работать ваш покорный слуга? «Росгаз» — монополист не только на российском, но и на европейском энергетическом рынке, ему не нужен ни имидж, ни красивые ролики, ни спорт этот дурацкий. Равно как и другим корпорациям, которым тоже было приказано нарисовать рекламные бюджеты в пользу государственных медиа. А самим медиа было приказано выставлять им счета по самым высоким расценкам, вдвое выше, чем для каких-нибудь зарубежных кока-кол, если тем вдруг захочется отрекламировать себя на крупных чемпионатах в России. Понимаете, да? Годами миллиарды бюджетных средств вливались в спортивную рекламу. Долларов, друзья, долларов. Спорту из них доставалось ровно ничего, процентов двадцать доставалось государственным СМИ. Остальное оставалось тем, кто принимал решения на федеральном уровне. Это трэш какой-то, конечно. Оззи Осборн и его бессмертная группа «Блэк Саббат» — чистые дети в сравнении со всей этой историей.
Вот здесь я набросал схемы финансирования, постарался структурировать известную мне информацию. Тут по допингу, здесь по Олимпиаде, в этих бумагах про рекламные схемы. Отдельно — известные мне бенефициары со списком их недвижимости за рубежом. Куда это положить? Ага, в этот, значит, ящик. Вот, положил.
Что же касается лично меня. Знаете, друзья, я всегда был за российский спорт. Никто не может меня упрекнуть в том, что я когда-нибудь вставал не на сторону спортсменов и болельщиков, а на сторону спортивных чиновников. Да, иногда приходилось в своих репортажах отстаивать честь государства, даже если я понимал, что у государства не слишком чистые руки. Но вы не знаете, сколько раз мне приходилось отказываться, говорить свое решительное «нет» руководству канала. Конечно, на меня давили, в том числе и по их личным финансовым причинам, — у меня там отдельно пофамильный списочек телевизионного начальства с их домиками в Доломитовых Альпах.
В отдельных случаях, конечно, приходилось поступаться принципами, особенно если меня призывали исполнять решения партии. Да, мне пришлось вступить в правящую партию, стать функционером её федерального совета. Но исключительно, поверьте, в целях использования партийных рычагов влияния на решения для процветания российского спорта. И если мне вновь прикажут вести проправительственный митинг, стоять на трибуне хоть с Земсковым, хоть с новым главой государства — да, выйду на трибуну. Потому что люблю российский спорт, люблю наших болельщиков, люблю своё Отечество.
Насчёт Земскова погорячился, конечно. Нет, с такими людьми мне больше не по пути. Это была главная ошибка моей жизни.
В целях удостоверения своей искренности прилагаю список приобретённой мной недвижимости за рубежом, счета в иностранных банках. Ящичек выдвините опять, пожалуйста. Спасибо.
Вот, кажется, и всё. С вами был Дмитрий Городов. До новых встреч в эфире.
Надеюсь на снисхождение и готов к любому наказанию за содеянное. Прошу оставить мне жизнь. У меня внуки. Очень прошу.

Лекция № 66/1. Сергей Маленьких, реестр «антигосударственная политика».
КАР № 1, поселение Звезда-1, 31 октября 2023 года. Хронометраж 21 минута.
Слушатель В. Извеков.
Пока найдёшь это ваше помещение... Вы даёте гарантию конфиденциальности? Я мог бы многим поделиться, но только на условиях сохранения тайны источника, что-то вроде программы защиты свидетелей. Требую гарантий, официального документа, так сказать... Эй, тут будут отвечать на мои вопросы или я так и должен с зеркалом разговаривать? Ну, как хотите. Считайте, что я к вам сюда не заходил. Счастливо оставаться...
Ладно, кое-что расскажу лишь в целях ознакомления ответственных должностных лиц с исключительной ценностью обладаемой мною информации. Я с тридцати лет на руководящих должностях, понимаю, что к чему и как всё устроено, не сомневайтесь. Мы же с вами государственные люди, одно дело делаем. Не пожалеете.

Значит, начну с объективки. Маленьких Сергей Олегович, русский, 60 лет. Сенатор с 2012 года. До назначения в Федеральное собрание занимал должности... Впрочем, там у вас в компьютерах есть обо мне вся информация, не будем.
По существу своей политической деятельности заявляю следующее. Был обманут, да. Втянут преступным режимом Земскова в сферу принятия ответственных решений, вредящих перспективному развитию России. Осознаю. Но буду откровенен, я один из немногих, кто критически оценивал отдельные инициативы Кремля. Говорил в узком кругу о том, что повышение пенсионного возраста негативно отразится на рейтинге структур госуправления. Это могут подтвердить замминистра Верхолазов, депутат Государственной думы Пряников, генерал Приходько, сенаторы Круглая и Ледовщиков. Примерный конспект нашей беседы на дне рождения Круглой Веры Сергеевны прилагаю. Отдельно обращаю внимание на махровый реакционизм Пряникова и Приходько, называвших меня «паникёром» и «популистом» и предлагавших другим направить по моему адресу докладную записку в соответствующие органы. Оно как бы и в шутку звучало, но поверьте, мне в тот момент было не до смеха.
Попутно сообщаю, что Пряников и Приходько владеют крупными пакетами акций «Трансконтиненталь Русойл» через офшор «Фондейшн Ойл Лтд» на Вирджинских островах. В той же юрисдикции находятся активы сенаторов Стеблина, Польского, Литвака и Тарасенко, начальника отдела офиса президента Кройтовой, заместителя председателя Верховного суда Штрайбаха. У меня там мизерная доля, совершенно смешная в сравнении с вышепоименованными товарищами.
В связи с циркулирующими в здешней среде слухами о том, что лица, причастные к решению по присоединению Витебской области к Российской Федерации, будут выданы Республике Беларусь, ответственно заявляю следующее. Решение принималось в Кремле, члены Совета Федерации были поставлены перед фактом: подписываете документ или отправляетесь в следственный изолятор. Нет, мне лично никто ничего такого не говорил — я был простой солдат партии, готовый к исполнению любых её приказов. А кое-кому предъявлялось — сенаторам Мишкину и Здерецкому, например — интересное видео такое, с животными, ну вы меня понимаете. Знаю, потому что Здерецкий сам меня предупреждал потом. Нет, я участия в этих утехах не принимал. Один раз побывал из чистого любопытства, понаблюдал со стороны. Понимаете, да? А Мишкин со Здерецким завсегдатаи были. И Славин, и Кондратюк, и Легконравов, и Бельский, и этот ещё, ведущий ток-шоу на НТВ — да знаете вы его, фамилия вылетела сейчас. Вы насчёт видео этого попытайте госнадзорских, там у них много такого в архивах должно быть. Вот, например, про лидера партии Толстаковского могу рассказать... Нет, в другой раз, если только получу заверения в положительной оценке моего деятельного раскаяния.
Так что голосовали мы за воссоединение Витебска с Россией чисто формально, во исполнение директивы сверху. Большинство, конечно, искренне считало это решение восстановлением факта исторической справедливости, многие, как и я, считали необходимым недопущение агрессивного блока НАТО на исконно российскую территорию. А главное, ну бессмысленно было демонстрировать несогласие с линией президента, вы же понимаете. На каждого нашёлся бы компромат, каждого могли представить пораженцем, отправить сюда на исправление. Одно дело, когда человек действительно враг своей страны, и другое, если он работает всю жизнь на процветание Родины, а его ни за что на поселение. Ну, вы меня понимаете.
В общем, надеюсь, мы пришли к выводу, что я могу дать более чем ценные свидетельства на многих ответственных должностных лиц режима Земскова. Сегодня — это так, малая часть известной мне информации. Понимаете, да?
Думаю, вы найдёте способ сообщить мне об оценке предоставленных мною данных и о вариантах дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества. Не теряю надежды. Жду.

Лекция № 103/1. Ольга Ермилова, реестр «беззаконие».

КАР № 1, поселение Звезда-4, 3 ноября 2023 года. Хронометраж 7 минут.
Слушатель Е. Малыгина.
Только фамилия и должность? И всё? Могли бы поподробнее инструкцию вывесить, не каждый день к вам человек в исповедальню приходит. Хорошо, пусть так.
Ольга Валерьевна Малыгина, 1980 года рождения, федеральный судья с 2015 года. Проживала в городе Москва. Что ещё? Замужем, имею дочь. Муж — сотрудник уголовного розыска, подполковник. Дочь — студентка университета Беркли, проживает в США, приезжает домой на каникулы каждый год. Приезжала.
По сути активного раскаяния могу сообщить... Кому сообщить? Следствию, суду, трибуналу? Кто там меня сейчас слушает, кто фиксирует показания? Какие это будет иметь юридические последствия? Хрень какая-то голливудская. Ладно, неважно.
Вы что, хотите, чтобы я вам рассказала, как политически мотивированные решения судом принимаются? А вы не знаете, что ли? Блядь, вся страна знает, а они не знают. Ну, оправдала бы я этого Лещикова, кто там ещё, Величенко, Яковлева. Да даже хоть Бусоргину вашу. И что? Меня в пораженки, мужа из органов, дочь в московский педагогический. А после прокурорского протеста дела отдали бы на пересмотр другому судье — хоть Фролову, хоть Калинкиной. Они же не идиоты, у них тоже семьи имеются. Выписали бы положенное как миленькие, и пошли бы Лещиков с Бусоргиной по этапу, а у меня уже вся жизнь разбита и переломана. Знаю я, как приговор судьбы людские ломает, нагляделась.
Сидят там, сука, за стеклом такие непогрешимые, смотрят, как мы тут на говно исходим, распинаемся, лишь бы к жизни человеческой вернуться. Радуетесь, подонки, горю людскому. Ничего, недолго вашей власти тут бывать, всё вернётся, ещё как вернётся. И вы сюда вернётесь пыль лагерную глотать. Взяли себе волю. Хуле вы там лупалами своими моргаете, а? Думаете, не вычислят вас, не предъявят счёт за сегодняшнее? Хрен угадали, не надейтесь. Мы вернёмся, так вернёмся, что рыдать устанете. Из свободных в подконвойные дорога близкая, лёгкая, уж поверьте на слово, если история вас ничему не учит.
Пишите. Дом 440 квадратных метров по адресу: коттеджный посёлок Сипягино, 22, Истринского района, записан на Крохалёва Николая Егоровича. На него же записан катер «Ямаха Азия-Мото», третий причал Истринского водохранилища. Участок 30 гектаров в Талдомском районе записан на Мотовилова Игоря Ивановича. Счета на имя Ольги Малыгиной, Сергея Малыгина открыты в швейцарском «Мигрос Банке». Активы в офшорах вёл супруг, у него и спрашивайте. Брали-то вы нас вместе, ложкари пробитые.
Всё, за мной ничего больше не найдёте. Как на духу. Обрыдло мне здесь, давайте уже поскорее или туда, или сюда.
Ждут тут, как пауки какие-то.

Лекция № 372/2. Виктор Щусов, реестр «олигархия».
КАР № 1, поселение Звезда-2, 9 декабря 2023 года. Хронометраж 13 минут.
Слушатель В. Зоркальцев.
Не очень понимаю, почему я ещё здесь, неделя уже прошла после признания. Крюков уехал уже, Стромынский тоже — от меня вы чего ещё хотите?
Ну давайте про фонд «Отечественное наследие» расскажу, хотя Стромынский должен был уже всё вам доложить, в его сфере там оперативное руководство осуществлялось. Ну возможно, не очень он в курсе был моей доли вложения начального капитала.
Там как случилось-то? Прихватили директора нашей нефтетрейдинговой компании в Выборге. Пригласили меня в ГСН, вежливо разложили фактуру. Ну да, зарвался парнишка на госзаказах, умыкнул государственных денег сколько-то, недоглядели мы. Смешная, в общем, сумма, я её предложил в тот же день закрыть, посадить кого следует и разойтись миром. Да нет, говорят, не стоит, работайте. Просто давайте мы в эту вашу контору ещё пару миллиардов вольём и своего финдиректора туда поставим. Будете по-прежнему немножко контракты на нефтепродукты заключать с зарубежными представителями потенциального противника, а заодно компания станет солидным благотворителем, оформите попечение над

новым фондом, крайне важным для текущего государственного политического момента. Не волнуйтесь, никто с проверкой не придёт, гарантируем. С вашей стороны потребуется сущая ерунда: скажем, миллион долларов в год не обременит же? На благие цели, на пользу Отечества. И будем считать инцидент исчерпанным.
Ну, исчерпанным так исчерпанным. Сумма за госнадзоровский крышак не критичная, мягкая даже, почему нет? Принесли мне через месяц на подпись учредительные документы, ознакомился с уставным капиталом, на который пару лет можно половину Нечерноземья нашего содержать. Прикинул, кого ещё ГСН нагнула под это дело. Подписал, конечно.
Нет, к самому фонду допуска не имел, да и желания никакого не было. Там Стромынского, судя по всему, подвязали на чём-то совсем неприличном, потому его в главные содержанты и записали, мы лишь вторым номером шли. Такая вот благотворительность.
Сложно было не понимать, что международный фестиваль камерных оркестров и антидопинговая Олимпиада в структуре расходных статей фонда составляли не более 10—15 процентов. Не первый год бизнес в России веду. Как война в Беларуси началась, так нам и ежегодный благотворительный взнос удвоили — да и невелика плата за прямое неучастие. А непрямое, так куда от него денешься? Ясно, что через «Отечественное наследие» финансировались витебские сепаратисты, осуществлялась схема перевода на контракт целых подразделений Минобороны, формировались так называемые гумконвои МЧС. Нас же там не было — в смысле, государства. А благотворительные фонды сами по себе: кому хотят, тому и благотворительствуют — хоть детской музыкальной школе в Тихвине, хоть танковому батальону в Полоцке. Имеют право.
И что характерно, вроде как и война там приостановилась, и мирные соглашения находились на стадии последних согласований, а накачка фонда только усиливалась — за последний год условные пожертвования выросли в два раза. Зачем — не представляю, но уж точно не на детский кинофестиваль в Находке. Сведения верные, не сомневайтесь. В нашем деле надёжная информация — это прямая инвестиция, часто более выгодная, чем грузовой терминал в порту. Но здесь у Стромынского более полная картина имеется, конечно. И он, судя по всему, ею с вами уже поделился. Это я уже так, к слову пришлось.
Так что отправляйте меня отсюда вслед за ним, больше ничем полезным быть для вас не сумею, честное слово. Хочется какой-то определённости: суд, говорят, будет, трибунал. Ну, пусть. Надеюсь, полное чистосердечное признание пойдёт в зачёт. Да и здешнее заключение в срок должно зачесться, как я понимаю. Даже если это и не заключение. Надоело, в общем. Я всё рассказал.
А большой бизнес кто-то и в новой России строить должен. Есть те, кто знают как. Пригодимся ещё.

Лекция № 156/1. Сергей Бурцев, реестр «репрессии».
КАР № 2, поселение Звезда-2, 19 января 2024 года. Хронометраж 22 минуты.
Слушатель В. Зоркальцев.
Бурцев я, начальник Зареченского управления Госнадзора. Тот самый, да, который за Рымниковым охотился. Много слухов всяких ходит, поэтому давайте сам лучше, под запись. Задачу на устранение Рымникова осенью прошлого года мне устно поставил лично Артёмов Евгений Станиславович, в ту пору заместитель министра ГСН. Из разговора я понял, что ему было дано такое указание сверху, предположительно из офиса Земскова. Неприятное задание, исключительное для нашего управления, но все мы люди военные, все понимаем, что приказы не обсуждаются. Своими специалистами этого профиля Зареченское управление не располагало, была придана спецгруппа федерального центра в количестве пяти сотрудников под руководством полковника Зацепина. Так он представился, фамилия и звание могут быть отлегендированы.
Группа прибыла в Зареченск на следующий день после моего возвращения из столицы. Разместились они на явочной квартире, приступили к рекогносцировке и сбору информации по объекту. После изучения ежедневного маршрута передвижения Рымникова Зацепиным

была выбрана рабочая схема наезда автотранспортного средства на пешехода. Сотрудниками управления под выполнение задачи группе был арендован автомобиль «Мазда».
Однако в ночь, предшествующую проведению заключительного этапа операции, совершенно неожиданно управление было блокировано войсками зареченского гарнизона, сотрудники перемещены в казармы учебного центра ВДВ под усиленную охрану военных. Получив информацию о локальном военном путче, я успел выбраться в лес с дачи за десять минут до её блокировки десантниками. На квадроцикле добрался до явочной квартиры в райцентре Сворь, откуда установил связь с полковником Зацепиным, чья группа осталась вне зоны интересов мятежников, ввиду того что о её прибытии в Зареченск знал крайне ограниченный круг сотрудников управления. Дальнейшая координация работы по устранению объекта велась посредством открытой мобильной связи через мессенджер плейбука.
Рымников в дни путча безвылазно находился в штабе повстанцев, дислоцированном в здании областного управления Госнадзора. Устранение объекта в таких условиях представлялось крайне маловероятным, но приказ никто не отменял, и мы искали возможность для выполнения задачи. Она появилась после перемещения Рымникова в скорый поезд Чита — Москва, что было установлено силами наружного наблюдения группы Зацепина.
Нерешающим осложняющим фактором являлось наличие двух лиц, сопровождавших объект, — его товарища со студенческих времён Стольникова и неизвестного управлению гражданского с военной выправкой. Как выяснилось впоследствии, именно последний не позволил группе успешно завершить операцию и устранил трёх сотрудников Зацепина.
Это мы установили уже на станции Ишим, куда успели добраться раньше поезда на машине Зацепина, забравшего меня в Свори на пути следования остатков его группы в Тюмень.
Решив отложить проникновение в поезд до Тюмени, выехали в направлении этого города. На въезде машина была блокирована армейским спецназом с последующим нашим задержанием. Дальнейшая судьба Рымникова, полковника Зацепина и других лиц, задействованных в операции, мне неизвестна.
Сведения о счетах в зарубежных банках и принадлежащей моей семье недвижимости за границей прилагаю отдельно. Оставлю докладную здесь, на столе. Что, можно в этот ящик? Хорошо, понял.
Никакими другими секретными сведениями об операциях в федеральном аппарате ГСН не владею. Отчётностью по делам, проводимым Зареченским управлением, наверняка вы располагаете. У нас документооборот был поставлен на должный уровень, весь архив давно в вашем распоряжении. Видит бог, ничего там сенсационного нет — обычная рутина провинциального подразделения.
Надеюсь на снисхождение по итогам служебной проверки. Возраст, сами понимаете, здоровье. Пойду.

Лекция № 474/3. Жанна Трицепст, реестр «пропаганда».
КАР № 2, поселение Звезда-4, 10 февраля 2024 года. Хронометраж 14 минут.
Слушатель М. Серебрякова.
А сегодня мы поговорим о здоровье. Это прекрасно, что здешний интернированный женский контингент имеет необходимые санитарно-гигиенические условия. Пользуясь случаем, хотела бы выразить слова признательности руководству нашего, м-м, изоляционного кемпинга. В аптеке есть всё необходимое, в медпункте образцовая чистота и порядок, желающие вакцинироваться могут это сделать в любое удобное время. Чувствуется рука опытного менеджера, способного предусмотреть любую мелочь в организации бытовых условий столь непростого контингента. Мои поздравления.
Так, о чем я? Да, на дворе Третья пандемия. Но начать хотелось бы с давней, самой первой. Вы же помните то странное чувство растерянности, опустошённости, апатии, охватившее людей, впервые столкнувшихся с неведомым доселе и невидимым вирусом-убийцей. Вначале казалось, что эпидемия не вырвется за пределы Гватемалы, в худшем случае — Центральной Америки, но трагическая волна быстро охватила Бразилию, США и, не заметив

Атлантического океана, обрушилась вначале на Европу, за которой пришёл черёд и России. Собственно, тогда впервые нашему Институту глобального здоровья и безопасности была поставлена задача информационного сопровождения государственной политики в противодействии пандемии. Именно так, «противодействии». Наши технологи настойчиво рекомендовали продавать «общественное здоровье», но заказчик, как известно, всегда прав. Тем более если это Комитет национального спасения. Ну, вы помните, кто его тогда возглавлял.

Да, в первую пандемию мы работали довольно свободно. Главное было внушить населению, что история эта вполне себе тривиальная, что вирус вырвался из спецлаборатории в Гватемале, разумеется, не случайно, но будет побеждён в ближайшее время. Наши вирусологи лучшие в мире и прочее бла-бла-бла. Тогда действительно работа была исполнена качественно, замеры показывали успешность выбранной стратегии, и мы даже жалели, что эпидемию удалось победить в столь сжатые сроки.

Но тут пришла Вторая пандемия, и всё закрутилось всерьёз. Война вакцин вынуждала нас продвигать тему зарубежных поездов-крематориев, запредельной смертности населения в странах вероятного противника, массовых протестов в США и Европе. Кольцо врагов должно было обрести очертания атакующего Россию вируса, и неважно, где росли цифры летальности — во вражеской Беларуси или союзной Украине: как только эпидемия выходила на предельную статистику, мы переводили страну в категорию потенциальной угрозы и начинали работать по площадям. И до поры до времени население удавалось удерживать вне зоны протеста.

Третья пандемия обострила до крайности внутренние противоречия. Введение самых жёстких ограничительных мер не могло быть отрегулировано исключительно репрессивным аппаратом. Переключение негативной энергии населения с правительства на внешний фактор встречало активное неприятие. Социология показывала катастрофу. В конечном счете с нами был разорван контракт и тема отработки пандемии была передана Волкову, в Фонд геополитической стратегии.

Смета проекта составляла пять миллиардов в год. Не такая уж запредельная сумма, если учесть затраты на обеспечение необходимого экспертного мнения, заказы на публикации в приличных научных журналах, создание общественных движений на Западе и в регионах. Это серьёзная работа, требующая высокого уровня компетенции. В нашем институте были собраны лучшие специалисты страны, они стоят дорого. При всём уважении к моему учителю Ярославу Святогоровичу Волкову, его Фонд вряд ли может похвастать государственными проектами такого уровня, которые мы вели в течение последних двадцати лет. Нет сомнений, что и сегодня государству требуется грамотное информационное сопровождение многих его начинаний, без отработки которых в публичном пространстве сложно надеяться на отстройку правильных общественных отношений. Что ж, я готова посильно поучаствовать в силу своего профессионализма в решении подобных задач после благополучного разрешения текущего, скажем так, досадного политического недоразумения. А в следующий раз мы поговорим о проектах, связанных с таргетированным внедрением образа врага на разных уровнях общественного сознания. Пока-пока.

Лекция № 609/1. Алексей Болдырев, реестр «антигосударственная политика».
КАР № 2, поселение Звезда-2, 25 марта 2024 года. Хронометраж 20 минут.
Слушатель В. Файнберг.

Не стану представляться, ни к чему лишние формальности. Активы, о которых нас призывают рассказать на расклеенных в зоне листовках, — это ерунда, это не сложно. Аудиторская компания «Стрельня»: там вся полная документация по активам Земскова, моим и ещё десятка первых лиц государства. Сам я не очень хорошо себе представляю детализацию, по итогам года предоставлялась выписка, где фиксировалась общая сумма моих доходов. Если она снижалась, можно было задавать какие-то вопросы. Но нет, только росла. Что-то около трёх с половиной миллиардов набежало к 2022-му. Там детально

прояснят. Не ради денег работал, ради России.
Теперь о главном. Если провалилась операция «Синедрион», предполагавшая окончательное устранение внутренних врагов режима, то это не значит, что автоматически свернулась работа по проекту «Апокалипсис». Возможно, вы о нём уже знаете, но вряд ли имеете понятие о стратегии проекта.
Так вот. Идея кардинального размежевания с коллективным Западом возникла у Фёдора Земскова ещё лет десять назад. При всей её маниакальности, она выглядела довольно стройной, вполне рабочей. В идеале планировалось окончательно поделить мир на две конфронтационные системы, каждая из которых развивалась бы параллельно, исключив любые попытки конвергенции. Земсков искренне верил, что западные ценности ведут планету к вырождению, депопуляции, краху. В общем, там рисовалась картина богоизбранности России и, соответственно, нарастающим итогом фигура всеблагого Фёдора, спасителя человечества, — если не равная Христу, то в первом приближении к нему. Оттого вся эта репрессивная ревность к блаженным основателям сект, дерзким шаманам и прочим кандидатам в пророки. Не сказать, что теория выглядела малоубедительной, — тем более что войти в новую Библию в качестве апостолов религии последнего дня многим было лестно. При том что верным ученикам полагалось не рубище, но вполне себе блага земные, а не небесные.
И для окончательного размежевания, для обособления России от остального мира, погрязшего в грехе стяжательства и содомии, была проведена аннексия Витебска. Не то чтобы «русская идея» была тут совсем уж ни при чём, но важно было по факту не столько расширить географию государства, сколько спровоцировать Запад на максимально холодную войну. Здесь было больше эсхатологии, чем геополитики. А для закрепления складывающегося статус-кво, после зачистки территории страны от внутренних противников избранного курса, предполагалось начать осуществление проекта «Апокалипсис». Первым этапом его должна была стать военная операция по включению всей территории Белоруссии в состав России, а после естественного активного противодействия стран Запада — выход страны из ООН и сложение с себя всех возможных международных обязательств. И сразу же, в период безусловной растерянности мирового сообщества, включение последнего тумблера «Апокалипсиса»: приведение в действие двух тактических ядерных боезарядов в Милане и Лос-Анджелесе. Небольших, на семь-восемь килотонн. Запуск ракет с подлодок или шахтных пусковых установок привёл бы к закономерному ответному удару с известными последствиями, а здесь ещё попробуй сразу доказать, что это Россия, а не какие-нибудь исламские террористы. Мы бы всё отрицали, НАТО не решилось бы на ядерную войну даже при найденных впоследствии убедительных доказательствах. Экзистенциальный ужас Запада привёл бы к окончательной блокировке России от внешнего мира. Таким образом, посредством локального Содома и Гоморры случилось бы выполнение изоляционного плана Земскова, о котором знали четыре, нет, пять человек из числа высшего руководства страны. Что же касается пристрастия к содомии самого президента, то это такое в большей степени допущение, чем очевидный факт. Фёдор Сергеевич был не чужд экспериментам в частной жизни, но это просто история расширения личного сексуального опыта, а не следование собственной природе. Уж поверьте опытному человеку.
С другой стороны, мне представлялся достаточным окончательный аншлюс Белоруссии, на который уже были саккумулированы достаточные финансовые средства и завершалась переброска войск к театру военных действий. После зимне-весенней кампании и установления контроля над Минском проведение заключительной фазы проекта мне представлялось излишним как по геополитическим, так и по гуманитарным соображениям. Миллионные жертвы в результате двух ядерных взрывов ничего не добавили бы к грядущему противостоянию двух систем. Но высказанные сомнения привели лишь к брезгливому предложению президента подать в отставку. А мы же знаем, что в отставку с такими секретами уходят только через могилу. Так или иначе, но я сделал всё, что в моих силах, для предотвращения катастрофы. Прошу учесть.

А боезаряды, судя по всему, уже должны быть доставлены в локации, намеченные проектом «Апокалипсис». Насколько мне известно, они выбраны были по предпочтительным шансам реализации, а не по приказу Земскова. Он точно бы выбрал Вашингтон с Брюсселем. Но здесь предметно нужно выяснять у Госнадзора, того же Артёмова — он точнее расскажет. Полагаю, всё вышеизложенное будет учтено при вынесении окончательного приговора. Следует поторопиться с извещением правительств заинтересованных государств по конфиденциальным каналам. Не хотелось бы, чтобы на Россию был наклеен ярлык страны-террориста. Президенты приходят и уходят, а Родина у нас одна. И каждый на своем месте должен делать всё для её благополучия и процветания. Я, по крайней мере, старался. Да и сейчас вот.

Лекция № 647/2. Евгений Артёмов, реестр «репрессии».
КАР № 1, поселение Звезда-3, 30 апреля 2024 года. Хронометраж 2 минуты.
Слушатель В. Смирнов.
Гм. В следующий раз. Может быть.

Запись слушателя В. Смирнова в журнале приёма-сдачи дежурств комнаты активного раскаяния № 1 поселения Звезда-3 20 августа 2024 года
«Саня, я сегодня на 15 минут раньше ушёл, всё равно контингента осталось десять человек, самых упёртых. Чего мы тут сидим по 12 часов смены, не понимаю.
Вечером пишем пулю со Славкой и Женькой, а завтра подтягивайся на футбол — нужно взять реванш у служивых. Военные литр коньяка выставляют против литра виски с нашей стороны. Тренируйся здесь, приседай, что ли.)
Всё, привет».

Часть шестая
Декомпрессия
Дети растут во сне,
взрослые — в бессонницу.
Пётр Вегин

Глава 1
Лена
— Ты как, нормально? — Лёшка Бердин вышел из-за руля, стоял у машины, смотрел тревожно.
— Нормально, Лёша, езжай, — успокаивающе кивнула Лена. — Светает уже.
— Звони, если что, — лучший оператор Москвы и окрестностей прощально поднял руку и укатил по пустому проспекту предутренней, сырой от недавнего дождя столицы.
Лена поднялась домой, прошла на кухню, хотела сварить кофе, но нужно было хоть немного поспать перед наступлением непростого, судя по всему, дня. Налила горячего чая с лимоном, осторожно прихлёбывала. Руки чуть дрожали.
Липкость — вот самое точное и самое противное ощущение от малейшего соприкосновения с так называемыми компетентными органами. Лене никогда не снилась Звезда-3, но часто обычный сон, где мама, отец или Денис, завершался кошмаром неясного приклеивания форменного человека к этому мирному, лёгкому, зыбкому миражу сознания. Ещё не проявлялась его фуражка с кокардой, его китель с перхотью на погонах, его протоколы дознания, но он уже надвигался, рушил своим неизбежным дальнейшим присутствием картину мимолётного счастья — и тогда Лена усилием неизвестно откуда взявшейся во сне воли вырывалась из неизбежного, просыпалась в поту. Липком, конечно. Выдыхала в счастливом избавлении, в понимании того, что всё в прошлом, ничто не повторится, можно жить дальше.

Нельзя. Всё повторяется, всё возвращается, всё опять начинает пропитываться запахом Звезды — вечным тоскливым парфюмом неволи от Родины-матери. Мачехи, если уж так-то. Ну что ж.

Дэник вернулся из Архангельска с соленной по секретному рецепту сёмгой, дарованной ему местными рыбаками, похоже, осчастливленными избавлением от навязчивой съёмочной группы, норовившей преследовать их повсюду — от промысла на ржавых баркасах до посещения домашних дощатых сортиров. Он-то, понятно, был уверен, что поморы отблагодарили за беспримерный подвиг сопричастности к их тяжёлому труду и неприхотливому быту, которые поколения северян, от допетровских времён до эпохи новейшей революции, мечтали увидеть запечатлёнными в фильме «Нэшнл Джиографик». Что суровые северные мужики были покорены их с Алексеем готовностью разделить все тяготы и лишения рыбацкого труда, приобретённым ими навыком запивания холостого спирта ледяной водой и неумелыми попытками посильного участия в выбирании невода с тяжёлыми красивыми рыбинами.
— Профессионал профессионала всегда поймёт, — целил палец вверх мужественный покоритель северов, запивая сёмгу «Гиннессом».
— Обязательно, Дэник, поймёт, обязательно, — подтверждала Лена, отчётливо себе представляя, как перекрестились архангелогородские хитрованы, избавившись от навязанных им начальством докучливых телевизионщиков — добро бы хоть из местных новостей, а то хрен пойми откуда.
Отдельно Денис восторгался не то бригадиром, не то директором этого рыболовного хозяйства, бывшим военным моряком («кавторангом» — очень нравилось американскому человеку пробовать на вкус новое красивое слово), принимавшим участие в давней спасательной операции подлодки «Брянск». По всему выходило, что спасти там никого было совершенно невозможно, потому как если человека резко поднять из давящей со всех сторон чёрной глубины на свет и воздух, то разорвёт человеку лёгкие этим внезапным кислородом, не выдержит он собственной эвакуации из кромешной тьмы и запредельной окружающей тяжести. Вытаскивать оттуда человека следует исключительно по декомпрессионной схеме, с остановками на пути подъёма, передышками, чтобы дать организму справиться с избытком спасительного воздуха. Иначе хана, не выдержит спасаемый своего счастья, помрёт на мечтаемой поверхности от испытанной на глубине перегрузки. А специальных аппаратов для благополучного вызволения моряков из лежащего на грунте «Брянска» тогда у флота не оказалось, такая вот история.
По крайней мере, так её поняла Лена из пересказа Дениса, который два дня под спирт слушал рассказ бригадира, пока по морю гулял ветер с высокой волной и рыбаки вынужденно отстаивались на базе, теряя потенциальный улов и прибыль. Уж лучше бы они в море тогда болтались, может за работой и некогда было бы отставному капитану второго ранга делиться с заезжим журналистом своими дурацкими воспоминаниями. Отложенными, как раньше писали, в мемориз не только продюсером телеканала вероятного противника, но и органами опеки или как там сейчас называется ведомство доносов и благонравия.

Забрали Дениса с Лёшей утром по дороге в офис. Прямо на светофоре подошёл вежливый молодой человек, постучал в водительское окно, попросил опустить, предъявил официальное удостоверение. Пока пересаживались в сопровождении людей в штатском в стоящий впереди затонированный минивэн, заторможенные в ряду сзади авто возмущённо сигналили под разрешающий зелёный свет. Вежливый сотрудник успокаивающе помахал некстати нервным водителям рукой, сел за руль машины с фирменным логотипом NG, и не успевшая возникнуть локальная пробка на Садовом быстро рассосалась. А географические журналисты шустрыми переулками были доставлены в неприметное здание без вывески и разведены по разным кабинетам.
Алексею предложили подробно описать всю командировку на Беломорье. Скучного

представителя военной контрразведки изложенное на двух страницах не устроило. И более подробное сочинение на заданную тему тоже. От оператора требовался буквально почасовой отчёт — от прибытия в аэропорт Шереметьево до возвращения обратно в него же: с кем разговаривали на борту, кто встречал, номера гостиничных номеров, названия баркасов, фамилии рыбаков ну и так далее. С отчётом, наконец удовлетворившим хозяина кабинета, тот ушёл, заперев задержанного на ключ, и пропал ещё на пару часов, которые Алексей провёл в рассматривании через решётку тусклого внутреннего двора служебного здания и наблюдении за регулярными драками меченосцев в кабинетном аквариуме. «Придумался даже сюжет о служебной фауне разных стран, — рассказывал он Лене. — Ну, на ком душу отводят разнообразные бюрократы — рыбки там, попугайчики, хамелеоны всякие. Тут можно покрутить идейку. Не забыть Дэну потом подсказать».
Потом. Важно понять, когда настанет это «потом» и будет ли оно вообще. Слишком хорошо знала Лена ментовскую систему и не верила в её быструю и окончательную перестройку. Визитная карточка в руках объясняла если не всё, то многое.
Визитку Алексею вручил на прощание тот самый тусклый сотрудник, требовавший письменной отчётности. В итоге он вернулся в допросный кабинет с невнятно представившимся полковником, который ещё час задавал уточняющие вопросы, — в основном про бригадира Семёна Палыча, умевшего потреблять чистый спирт, не запивая, и говорить матом, не применяя других цензурных слов. Удостоверившись в том, что во время шторма, когда бригада сидела на берегу, а Палыч два дня пил спирт с Денисом, оператор Бердин на базе отсутствовал, полковник потерял к нему интерес и распорядился отпустить Алексея на все четыре стороны. С обязательством в дальнейшем явиться для возможных разъяснений и свидетельств по первому требованию, разумеется.
— А где ты был там тогда? — зачем-то поинтересовалась Лена, выслушав дома уже поздним вечером всю эту нелепую историю в бердинском изложении.
— Я тебе расскажу, а ты меня Соне сдашь, — грустно пошёл в отказ Лёшка.
— Так ты, считай, уже рассказал. Вот чего вам, кобелям, вечно нужно налево сходить? Жена-красавица, дочки-умницы, а им всё одно чужое интереснее.
Оператор виновато грел руки о кружку с кофе в надежде, что подруга Дэна сорвёт свой женский первородный гнев на нём, оставив затем в неведении о проступке жену, которая и без того подозревала Алексея в изменах после каждой командировки. Соню он семь лет назад привёз в столицу из Минусинска, когда они с Денисом делали там сюжет про Саянский заповедник. Такой уж бэкграунд, её тоже можно понять.
— Вот, визитку там дали. Велели звонить, если что вспомню, — Бердин почёл за благо соскочить со скользкой темы.
Лена взяла, прочитала: «следователь военной контрразведки майор Гордей Аркадьевич Точнин». Резко затошнило, сорвалась в туалет.
Вернувшись, коротко бросила: «Поехали». Провинившийся во всех смертных грехах Алексей, одеваясь, только предложил позвонить для начала: время позднее, там, поди, и нет этого майора. «Ждёт Гордей Аркадьевич, ждёт», — успокоила Лена. Как-то она сразу изменилась внешне — что-то такое проступило в её лице, не то чтобы пугающее, но человека с таким лицом Бердин предпочёл бы обойти стороной. Какого бы пола этот человек ни был.

Спустились в освобождённый с парковочной стоянки у контрразведки офисный автомобиль, помчались обратно по успокоившейся полуночной Москве вызволять Дэника из застенков.
— Вход за углом, — показал на парковке направление Лёшка. — Я посплю тут, пока ты там.
— Езжай домой, Соня волнуется.
— Я ей позвонил, нормально всё. Шагай.
— Ладно, — Лена пошла в ментовскую контору, вновь набирая номер, означенный на визитке.

Выписанный пропуск уже лежал у вахтенного прапорщика. Лену проводил к кабинету на

втором этаже молоденький сотрудник в штатском, похоже, срочник. Аккуратно закрыл за ней дверь.
— Здравствуйте, Елена Николаевна, — поднялась из-за стола знакомая унылая фигура. — Прошу.
— Здравствуй, мусор цеховой, — Лена села напротив.
— Давайте попробуем «на вы» и без лишних эмоций, Стольникова, — поморщился майор. — В ваших же интересах.
— Ты про мой интерес тут не звони, не в церкви, — бешенство автоматически выбирало нужный тон. — Я сама буду выбирать, как с кем разговаривать. Мне твой устав похрен, тёще своей приказывать будешь, как ей к тебе обращаться.
— Никто вам не приказывает, Елена Николаевна. Как хотите, я не против. Нуте-с, с чем пожаловали?
— Мужика верни.
— Завтра. Утром с ним поговорит один наш сотрудник — и отпустим. Вернётся к вам целым и невредимым, зря беспокоитесь.
— И зачем он вам понадобился?
— Так не он же, а один там разглашатель военных секретов, по нему работа ведётся. Ну да вы в курсе, Дэннис с вами поделился этой историей, судя по его показаниям.
— О, так вы и меня закроете тогда?
— Господь с вами. Вы же подписку о неразглашении не давали, какой с вас спрос? Чистая профилактика.
— Ты же понимаешь, цеховой, что завтра тебя здесь вообще не будет? Один звонок — и пойдёшь ты, солнцем палимый, на какую-нибудь шпалопропитку нормировщиком в Соликамск. Без погон, без льгот за выслугу — простым русским пролетарием добывать хлеб свой насущный, чтобы семью кормить и кроссворды разгадывать за чаем долгими зимними вечерами. Понимаешь ты это, мент снулый?
— Да вы успокойтесь, Елена Николаевна, что ж вы так в истерику сразу. Понимаю, в каких чинах батюшка ваш сейчас, и судьбу свою вполне себе представляю при неуспешном раскладе в высших сферах. Ну так все мы под богом ходим — и я, и вы, и продюсер западной телекомпании Дэннис Косински, имевший неаккуратный разговор с заведомым секретоносителем Семёном Павловичем Черемновым. А уж случайно этот разговор вышел или задание такое было у американского шпиона, удачно вошедшего в прямой и тесный контакт с семьёй ответственного должностного лица, не нам решать, не нам. Гостайну никакая революция не отменяет, и уж тем более касающуюся обороноспособности страны. Армия на то и армия, чтобы стоять на защите Родины. Реальной защите, а не как в прежние госнадзоровские времена. И мы посмотрим ещё, чья карта здесь сверху ляжет.
Уж больно уверенно держался бывший начальник механического цеха Звезды-3, а ныне майор контрразведки Гордей Точнин. Похоже, все ходы неслучайной операции по Деннису Косински были расписаны заранее. И неизвестно ещё, кто являлся конечной целью разработки: сам ли Дэн, Лена или директор важнейшего государственного проекта «Лекция» Николай Стольников. Что-то неуловимо непробиваемое читалось в защитном дебюте цехового мусора, ощущалась не то неявная угроза вскрытой диагонали, не то выигрыш качества на королевском фланге. Дед Лены самоучкой играл в шахматы на уровне хорошего мастера и в детстве пристрастил её к книжке «Курс дебютов». Увлечение быстро прошло, но умение читать чужую логику осталось. Нужно было уравнять позиции, выстроить надёжную защиту и, пожалуй, играть на ничью. Тем более что, судя по всему, Точнин играл белыми.
— А непотопляемый вы, гляжу, Гордей Фёдорович, — ослабила давление по центру Лена. — Думала, всех вас списали подчистую в утиль, а вы тут, значит, в контрразведку пристроились.
— Мы, авианосцы, такие, — подхватил тональность майор.
— Да не авианосец вы, другая нетонущая субстанция. Сумели выйти сухим из отхожего места.
— Армия своих не бросает, Елена Николаевна, — Точнин потянулся, поморщился

ощущениям в затёкшей спине. — В проскрипции несладко было, конечно, пару месяцев. Но я же по закрытым спискам шёл, без опубличивания. Разобрались понимающие люди, что я из военных по диплому, а не из чекистов. Биографию просветили, личное дело изучили, отчёты посмотрели по «звёздочке». Я ж не зверь там был, согласись, Стольникова.
— Не зверь. Так, гадюка подколодная.
— И на том спасибо. В общем, поставили, понятно, клеймо в личное дело, но предложили исправлять биографию в контрразведке, из органов, так сказать, обратно в органы. Пока ещё нынешние молодые лейтенанты из академий выпустятся, пока опыта наберутся на оперативной работе — не один год пройдёт, а безопасность страны требует постоянного внимания, ни от каких революций не зависящего...
Ну да обо мне чего уж тут, не за тем же приезжали. В общем, ждите вашего Дэнниса домой утром или к обеду в крайнем случае. Слово офицера. Так Николаю Николаевичу и можете доложить, если вознамеритесь всё же беспокоить его по столь малозначительному инциденту. Тут вы абсолютно в своём праве, конечно.

На том и распрощались. И теперь Лена должна была решить, ставить в известность отца или нет. Лежала, смотрела в быстро светлеющее окно. Сон отказывался приходить, как письма на Звезду-3 в бытность исправленки общего статуса Стольниковой. И где сейчас её отец приводил к завершению проект «Лекция» — оружие возмездия и справедливости Революции. Так, кажется, именовали его в передовицах «Комсомолки» и «Нового обозрения», которым были поручены публикации проскрипционных списков и сводных таблиц обращаемых в отдельную статью бюджета активов государственных преступников чекистского режима. Судя по тиражам, читателей у главных изданий нового времени прибавлялось день ото дня. Когда с хлебом проблемы, то зрелище публичной казни вполне способно утолить голод справедливости. На первое время.
«В Москве сейчас пять, значит у отца одиннадцать, — подсчитала Лена. — Надо звонить». Вышла из спальни на кухню, завела кофемашину. Сидела, крутила в руках телефон. «Слушают, конечно. Как же быстро они вернулись, как и не пропадали никуда. А Дэник теперь может пропасть, с них станется. Под отца копают, ясно же. Навредит ему звонок, не навредит? Непонятно. А Дениса вытаскивать нужно: сегодня они обещают выпустить, а завтра его куда-нибудь в Норильск спрячут, и концов не найдёшь. Слово офицера он, блядь гнилая, даёт. Ладно, посмотрим, чья возьмёт». Лена набрала номер.
— Здравствуй дочь, — прозвучал в трубке обрадованный голос.
— Папка, привет.
Вся история уложилась в пять минут. Выслушав, Стольников сказал, что перезвонит в течение часа. Спокойно сказал, не на нерве. Передал трубку Нине. Той не нужно было ничего разъяснять, всё уловила из реплик мужа. Сказала, чтобы не волновалась, сейчас тут серьёзные люди ситуацию быстро разрулят, она уверена. Но явлением народу цехового Точнина Лечинская оказалась встревожена ещё больше Лены. Ну как встревожена — долгим матом покрыла Госнадзор, мусоров, окружающий её пейзаж, добреньких либералов и пару-тройку святых угодников, это Нина умела, тут не отнять. Успокоила, в общем. Сказала, что работа по «Лекции» завершается, что вернутся в Москву через пару месяцев, за полгода выйдут на финал проекта, а потом уже можно и домой, в Зареченск. Хватит с неё этой революции, обрыдла. Чмок-чмок, пока.
За окном весело чирикали тёртые жизнью московские воробьи. Столичное утро вступало в свои права, гарантированные ему вращением Земли, а не какой-нибудь, прости господи, конституцией, в спорах о которой протекала нынешняя жизнь в телевизоре. Лена щёлкнула пультом: проектами нового Основного закона страны ранним утром экран был озабочен в меньшей степени. В гораздо большей — протестом пустых кастрюль, прокатившимся вчера по стране. Сюжеты из Читы, Барнаула, Зареченска, Пензы, Воронежа не отличались разнообразием: озлобленные тётки громыхали поварёшками по всевозможной металлической посуде и подвернувшимся под горячую руку ментам, под обязательными красными

знамёнами кое-где мелькали портреты Сталина и Земскова. Холеные эксперты в студиях рассуждали о неизбежном левом политическом тренде, о возможности введения талонов на основные продукты питания, о необходимости расширения западных заимствований. В Туве продолжался бессрочный митинг сторонников независимости. Питер традиционно отличился тремя расчленёнными трупами участников преступной группировки Гоши Надзорного, не поделившего гостинодворский рынок с бандой рэкетиров Ашота Таганрогского. Пандемийные цифры инфицированных вновь пошли в рост после недавнего снижения.
На дверце холодильника магнитиком, привезённым Дэником из Тибета, была прижата вчерашняя записка от Лены, в холодильнике лежала сёмга секретного поморского посола. Отрезала тонкий прозрачный ломтик, сбрызнула лимоном. Понравилось: вкусная, умеют.
Плейфон заиграл знакомой мелодией вызова. Удар радости Лена быстро погасила: звонить мог как Денис, так и тот, в чьих руках оказался изъятый при задержании его телефон. Собралась внутренне, выждала четыре рингтона, провела по зелёной иконке на экране.
— Привет, хорошая. Не разбудил?
— Привет, — Лена выдохнула, но верить в хеппи-энд было рано. — Тебя выпустили?
— Да, вызвал такси, скоро приеду. Всё нормально, не волнуйся.
— Хорошо, не буду. Жду тебя.
Часы показывали десять минут восьмого. Долгая бессонная ночь завершалась победой добра над злом.

В сказочные финалы Лена не верила с тех самых пор, когда впервые увидела, забежав на новогоднюю кухню, как дядя Лёша Куницын чокается с отцом и мамой, оттянув с лица бороду Деда Мороза. Может, она бы и не связала воедино волшебного персонажа и дядю Лёшу, но слишком испуганные глаза были у него в тот момент, слишком быстро прицепил он обратно ватный реквизит и слишком фальшивым чужим басом зарокотал: «А девочка Леночка хочет прочитать нам ещё один новогодний стишок. Правда, папа? Правда, мама?». «Неправда», — ответила девочка Леночка и ушла обижаться в свою комнату, из которой её уговорили выйти лишь обещанием позволить поджечь бенгальский огонь. Правда, это уже была попытка продать ей праздник, вполне годная, конечно. Но праздник праздником, а сказка сказкой. Понимать нужно.
Оттого сегодняшняя Лена не верила в сказочный итог, но привычно старалась понимать. А понимать столь раннее освобождение Дэника нужно было так: его, как обещал бывший начальник цеха Звезды-3, должны были допросить ещё раз утром, а уж потом, если верить офицерскому слову мусора, отправить домой. То есть случиться это должно было в лучшем случае к обеду, но выпустили сейчас. Значит, не стали завершать оперативное мероприятие по не зависящим от них причинам. Независящая причина могла быть одна — включённый отцом защитный механизм. Работает такой механизм исключительно для избранных, для причастных к власти — так уж повелось на Руси. Не нами заведено, не нам и исправлять. Пусть.
Лена смотрела на потихоньку оживающий субботний московский двор, пока у дома не остановилось такси, из которого вышел Денис. Увидел её в окне, помахал, заторопился в подъезд. Лена Стольникова вышла в прихожую, поправила в зеркале причёску и открыла дверь, за которой гудел поднимающийся вверх лифт. Дом был старый, со старыми, советскими ещё лифтами. Очень шумными, очень.

Записка Лены на холодильнике.
«Щи в котле, каравай на столе, вода в ключах, а голова на плечах. Живи, Денис, и ни в чём себе не отказывай. Книжка хорошего писателя Гайдара лежит на подоконнике: читай — вечером проверю.
Мы с Соней сегодня по магазинам договорились. Буду не рано, но ты всё равно скучай. Это тоже вечером проверю.
Люблю. Твоя».

Глава 2
Стольников
Вода в бочке у крыльца проглядывала чёрными дырами сквозь облетевшую с окрестных лиственниц хвою. Стольников раздвинул ковшом ржавый, с тёмными пятнами ковёр, чтобы сполоснуть от налипшей грязи резиновые сапоги. Утренняя колка смолистых дров служила, кроме практической пользы, вполне себе годной зарядкой уверенно постаревшего, но пока исправно работающего городского организма.
«Вот так, брат Пират», — сообщил Стольников о своём настроении крупной лайке серого волчьего окраса, присаживаясь рядом с ней на крыльцо и доставая пачку «Кэмела». Сидели с Пиратом, смотрели сквозь сигаретный дым и лёгкий пролетающий снег на сопки приятного рыжего цвета, мечтали о скорой охоте. Идиллию приятного одиночества нарушил вышедший из-за угла полковник Мошкин. Потрепал по загривку Пирата, присел рядом.
— Хорошо тут будет, Николай Николаевич, когда мы уедем, — руководитель группы дознания щепкой очищал глину с башмаков. — Снег скоро ляжет, тишина наступит. Сам всю жизнь о таком отпуске мечтаю.
— Хорошо, — согласился Стольников. Достал из кармана фляжку, протянул полковнику. — Удачи вам там.
— Всем она нам теперь не помешает, — Мошкин сделал пару вежливых глотков, вернул флягу хозяину.
Помолчали. Пират встал, выгнул спину, зевнул, потрусил в направлении соседнего коттеджа, скособочив направо задние ноги под белым пятном свёрнутого в правильный бублик хвоста.
— Солярку замерили, там на месяц с лишним запас остался, — вспомнил важное Мошкин.
— А куда мне больше? Хватит.
— Пару сухостоин листвяка сегодня ещё подтянут. Я распорядился на всякий случай. Бензопила в ангаре, бочка бензина там, масла достаточно.
— Спасибо, Павел Егорович. И за заботу, и за грамотную работу на проекте.
— Результатом доволен, да. Не считая Артёмова.
— Ну что ж теперь. Мы не боги, с нас спроса меньше.
— Припомнят там мне при случае, конечно. В нашем ведомстве ничего не забывают.
— Не те времена нынче, Павел Егорович. В финальном отчёте я тебя персонально в превосходной степени отметил.
— Спасибо, — помолчал, жуя нижнюю губу, решился. — А Андреева?
— Не скажу. Впрочем, тоже дал отличную рекомендацию.
— Ясно, бывает. Ладно, пойду проверю, как эвакуация продвигается. Вечером ещё загляну. С коньяком, если позволите.
— Конечно, заглядывай. Приятно было работать вместе, приятно прощаться будет.
Мошкин кивнул, поднял воротник, пошёл к ангарам, где завершалась погрузка документации, личных вещей, казарменного имущества в армейские грузовики. Колонна с последними остатками проекта «Лекция» должна была выдвинуться в сторону ближайшей станции завтра ранним утром.

Мошкин подключился к «Лекции» позже остальных, когда было принято решение о проведении очного дознания в отношении отдельных упорствующих персонажей. В какой момент между ним и первым заместителем проекта полковником Андреевым пробежала чёрная кошка, Стольников так и не уловил, но отношения в руководстве между силовым направлением, включающим охрану объектов, их жизнеобеспечение, эвакуацию на материк раскаявшихся, и направлением контента, оформляющим показания грешников в публичные показания, к финалу напоминали отношения между Северной и Южной Кореями: один народ — две системы, грозящие перейти из фазы холодной войны в горячую. Директор «Лекции» стремился стоять над схваткой Андреева и Мошкина, пытаясь максимально сгладить противоречия, но результат проекта зависел, понятное дело, от качества выдоенного

из земсковских сатрапов контента, а не от периметра охраны поселений. И что характерно, традиционные дружеские футбольные матчи между командами офицеров и слушателей-журналистов вскоре сошли на нет не только на головной Звезде-3, но и на остальных объектах проекта. Как чума сошла на оба этих дома.
По праву давнего знакомства Виктор Андреев пытался внушить Стольникову недоверие к представителю контрразведки. Николай и рад был бы согласиться, но Мошкин давал результат в самых безнадёжных случаях.
— Смотри, Виктор, — пытался объяснить свои резоны Стольников. — Ну вот молчал полгода этот жулик Стромынский, хоть все вокруг на него показания дали. А с Мошкиным разговорился, и тему земсковских олигархов мы закрыли. Плохо ли?
— Плохо, Николай Николаевич, плохо, — отвечал полковник Андреев. — Уверен, что можно было выжать из него ещё пару миллиардов, а мне приходит уведомление: «Стромынский отработан, извольте эвакуировать». Ну не дело это, дорогой вы наш директор, так мы с вами свою долю в «Лекции» не отработаем.
— Отработаем, Виктор, уже отработали. Иди, не мешай — видишь, реестр «пропаганда» прямо сейчас закрываю. Утром сможешь отправлять в центр.
Полковник Андреев осуждающе качал головой, выходил из кабинета раздражённо, как пациент из регистратуры поликлиники без больничного.
А главное, Виктор сам в первую голову должен был бы всячески способствовать как дознанию, так и скорейшему оформлению итоговых протоколов. Именно ему принадлежала идея ООО «Лекция Publication», где его доля составляла тридцать процентов. Остальные семьдесят принадлежали Стольникову, но поскольку Андреев сам занимался технической и финансовой стороной одобренного изначально Васей Рымниковым бизнеса, то Николай не требовал никакой отчётности, удовлетворяясь устными докладами Андреева о предварительно заключённых контрактах с западными телекомпаниями и издательствами. Сведённая по итогу в многотомное издание преступлений режима Земскова фактура всех протоколов «Лекции» грозила стать сенсацией мирового уровня, оттого и выстраивались в очередь за печатными и видеопоказаниями здешних кающихся грешников гранды мировых медиа. Не материалы Нюрнбергского процесса, но тоже вполне нетривиальное исследование государственного геноцида с одновременным феноменальным обогащением его бенефициаров. Такое долго в школах можно изучать — хоть в российских, хоть в американских или там японских.
Полковник Андреев покинул Звезду-3 две недели назад доводить в столице итоговую отчётность по проекту, свалив на Мошкина свою работу по техническому свёртыванию «Лекции» на объекте. Стольников согласился, Павел Егорович тоже не возражал: уж лучше так завершать работу, чем в постоянном конфликте внутри командного состава, или, как сейчас говорится, топ-менеджмента.

Директор набрал из поленницы охапку приятно пахнущих смолистых дров, занёс в дом, свалил их у большой металлической печи, плотно обложенной двумя рядами кирпичей. Снял с играющей огнём самодельной конфорки чайник, заварил краснодарского, включил радиоприёмник. Под торжественный репортаж об открытии для свободного посещения москвичами и гостями столицы исторического комплекса Кремля ещё раз придирчиво осмотрел свой приют на ближайший отпускной месяц.
Вроде бы нормально получилось. Двери в лишние комнаты коттеджа были забиты и утеплены матрацами из солдатской казармы. Два окна оставшегося жилого пространства экономили теплоотдачу и вполне сносно освещали стол, диван, пару стульев, кресло у печки, лежанку Пирата у входа. За дверью бывшей гардеробной хранились мешок муки, армейские консервы, подсолнечное масло, крупы и много чего ещё, заботливо списанного Мошкиным из продуктового довольствия Звезды-3. Пусть, лишнего в тайге не бывает. Понятно, что останутся здесь и излишек продуктов, и солярка для дизеля, когда через месяц за Стольниковым пробьётся по снегу армейский «Урал» для выброски в цивилизацию. Ничего,

доберутся потом сюда местные охотники, им пригодится. А мы с Пиратом ставку делаем на добытую дичь, не пропадём.
Стольников прихлёбывал чай с сушками и по привычке набрасывал в блокноте рифмованное, странное.
А радио захлёбывалось в революционном восторге от счастья вовлечения в исторический момент. Рымников с Седых разрезают символическую ленту, идут во главе торжествующего населения столицы по освобождённому от многовековой деспотии Кремлю. Председатель Конвента восходит на сооружённую по случаю трибуну и обращается к благодарному народу: «Здесь, за стенами Кремля, прятались от России тираны. А за стеной, на Лобном месте, складывали свои головы борцы с тиранией. И постепенно Лобным местом стала вся страна, а Кремль превратился в заповедник гоблинов. Сегодня мы очистились от тирании и открываем для всех главный исторический памятник страны, где, я надеюсь, никогда не возродятся традиции государственного насилия, закрытости власти от общества, презрительного высокомерия к собственному народу...»
«Перебор, Вася, — хотелось сказать Стольникову. — Ну что за штампы? Не про это писал свой «Заповедник гоблинов» Клиффорд Саймак, совсем не про это. Что ж за уши-то так притягивать? Хотя толпе нравится, конечно. Тебе виднее».
А ещё любопытно было, пришли ли на Красную площадь Нина с Леной. Лена-то точно выбралась вместе с Денисом, тот вряд ли пропустит историческое событие. Спасибо, кстати, ещё раз Виктору Андрееву, который летом парой звонков в Москву сразу разрешил ту мутную историю с задержанием. Лена тогда совсем напуганная была, да и то, напугаешься тут, когда людей забирают в лучших чекистских традициях.
Стольников выключил приёмник, застелил диван, лёг смотреть на блёклые в свете дня отблески огня из печи. Последние ночи доставала бессонница: сказывалась накопленная усталость, да и вообще, возраст. Хотел во сне увидеть Лену, но приснился зачем-то Пират. Он стоял на задних лапах, царапая передними ствол лиственницы, и отдавал голос непривычным лаем с сиплым повизгиванием. С дерева сваливалась кухта, а у вершины между веток прятался генерал Артёмов. Сердце погнало горячую кровь охотничьего азарта, Стольников потянул с плеча двустволку, но тут на голову упал пласт мокрого снега — и директор «Лекции» проснулся.
За окном стемнело, печка давно прогорела, но в доме было тепло. Стольников протянул руку на радиатор батареи — горячий. Значит, Мошкин врубил дизель напоследок. Ну и правильно, чего им в темноте с фонарями сидеть, соляру экономить, если завтра на Звезде-3 никого уже не останется, кроме нас с Пиратом.
Встал, успел разогреть на электроплитке картошку с тушёнкой, снял сковороду на деревянный кружок в центре стола, поставил чайник. Тут и Павел Егорович подоспел — с коньяком, как и обещал. И три лимона ещё выложил в подарок. Умеет.

Сидели, вспоминали особые случаи раскаяния контингента. Насмотрелись, наслушались за год всякого. Персонажи топили друг друга самоотверженно, с огоньком, практически без фальшивых нот. Перекрёстная сверка показаний подтверждала любые вычурные признания контингента, среди которых педофилия, скажем, выглядела далеко не самым экзотическим деянием. Хорошо, солдатикам Андреева из роты охраны не довелось узнать, за кем они здесь досматривали, спать будут нормально. А вот матёрые журналисты, привлечённые Стольниковым со всей страны на проект «Лекция» в качестве слушателей, а затем исполнителей итогового масштабного медиафайла преступлений режима Земскова, вынужденные сводить через фактчекинг все эти раскаяния в единую литературную структуру, часто не выдерживали, срывались в алкогольную реабилитацию психики. Но продолжали работать, ушли из проекта только четверо. И Нина ещё не выдержала. Опять же и оплата за выслушивание и последующее описание мерзостей прошедшего времени была положена новой властью более чем нетривиальная, а с итоговым бонусом можно сказать, что и феноменальная. Да и причастность к историческому деянию как фактор удовлетворения

профессионального любопытства никто не отменял.
Сошлись с Мошкиным на том, что если масштаб злодейства у высших чинов чекистского режима был несравним с грехами пропагандистской обслуги, то последние ожидаемо превзошли первых в пошлой лебезящей угодливости перед непроницаемым зеркалом комнаты активного раскаяния. Уже через полгода на «звёздах» не осталось ни одного нераскаявшегося деятеля голубого шоу-экрана и проплаченных новостных лент. Все уехали из чистилища за своей долей: мизерный процент самых ретивых отправится в Минск, на суд белорусов, остальные попадут в проскрипцию, сменят столичное место жительства на провинцию, найдут себе новую профессию. Клеймо на публичности не мыло, глаза не выест. Собственно, Мошкин почти и не застал этот суетливый, заискивающий контингент, практически весь вывезенный Андреевым на большую землю в качестве отработанного материала к моменту прибытия следственной группы военной контрразведки, призванной помочь гражданским слушателям в сборе фактуры от не спешивших к деятельному раскаянию главных земсковских грешников. К удивлению Стольникова, результат проявился почти сразу после того, как зеркала в КАР стали задавать посетителям вопросы, участвовать в диалогах. Следователи Павла Егоровича сумели разговорить почти всех. Через год с начала работы проекта «Лекция» на всех задействованных «звёздах» в молчунах числилось шесть человек. На Звезде-3 — один, Артёмов.
— А мне Артёмов сегодня приснился, — вспомнил Стольников. — Чёрт-те что.
— Не Моника Беллуччи, понимаю, — согласился Павел Егорович. — Не приведи господь. Я ж вам рассказывал, что ещё в Лефортово с ним намучился?
— Рассказывал.
— Стойкая сволочь, убеждённая. И ведь только с вами поговорил здесь. Да и то.
— Да и то.
Держать на Звезде-3 сотню военных из-за одного нераскаявшегося — глупость же и транжирство государственных средств. Не Герман Гесс, чай. Хотя если подумать... Но что уж тут думать, секретные активы Артёмова были установлены Мошкиным ещё в Москве, решать судьбу бывшего директора Госнадзора должен трибунал, а не «Лекция». А что не дал он признания по плану «Апокалипсис», пусть теперь в Москве эту задачу решают — там у них возможностей побольше будет. Собственно, так Стольникову и сообщил по спутниковой связи полковник Андреев, передав указание как на отправку в столицу самого Артёмова, так и на последующую эвакуацию проекта. Виктор же подтвердил согласие генерала Седых на отпуск в здешней тайге директора «Лекции», заверив, что в течение этого месяца он лично проследит за поэтапно прописанной финальной частью проекта.

Эксперимент по очному допросу Мошкиным единственного оставшегося на Звезде-3 «молчуна» Стольников санкционировал письменно, взяв на себя личную ответственность. И сам же решил посмотреть вблизи, вживую на доставленного в КАР-2 генерала Артёмова через полчаса после начала его встречи со следователем. Да и себя показать, чтобы уж напоследок по-честному, а не из-за тонированного стекла.
Вошёл без стука, сел на свободный стул сбоку от сидевших визави Артёмова и Мошкина. Бывший глава Госнадзора глянул коротко, опередил полковника:
— Здравствуйте, господин директор.
— Да вы волшебник, Николай Николаевич, — озарился служебной радостью Мошкин. — Господин Артёмов до вас так в молчанку и играл, не снисходил до меня, грешного.
— И вам здравствуйте, Павел Егорович, — как родному улыбнулся Артёмов. — Не держите зла, мы с вами ещё в Москве наговорились от души. Чего уж тут теперь снова.
— Так может, поговорим тогда откровенно, Евгений Станиславович? — аккуратно предложил Стольников.
— Почему нет, Николай Николаевич? — согласился генерал. — Только вам ведь про план «Апокалипсис» наверняка интересно узнать, а мне про него говорить не с руки. В зарубежной агентуре живые люди работают, а вы их под нож пустите. Зачем мне этот грех на

душу брать?
— Допустим. О чём же тогда говорить будем?
— Да хоть о вас.
— Обо мне? Так я человек неинтересный, негосударственный, случайный даже, пожалуй, во всей этой властной пирамиде. Какой смысл?
— Из чистого любопытства. Мне интересно, как вам, человеку творческому, вольному журналисту, стишками балующемуся на досуге, живётся тут в роли главного тюремщика новой России. Ладно, мы с Павлом Егоровичем люди служивые, государственные, к дисциплине приученные, а вас-то как угораздило в нашу низкую ипостась вляпаться?
— Вы, гляжу, вполне тут осведомлены о том, кто я, зачем здесь, в чём зона моей ответственности. Неожиданно.
— Да бросьте, Николай Николаевич, тоже мне, секрет Полишинеля. Нет, для подавляющего числа из бывших обитателей сей юдоли революционной справедливости ваши фигуры вполне себе инкогнито, не волнуйтесь. Но у меня свои каналы информации даже здесь, как несложно догадаться. Более того, примерно понятна моя дальнейшая перспектива — и она не настолько трагична, как вам представляется, поверьте. Так что, повторюсь, мой сегодняшний интерес сконцентрирован исключительно на вашей фигуре.
— И тем не менее простите за банальность, но вопросы задаём здесь мы.
— Круто. Брутально. Основательно. По-мужски. Только вот что я вам скажу, суровые мои мужики, вы в России живёте, не в европах. У нас климат тяжёлый и лимоны с бананами в саду не растут, тут не живут, а выживают. А для выживания корм нужен, тепло, защита от волков с медведями. И поодиночке здесь не выжить. Здесь только государство тебя накормит, согреет и защитит. Всякий выбор в пользу свободы в ущерб безопасности обречён, как бы вы ни верили в обратное. В России царь нужен, а не демократия. Неважно, как его зовут — Пётр Первый, Александр Третий, Иосиф Сталин или Фёдор Земсков, должен быть символ центральной власти, которой подчинена вся эта география. Только так устроено государство, только так оно способно существовать. И те, кто этого не понимает, исторически обречены. Так что не питайте иллюзий — вы уже проиграли, просто ещё этого не понимаете. Жаль мне вас, Николай Николаевич, искренне жаль. Хотелось посмотреть на человека, случайно облечённого историческим моментом в вершители судеб и не подозревающего, что свобода уже завершилась. Да она, собственно, и не начиналась, вам показалось.
Всё, закончили. Давай, Павел Егорович, готовь меня к отправке в Москву. Наговорились. Подмигнул им с Мошкиным нераскаявшийся директор ГСН, улыбнулся криво и опять уставился в стол. А наутро конвой увёз генерала Артёмова в Лефортово, в столицу государства Российского. Странного государства, положа руку на сердце, чудно′го.

Стольников оторвал взгляд от печки, разлил коньяк по рюмкам.
— За что выпьем, Павел Егорович?
— Давайте за свободу. Мудак он всё же, этот Артёмов, как ни крути.
— Давай.
Подошёл из своего угла Пират, положил голову на колено Стольникова. В глазах пса отражались отблески печного пламени. «Инфернальный портрет, Нине бы понравилось, — отметил слегка нетрезвым сознанием Стольников. — Преданный дружеский ад, очень русский, правильный».
Мошкин поднялся из-за стола:
— Пора, завтра вставать рано.
— Выйду утром проводить, — поднялся и Стольников.
Обнялись, как нормальные выпившие русские люди, свободные от условностей строгой государственной морали и нравственности.

Запись в блокноте Стольникова.
«СТРАХ

Душа в потёмках, взаперти. Душе тоскливо.
Снаружи ночь, снаружи стон и страшный шёпот
о том, что месть сама идёт, как справедливость.
И топот сапогов смазных, угрюмый топот.

Под занавеской в темноте огни за речкой
сомкнулись в ряд, на топорах бликует пламя:
«За что распяли вы Христа, гниль человечья?»
И семь свечей, как семь грехов, пред зеркалами.

А я был Мойша, мне шесть лет, мне завтра в хедер.
Но мама тянет от окна в провал подвала.
Ах, почему же я не рыжий Мольтке Петер,
отец которого у нас гостил, бывало?

Вот и подарок от него — букварь на русском:
вот аз, вот буки, веди — всё понятно.
В подвале холодно, темно на досках узких,
и запах здесь всегдашний сыромятный...

А я был Мишка, в картузе, папаша шорник...
Осьмнадцать мне исполнилось в апреле.
Вчера был понедельник, нонче вторник.
Казённую мы пили всю неделю.

А как не пить в распутицу и слякоть?
Кто виноват в том, что Христос забыл Россию?
Глоток на посошок, буханки мякоть
в карман. Стакан. И бабы, ишь, заголосили.

Там за мостом чужие. Взять хоть Ари,
или Ицхака взять, а хоть бы Хирша...
«Ты это, слышь-ка чо, возьми вот, паря, —
тебя на то благословит Всевышний».

Рука на топорище, поп с распятием,
и Фрол-сосед, ощерившись, хохочет:
«Покажем непорочное зачатие
Рахельке». Перегар накрыл полночи.

Мне страшно на мосту перед местечком.
Мне страшно в темноте сырой подвала.
Я — Мишка, сын Никиты Поперечного.
Я — Мойша, сын Захарии Сегала...

Мне не избыть проклятье Чёрной сотни,
мне не забыть Давида звёзд наддверных.
Но вечный ветер воет в подворотне:
«Умные нам не надобны. Надобны верные».

Глава 3
Лечинская

«Я рассчитаюсь, не возражаете?». Нина не возражала. Виктор выложил из бумажника пару купюр, оставил на столе, учтиво кивнул и вышел из кафе. Хотелось курить, но столик располагался в зоне для некурящих. Перемещаться за перегородку было лень, однако организм после разговора с полковником Андреевым требовал ещё граммов сто коньяка, потому Нина взяла рюмку, пальто и перешла в зону, свободную от здорового образа жизни, с пепельницами на столах. Её сигарета и на прежнем месте никому бы не помешала, ибо утреннее кафе на Большой Якиманке было пустынным, как пейзаж Куинджи, но таковы правила, а против правил играть не стоит.

Собственно, это же утверждал Андреев, объясняя изменившимися правилами игры насущную надобность внесения изменений в учредительные документы «Лекции Publication». «Свобода слова — штука обязательная, но имеющая свои недостатки, — сокрушался бывший спецназовский ангел-хранитель Рымникова с Николаем. — Хорошо, что в отчётах «Лекции» случайно обнаружился пикантный эпизод из жизни главного редактора «Нового обозрения»: остановили публикацию об использовании служебного положения в целях личного обогащения учредителями издательского ООО Стольниковым и Андреевым. Уже и заголовок был придуман: «Не путать частную шерсть с государственной». Строго говоря, этот самый клок от государственной шерсти оторвал личным решением Василий Кириллович Рымников — по моему предложению, не скрою, и считаю это предложение действительно разумным способом вознаграждения Николая Николаевича за важнейшую работу, проведённую под его руководством. Но тут уж ничего не попишешь, концепция поменялась, как говорилось в старом анекдоте. Председатель Конвента предложил мне продумать отходной манёвр и согласовать его с Николаем Николаевичем и с вами. И если возникнут какие-то сомнения и вопросы, звонить прямо ему. Наберём, поговорите?»

Разговаривать с Рымниковым Лечинская отказалась. Какой смысл ставить вождя Революции в неловкое положение объясняющегося? Да и Коля точно не одобрил бы. Он и выслушивать все эти нюансы от Виктора не стал бы, махнул бы рукой: делай как знаешь. Но на связь не выходил уже несколько дней — упёрлись охотиться с Пиратом куда-то в сторону дальней ЛЭП, вот и пришлось Нине давать формальное согласие на изменение бизнес-схемы, придуманной полковником Андреевым. А Рымников, как честный старый товарищ, потребовал согласовать в обязательном порядке своё поручение, вот Виктор и старается по мере сил в условиях крайнего лимита времени: не факт, что из «Нового обозрения» информация об учредителях ООО «Лекция Publication» не утекла в другие, более жёлтые издания, где вообще нет понятия о правилах игры с государством, какого бы толка это государство ни было.

По Андрееву выходило, что требуется срочно создать фонд, распоряжающийся историческим и медийным наследием проекта «Лекция». Главным учредителем этого фонда станет какая-то фирма, где генеральный директор — давний сослуживец генерала Седых и полковника Андреева. Человек верный, надёжный, имеющий правильно устроенный офшор на дальних заграничных островах, а уж оттуда доходы от реализации издательских контрактов будут распределяться ровно по изначально согласованной схеме. Те же бильярдные шары видом сбоку, так сказать. Новая свобода, новые правила, новая забота о людях. Николаю Николаевичу беспокоиться не о чем, уж другу и соратнику Рымникова всегда будет почёт и уважение. Остаётся только подписать документы: ну и пусть формально в них станет числиться не Стольников, а Лечинская. Фамилии разные, ещё и лучше выходит.

Подписала Нина, чего ж не подписать, освободила Виктора от неприятного осложнения. Ушёл заметно повеселевший, успокоенный. Можно и ещё сто коньяка за спокойствие государственного человека. Обстановка располагает, хорошо тут, тепло, уютно. Давно в люди не выбиралась.

В кафе зашла женщина чуть постарше Лечинской, огляделась, поставила чемодан к столику у окна. В том, как прикуривала сигарету, как делала заказ официанту, ощущалось что-то неуловимо определённое: так слабый запах травления отличает мастерскую офортного

графика от мастерской акварелиста.
Лечинская потягивала коньяк из фешенебельного пузатого бокала, черкала карандашом в блокноте быстрый набросок неизвестной, но понятной Нине посетительницы. Хотелось схватить эту неявную напряжённость позы, спрятанного взгляда, упрямого наклона головы. Почти механическая работа, не мешавшая думать.
Прибирает под себя Виктор архив «Лекции», тут и школьнику понятно. Аккуратно работает, чтобы не попасть под раздачу Рымникова: как ни крути, а враг друга Василия Кирилловича — категория, мягко говоря, неприятная, пожалуй что и опасная по нынешним временам. Скорее всего, сам полковник Андреев и придумал эту комбинацию с газетой, убедил, похоже, через генерала Седых председателя Конвента в необходимости манипуляций с документами для исключения Коли из перспективного бизнес-проекта.
Да и хрен с ним. Нине эта затея изначально не нравилась, но Стольников слишком доверял другу Васе, чтобы оспаривать так понравившуюся тому идею облагодетельствования семьи товарища за казённый счёт. Такие затеи никогда добром не кончаются, но для этого понимания Николаю не хватало опыта исправленца. Одно дело понимать в теории, другое — на лесоповале и в других полезных для развития правильных органов чувств местах, отдалённых от таких вот уютных кафе с безразмерным столичным ценником.
Нина бросила взгляд на бесплатную натурщицу и наткнулась на её вопросительный жест, кивнула в ответ. Женщина перебросила через руку длинный провинциальный пуховик, прихватила рюмку с графинчиком, подошла.
— Можно?
— Присаживайтесь.
Села, налила себе водки, подняла рюмку, представилась:
— Наташа. Наталья Гербер.
— Нина.
Выпили за знакомство. Лечинская полюбопытствовала:
— Не экономите? Тут странная водка, дороже коньяка.
— Серьёзно? А я меню даже не догадалась открыть. Ну, пусть.
Взглянула остро, точно:
— Где исправлялась?
— На «двойке», потом на «трёшке», — Нина не удивилась вопросу, как-то они все наловчились на воле отделять своих от чужих по еле уловимым внешним признакам.
— Не помню тебя на «тройке». Я в двадцатом ушла.
— Ну а меня в 2021-м туда перевели с «волчьего». В механическом исправлялась.
— А я на покраске.
— Четвёртый этаж общаги.
— Конечно. Полегче было после серого статуса?
— Полегче. Компенсацию выплатили уже? — Нина знала, что тема острая для всех исправленцев.
— Летом ещё. А тебе?
— На 29 декабря назначено.
— Ну вот, подарок к Новому году, значит, будет. Повторим?
Повторили. Нина вспомнила про набросок.
— Можешь не крутиться минут пять? Портрет твой закончу. Вот так замри, голову чуть пониже.
— Художница, что ли?
— Типа того.
— Сигаретой угостишь? Так-то не курю, но иногда хочется.
Нина подвинула нечаянной натурщице пачку, продолжая уверенными штрихами тонировать черты её лица на бумаге. Наталья сидела хорошо, ровно.
— Сама не из Москвы? — спросила Лечинская очевидное.
— Из Пензы.

— А чего здесь?
— Не поверишь, за наследством приехала.
— Да ладно?
— Ну. История такая странная: месяц назад позвонил французский адвокат из Парижа, объяснил через переводчика, что в каком-то там Безансоне скончался местный винодел Антуан Гербер и оставил своей двоюродной внучке из России в наследство небольшой замок с виноградниками и около трёх миллионов франков. Отец в детстве, помню, что-то такое рассказывал про родню во Франции, но я как-то особо не вслушивалась. А потом отец умер, я и забыла напрочь про эту историю. Но вот видишь, как оно обернулось. Кино да и только. В общем, выправила загранпаспорт да приехала в Москву за визой — тут консульство французское рядом, за углом. А там очередь, записали, велели завтра прийти. Пошла гостиницу искать, вот в кафе сюда забрела по дороге.
— Фантастика, конечно. Помочь с гостиницей?
— Нет, я уже позвонила отсюда, заказала номер.
Нине удалось схватить в лице Наташи оттенок удивления превратностям судьбы. Закончила набросок, подписала на обратной стороне листа, протянула миллионерше из исправленок.
— На память.
— Хорошо, спасибо, — видно было, что портрет понравился.
— Значит, ознакомительная поездка с наследством? Временный приятный отдых от Родины?
— Зачем? С концами. Пошла она нахрен, эта Родина.
— Молодец, — Лечинская подняла бокал. — Не веришь, значит, в здешнее светлое будущее. За тебя, удачи.
— Спасибо, — Наталья допила водку, закусила остатком салата. — Не верю, подруга. Этой Родине обмануть — что снегом в апреле плюнуть. Бодрые сейчас времена, громкие. Как гудок к концу смены на «тройке». А потом опять в колонну — и на посёлок под лай овчарок. Сама должна видеть, куда всё поворачивается. Беги отсюда, пока возможность есть, верно тебе говорю.
Наташа Гербер призвала официанта, включила в счёт и Нинин коньяк. Уверенно держала себя пензячка, по-миллионерски.
— Как, кстати, правильно: пензячка или пензенка? — зачем-то поинтересовалась Нина.
— А как тебе нравится, так и говори, — отмахнулась Наталья. — Мне теперь точно всё равно. Ладно, будь здорова. Спасибо за рисунок.
Надела свой смешной пуховик, покатила к выходу чемодан на колёсах.

«Хорошо сейчас Коле, — подумалось Лечинской. — Хоть в Безансоне, как эта Гербер, хоть в тайге — лишь бы подальше от Родины, или, как любят выражаться сволочи, Отчизны. Так-то, конечно, кончилась мусорская власть, свободы у нас нынче, равенство и прочее братство. Но чем дальше в лес, тем толще генералы. Седых вон хорошо как поправился на довольствии министра обороны. За три месяца наел ряшку — в телевизор не влазит. Земсков себе за двадцать лет в Кремле такую не откормил».
Допила коньяк, собралась уже было выходить, но зазвонил телефон.
— Привет, — сказала трубка Лениным озабоченным голосом.
— Привет. Выкладывай, не стесняйся.
— До папки дозвониться не могу, а надо.
— Никто не может. Он в тайгу пошёл дней на пять, сказал, что спутник с собой не потащит, лишний килограмм весу. Чего случилось-то? — Лечинская уже поняла, что Лена в серьёзно расстроенных чувствах.
— Дядя Лёша Куницын позвонил из Зареченска — ну ты слышала про него, старинный друг отца. Его там под домашний арест военные закрыли, взятки какие-то вменяют или ещё что, я не очень поняла. Разобраться бы нужно.
— Рыжему позвони.
— С утра звоню, не отвечает Гонтаренко. Не знаю, что делать.

— Успокойся. Дай мне фактуру, попробую по своим контактам что-нибудь узнать.
— Куницын Алексей Фролович, генеральный директор торговой сети «Куница». Однокурсник отца и Рымникова. Какое-то должностное преступление, дело ведёт зареченская военная прокуратура. Всё, что знаю.
— Так может, сразу тогда на Василия Кирилловича выйти?
— Не стоит. Там у них давний разлад какой-то, да и неловко сразу к нему, дело-то пустячное, судя по всему. Недоразумение какое-то, похоже.
— Ладно, попробую. Перезвоню часа через два.
— Спасибо, Нина. Дядя Лёша такой, знаешь... Хороший он.
— Я поняла. Дома как, что Денис?
— Нормально. Завтра из Хакасии возвращается, по каким-то сыйским пещерам они там неделю ползали. Звонил вчера, счастливый, что тюлень на льдине.
— Много ты этих тюленей видела, — рассмеялась Лечинская.
— Ни одного, — призналась Лена. — Дэник про них рассказывал.
— Хорошо. Будут новости — сообщу.

Прегер доложил, что Гонтаренко проводит расширенное совещание по Беларуси. Там войны и скандалов на целый день: минская делегация требует запредельных компенсаций, объявления всех сепаратистов военными преступниками и выдачи военкомов, организовывавших отправку из России на Витебск добровольцев-наёмников. Хорошо, если к ночи разойдутся миром, без членовредительства.
А по поводу ходатайства за арестованного зареченца — он не при делах. Военные в Конвенте после последних событий в Туве провели резолюцию о категорическом невмешательстве непрофильных комитетов в обеспечение безопасности государства. Тут только через Рымникова можно объясняться. А то Бек-Каргополова попробовала на днях учредить правозащитную наблюдательную комиссию за силовыми армейскими структурами, так её даже Синицын не поддержал. Время сейчас сложное, требующее оперативного реагирования на возрастающие угрозы для Революции. С одной стороны, мировое сообщество настаивает на предъявлении гарантий невозврата к чекистской диктатуре, с другой — Грузия с Беларусью выдвигают сумасшедшие цифры компенсаций, с третьей — инфляция выводит людей на бесконечные акции протеста. А тут ещё очередной штамм вируса нагрянул с запредельной патогенностью.
Илья начал традиционный плач о безмозглости не желающего ревакцинироваться раз в квартал населения, какие бы запретительные и ласкательные меры ни предлагал его комитет по здравоохранению и вакцинации, но Нина решительно попрощалась со словоохотливым, но бесполезным в конкретной ситуации Прегером.
По всему выходило, что с просьбой за неизвестного ей Куницына нужно было обращаться к Андрееву. Тут лучше бы на исключительно трезвую голову, но время не терпит. Оно никогда не терпит и никого не щадит — не общество, чай, защиты животных и прочих там двуногих прямоходящих. Ну да бог с ним, со временем: с утра она пошла навстречу предложению полковника, сейчас его очередь.
Виктор Андреев трубку взял сразу.
— Давно не виделись, Нина Яковлевна, часа три уже прошло, наверное. Какие-то дополнительные вопросы возникли по фонду?
— Нет, Виктор Петрович, совсем другая тема у меня.
Изложила в двух словах просьбу Лены Стольниковой. Отдельно подчеркнула факт многолетней дружбы арестованного Куницына с мужем и Рымниковым.
— Я знаю, кто такой Куницын, — не стал брать паузу полковник. — И знаю о предъявленных ему обвинениях. Там неоднозначно всё, Нина Яковлевна, слишком серьёзная доказательная база у прокурорских. И Василий Кириллович сразу был поставлен в известность о факте задержания знакомого ему фигуранта. Давайте так: я послезавтра буду в Зареченске по своим делам, заручусь полномочиями в центральном аппарате, на месте предметно постараюсь

вникнуть, что тут можно сделать. Сразу вам отзвонюсь. Договорились?
— Договорились. Спасибо, Виктор.
«Нет, не вариант, — поняла Лечинская. — Сделает формальный запрос, сочувственно отзвонится — и всё, покатит этот Куницын по этапу не на лёгкое политическое исправление, а на уголовную зону. Хоть чей ты бывший друг, но время не обманешь, оно такое, какое есть здесь и сейчас, а не где-то и когда-то. Тик-так, Алексей Фролович, тик-так».
Оставался только Стольников. Если уверен в однокашнике, то сумеет убедить Рымникова принять нужное решение, в каких бы контрах тот с Куницыным ни был. Столько лет дружили, Лена за него вон как впряглась: хороший человек, говорит, ей верить можно. И уж по крайней мере, больше, чем полковнику Андрееву. Да и самому Василию Кирилловичу, если уж так-то.
Лене решила отзвониться из дома, всё равно ничего утешительного пока в кармане не было. Деньги, правда, лишние там были — весь день тут за неё рассчитывались то Виктор Андреев, то странная эта Наталья Гербер. Нина подозвала официанта:
— Что за водка здесь у вас в меню с такой милой ценой? Её специальные гномы из золота отжимают?
— Ну как же, — вежливо-понимающе улыбнулся вышколенный юноша. — «Свободная ледяная», три медали весенней выставки в Стокгольме, на чистейшей воде ледников Саянских гор. Гвоздь сезона. Желаете попробовать?
— Гвоздь так гвоздь. Бутылку с собой мне упакуйте.
Тут и такси подъехало.

А в это время на кухне куницынской квартиры крепкий молодой человек в джинсах и свитере сказал в трубку плейфона: «Слушаюсь. Так точно». Кивнул коллеге по службе в сторону двери в спальню. Там на полу сидел пристёгнутый наручниками к батарее владелец торговой сети «Куница».
Молодой человек встал перед Куницыным, с хрустом качнул головой от правого плеча к левому и проверенным движением зарядил лоу-кик. На канвасе в клетке удар ногой пришёлся бы сопернику по внешней поверхности бедра, но здесь он встретил голову подследственного. «Отстёгивай, Серёга, — распорядился старший по званию. — Он у меня сейчас всё подпишет, обсосок подчекистский. Пограбили народ при Земскове, всё им мало. Давай его к столу».
Из сломанного носа Алексея Куницына обильно текла кровь. Глаза смотрели на оперативников затравленно, недобро. «Тик-так», — громко отсчитывали безжалостное время Революции богатые напольные часы бизнесмена Куницына, «тик-так».

Надпись Нины на обратной стороне портрета Натальи Гербер.
«Будь счастлива, Наташа, на новом месте.
Хорошо там, где мы есть, и там, где наши воспоминания, какими бы они ни были. Лучше бежать, чем топтаться на месте. Беги, Наташа, беги. Удачи тебе.
На память о случайной встрече и о Звезде-3.
Нина Лечинская».

Глава 4
Артёмов

На третий день Особый трибунал добрёл до рассмотрения дела по существу. Строгий полковник военной юстиции со стороны обвинения вначале долго зачитывал вменяемые бывшему министру Госнадзора деяния, за которые раньше давали ордена и присваивали внеочередные звания, а теперь вдруг они обернулись тяжкими государственными преступлениями. Затем весьма популярный при всех властях адвокат Наум Липкин обильно цитировал Булгакова с Толстым, отрицая саму возможность судить обвиняемого по исторически изменившемуся принципу правоприменения. Частично генерал Артёмов у него

выходил безвинно распинаемым на Голгофе Иешуа-га-Ноцри, но иногда получался портрет жертвы обстоятельств Катерины Масловой. Журналисты в зале одобрительно хмыкали смелым метафорам, что, впрочем, никак не добавляло им сочувствия одной из центральных фигур преступного режима Земскова.
Самому же Артёмову было скучно — он прекрасно себе представлял всю драматургию заранее срежиссированного процесса, в котором каждый участник играл сценический образ, ведя зрителя к известному финалу торжества революционной справедливости. Но поскольку в этот раз сценарий писал не он, то и изменить закономерный ход событий экс-министру было не под силу. Оставалось играть предписанную роль чёрного ферзя в этой партии, едва дошедшей до середины дебюта.
Суд перешёл к допросу свидетелей обвинения, общим числом тридцать семь. Первым принёс присягу трибуналу бывший сокурсник, староста параллельной группы Валера Цепышев, участие которого в подпольном дискуссионном клубе томских анархистов установил начинающий сотрудник органов Женя Артёмов. Он тогда практически в одиночку разработал политически вредную молодёжную организацию, что привело её участников к исключению из вузов, изгнанию из аспирантур и увольнению с институтских кафедр. Дышавшей на ладан советской власти тогда уже не хватило энергии на отправку к хозяину дерзких нигилистов, обошлось условными сроками и административным надзором, что не мешало сейчас побитому долгой жизнью Цепышеву брызгать яростной обличительной слюной. Адвокат регулярно сбивал негодующий пафос свидетеля едкими уточнительными репликами, пикировался с обвинением, умеренно дерзил председательствующему — в целом вполне выдерживал голливудскую роль в сценах, предъявляемых публике в качестве витрины нового состязательного российского правосудия.
Артёмову не хотелось рекламировать публичную справедливость, он отказался задавать вопросы свидетелю. Смотрел в окно, где по подоконнику гуляли жирные московские голуби. Свидетелей защиты адвокат найти не сумел, хоть какое-то ускорение нудной процедуры. Затем выступили ещё два свидетеля, которых Артёмов так и не вспомнил, несмотря на подробно изложенные обстоятельства их дел: одно об осуждении радиолюбителя из Коломны, пытавшегося ретранслировать передачи запрещённых радиостанций вероятного противника, второе — дело вологодского политического активиста, публично призывавшего к сопротивлению программе Первой вакцинации. Эти и сами вели себя посдержаннее, и адвокат, уже немного эмоционально разрядившийся, меньше тянул одеяло процесса на себя.
Перед вызовом следующего свидетеля в зал зашёл лейтенант фельдъегерской службы, передал секретарю под роспись пакет. «Что там, давайте», — раздражённо распорядился председатель трибунала в чине генерал-лейтенанта. Секретарь, к удовольствию фотокорреспондентов, прошла к председательствующему, уверенно на каждом шагу колыхаясь грудью выдающейся формы, и, повернувшись к залу спиной не менее выдающегося качества, отдала фельдъегерское донесение. Председатель вскрыл пакет, прочитал документ с несколько обескураженным видом и кратко пошептался с двумя судьями-полковниками. Затем сообщил залу: «Объявляется перерыв на два часа. Заседание Особого трибунала возобновится в 16 часов 15 минут».

В подвальной комнате трибунала Московского военного округа окон не было, зато подсудимому почти сразу принесли обед — вполне сносный и даже не остывший. Тут не отнять, новая власть действительно установила новые порядки в отношении арестантов — пусть минимально послабительные, но в целом верные. Артёмов и сам в свое время входил в реформаторское крыло силовиков, считавших, что тюрьма оступившихся граждан должна исправлять, а не озлоблять — просто в силу здорового прагматизма: одно дело оступившегося либерала напугать, и совсем другое — укоренить его в ненависти к режиму долгим уголовным сроком. Но удалось это частично исполнить лишь на политических «звёздах», входивших в систему ГСН. Уголовные зоны и СИЗО так и остались пыточным ментовским конвейером. Ну или оставались таковыми до нынешних либеральных времён.

Как-то у них здесь дальше пойдёт, сумеют ли исправить вековечный каторжный российский порядок? Не воровской ход, понятно, — он им не по зубам, а именно арестантский режим. Бессмысленно гадать: сам-то он точно этих возможных изменений не увидит, недостоин. После обеда прилёг на нары, закурил. В который уже раз пришла ленивая мысль: а вдруг всё правильно они делают? Ну, вот это вот всё: свободы там всякие, конкуренция экономическая, мирная внешняя политика, забота о населении, ставка на человеческую единицу измерения качества государства. Очень привлекательные слова ваши, маменька, складно вы меня уговариваете замуж за этого бритого вдовца с аглицким акцентом. А что он первую супругу свою задушил, а вторую продал кучеру соседскому — то, понятно, не вина скорбного господина, а беда его: сами они юбки короткие понадевали да на балах неприличные мазурки отплясывали. Так и задремал — бессонница одолевала в последние дни: оно и неплохо, жаль на сон время тратить, которое совсем уже на исходе.

И только было приснился ему Глебка — как он на байк свой садится, рукой отцу весело машет, мол, на бал я сейчас, не волнуйтесь, долго не задержусь, — как дверь в камеру открылась и впустила Наума Борисовича, адвоката дьявола или по какому там разряду ныне проходят министры Госнадзора.

— Вы лежите, лежите, Евгений Станиславович, — попытался быть деликатным защитник, но Артёмов поднялся, сел за стол напротив.

— Неплохо всё идёт пока, — адвокат выказывал приличествующий случаю казённый оптимизм. — Слабые свидетели, по суммам компенсации видно, что не настрадавшиеся толком от режима. Мы их справкой соответствующей утрём. Заготовлена у меня бумажка соответствующая: если вы, милые мои, так настрадались от преследований подсудимого, то отчего же вам компенсация выплачена от ста до трёхсот тысяч всего? Вы ж не жертвы, вы так, мимо проходили. Нет, этот номер на расстрельную статью никак не тянет.

— Будут ещё и другие, основательные, — спрогнозировал очевидное Артёмов. — Сами же понимаете правила жанра, Наум Борисович.

— Ничего, и с ними справимся. У меня компромата на потерпевших довольно припасено. Присяжным понравится.

— Ну, вам виднее. Расскажите лучше, что там на воле творится, как идёт процесс строительства красивой России будущего?

— Строят, Евгений Станиславович, строят, — успокоил аккуратный в политических оценках Липкин. — Туву опять замиряют изо всех вооружённых сил, с Беларусью отношения напряглись хуже прежних, а в остальном, прекрасная маркиза, всё ничего так, ничего. Рымников в отпуске сейчас, во Вьетнам поехал греться. Путёвку купил в турагентстве, эконом-классом на чартере из Зареченска полетел, простым отдыхающим. Очень нарядная история, все информагентства умиляются. Генерал Седых вместо него в Евросовете выступал вчера: довольно жёстко обозначил место обновлённой России на изменившейся карте мира, сообщил, что свободная страна свободна от обязательств прежнего правительства и будет проводить независимую внешнюю политику. В русле общедемократических ценностей, понятно. Европейцам понравилось, аплодировали местами. Инфляция в стране подрастает, но строго в границах экономического прогноза. Народ не безмолвствует, конечно, не земсковские нынче времена, но в рамках дозволенного режимом переходного периода, без чрезмерных эксцессов. Футбольный клуб «Росгвардия» намедни обратно в «Динамо» переименовали. Так что всё идёт привычным стране чередом. В правильном, надеюсь, направлении.

— Понятно. От супруги свежих известий не было?

— В первую очередь бы рассказал. Нет, как неделю назад сообщение из Швейцарии получили, так ничего больше нового. Процесс у нас недели две ещё протянется, наверняка пришлёт весточку, не стоит беспокоиться. Я бы больше сейчас волновался на предмет перерыва сегодняшнего. Какая-то странная эмоция промелькнула у членов трибунала при получении срочного послания. Сверху, судя по всему, бумага, не сбоку же. У вас нет соображений, что там может быть?

— Нет, откуда им взяться. Посмотрим.
— Посмотрим-посмотрим, — Липкин встал, направился к двери. — Ладно, отдыхайте пока, Евгений Станиславович, полчаса у нас есть ещё. Вот вам бумага, напишете, если что-то надумаете здесь по поводу письма трибуналу или вообще по процессу. Встретимся в зале, передадите там.
Ушёл, оставив в камере запах дорогого одеколона. Довольно противного, нужно сказать.

Артёмов зевнул вольно, от души. В бессонные ночи он не о процессе беспокоился: о чём тут волноваться, если ни от тебя, ни от адвоката, ни от кукольных присяжных вообще ничего не зависит. Думал, как там Аля обустраивается в Европах. Лучше было бы, конечно, ей где-нибудь во Вьетнаме том же затеряться, в Таиланде, но Алевтина после единственной поездки на отдых в Паттайю категорически отказалась повторять подобный туристический опыт: ни климат ей тамошний не нравился, ни кухня, ни туземцы.
А в Англии нормально себя ощущала, в Норвегии, в Голландии. Лучше всего было бы отправить супругу куда-нибудь в Глазго, но к Британским островам у российских спецслужб всегда присутствовал болезненный интерес — их и Земсков не жаловал, а уж нынешние революционеры и подавно должны самым пристальным образом изучать всех жителей Альбиона с русскими паспортами и фамилиями, справедливо полагая, что их приземлённый там капитал вполне может оказаться не вполне легальным. Так что пусть уж лучше жизнь Алевтины и дальше протекает в регионе Альпийских гор. Швейцарцы всегда с большой неохотой допускали чужие спецслужбы к ревизии банковских счетов вкладчиков-нерезидентов. Хоть какая-то гарантия, слабая, конечно.
С Глебом тоже, кажется, всё идёт правильно. Судя по всему, принято окончательное медийное решение: сын за отца не ответчик. Практически все большие СМИ за последние полгода выпустили большие расследования, канонизировавшие в итоге группу Артёмова-младшего в качестве новомучеников преступного чекистского режима. Каждый раз, выходя из автозака у трибунала, экс-министр Госнадзора видел над толпой за оцеплением плакаты с изображением Глеба, надписями «Не прощу!», «Не стыдно, отец?» и прочими столь же дурацко-пафосными. Видеть лицо сына было тепло.
Ну что они могли знать про него и Глебку? Разве они качали его на руках по ночам с больным ушком, разве они умывали его, ревущего после падения с велосипеда, разве они прятали слёзы гордости за сына на выпускном концерте в музыкальной школе? Глеб для них просто символ их сегодняшней правды, а для него — единственный сын, которого уже нет. Никто не осудит за это отца сильнее его самого. Но пусть судят — на улице, в трибунале — лишь бы память о сыне осталась добрая и чистая. Глеб заслужил. Правда, память в России всегда короткая и переменчивая, как телеведущий Канарейкин, но можно же помечтать, что вдруг она станет настоящей и долгой. Вдруг новоявленная свобода пришла в эту особую страну с вечной судьбой трудного подростка навсегда? Тогда дай бог здоровья и долгих лет жизни Рымникову и его революции. Плевать, что пса земсковского режима Артёмова вычеркнут из памяти людской спустя месяц после расстрела. Важно, что Глебку будут поминать добром. Значит, он был не зря. В отличие от отца.
С другой стороны, государство сильно долгой исторической памятью, которую нельзя стирать и переписывать заново каждые двадцать лет. Никакое государство этого не вынесет, поскольку в каждом есть свои белые и чёрные клавиши: убери одни — ни концерт для симфонического оркестра не сыграешь, ни даже очередной хит Олега Безменова. Одна фальшь выйдет, одно мычание. Земсков вон дописывался уже, сволочь. И эти новые ничуть не лучше.
Вспомнил, как на Звезде-3 попытался донести эту свою нехитрую мысль до Стольникова. Видно же было сразу: неплохой он мужик, лишь по случайному праву старинной дружбы с Рымниковым вынесенный на пенный гребень революционной волны, не зверь-фанатик, лишь крови жертвы жаждущий. Просто неглупый человек, ошибочно считающий, что свобода самодостаточна, что лишь она может обеспечить иллюзию правды и справедливости в этом

мире. И Глебка так считал, и многие другие. Ну вот и пришла ваша свобода, легче вам стало? Не может жизнеспособное, деятельное государство ставить свободу во главу угла. Потому что рухнет эта конструкция сразу, разлетится на мелкие осколки, раздавит развалившейся пирамидой спокойный людской муравейник, угробит его, как медведь, пожелавший полакомиться в тайге муравьиной плотью. Ничего после такого гастрономического любопытства не остаётся от муравейника, побегут оставшиеся не слизанными с медвежьих лап муравьишки в дальний таёжный угол, инстинктивно прихватывая по дороге хвоинку малую, чтобы вновь начать строить под комлем упавшей сосны свой идеальный дом. А он, медведь Артёмов, медленно идёт за ними, принюхиваясь к тонкому следу муравьиной кислоты, отвлекаясь на ягоды неспелого ещё брусничника, на сладкие корешки саранок, на аппетитный недельный труп зарезанного и не доеденного сволочью-росомахой оленя. Ведёт его природный инстинкт выживания, который требует найти опять этот весёлый муравейник, раздавить, вырыть на его месте берлогу и, дождавшись плотной, уютно заметающей шерсть вьюги, заснуть на всю долгую сибирскую зиму, чтобы видеть во сне Глеба, Алю и зачем-то плюющегося в него свидетеля обвинения Валеру Цепышева — главного муравья бесконечной таёжной тропы...

— Хорош ночевать, — раздался над медвежьей головой Артёмова неприятный человечий голос. — На выход.

Судебный конвойный стоял в дверях, добродушно усмехаясь и позвякивая связкой ключей. Артёмов покрутил затёкшей шеей, встал, протянул левую руку. Старший конвоир привычно застегнул на ней браслет, приковавший его к правой руке сержанта, скомандовал «пошёл», и конвой повёл подсудимого на продолжение банкета революционного правосудия.

Зал судебного заседания был пуст. Конвой запустил Артёмова в выгородку за бронированным стеклом, снял браслеты, равнодушно уселся снаружи. За окнами потемнело, в щелях открытых на проветривание окон чуть подвывала редкая московская метель, заносившая в помещение мелкие снежинки. Мелочь, а приятно. Лермонтов бы сообщил, что воздух в зале был чист и свеж, как поцелуй, допустим, адвоката Наума Липкина, как раз вошедшего и выкладывающего из портфеля на стол свои бумажные защитные аргументы. Артёмов представил целующихся Лермонтова с Липкиным, весело поёжился.

Ничего не подозревающий о своих отношениях с классиком русской литературы Наум Борисович спросил: «Написали?» Подсудимый министр ГСН протянул ему в щель под стеклом листок. Адвокат быстро пробежал его глазами, возмущённо пожал плечами, положил в отдельную папку.

Заняла своё место секретарь трибунала с приятными для любого мужского взгляда формами. Назначенный на процесс военный пристав закрыл окна и открыл дверь для почтеннейшей публики. Конвой встал перед Артёмовым, пресекая пошлые вопросы журналистов и отодвигая на приличествующее расстояние нахальных операторов и фотокорреспондентов. Впрочем, представители прессы за время процесса уже успели уяснить, что подсудимый общаться с ними не желает, все возможные ракурсы с Артёмовым были отсняты на предыдущих заседаниях, потому традиционная ажитация длилась недолго, прекратившись со входом сплочённого тщательным отбором стороной обвинения коллектива присяжных. Выстроенная мизансцена приобрела завершённый вид после торжественного выхода членов Особого трибунала. Получившие разрешение сесть актёры массовки успокоились и в наступившей тишине ожидали начала второго акта допроса свидетелей, удостоверяющих для истории знаковые преступления одного из главных клевретов диктатора Земскова. Вместо этого председательствующий откашлялся и несколько смущённо, что ли, сообщил:

— В настоящий момент во все ведущие средства массовой информации России и мира направлено официальное заявление следующего содержания:

«В связи с окончательной победой Революции Гордости, руководствуясь принципами гуманизма, в соответствии со взятыми на себя обязательствами равноправия граждан страны, независимо от их политических убеждений, Малый Конвент Российской Федерации

постановляет.
Первое. Освободить от уголовного наказания за совершённые преступные деяния в период правления чекистского режима Земскова: ветеранов Великой Отечественной войны; ветеранов боевых действий; лиц, награждённых государственными орденами и медалями СССР или Российской Федерации; беременных женщин; лиц, имеющих несовершеннолетних детей в возрасте до 14 лет; мужчин старше 60 и женщин старше 55 лет; инвалидов первой или второй групп.
Второе: прекратить уголовные дела, находившиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия, а также уголовные дела, находящиеся в производстве судов и не рассмотренные до дня вступления в силу настоящего постановления, о преступлениях, совершённых лицами, указанными в пункте один настоящего постановления.
Третье: настоящее постановление вступает в силу со дня его официального опубликования и подлежит исполнению в течение шести месяцев».
Оторвал взгляд от официального документа на гудящий встревоженным ульем зал, из которого шумно потянулись прижимающие к уху телефоны журналисты, рявкнул: «К порядку! Пристав, обеспечьте!» Придавил тяжёлым взглядом аудиторию, налил в стакан минералки, выпил в тишине, продолжил:
— В связи с вышеизложенным Особый трибунал прекращает судебное слушание дела гражданина Артёмова Евгения Станиславовича и выносит постановление об освобождении его в зале суда и последующей передаче материалов дела в административное гражданское производство. Официальный вердикт трибунала будет подготовлен в установленный законом срок. Заседание Особого трибунала закрыто.

Финальный удар деревянного молотка разрешил присутствующим взорваться растерянным гулом эмоций. Редкие выкрики «позор!» были пресечены приставами, быстро вытеснившими публику из зала. Конвой выпустил Артёмова из стеклянной клетки и индифферентно умыл руки, отправившись в служебное помещение. Адвокат прервал процесс складывания в портфель защитной аргументации, повернулся к вышедшему на дарованную свыше свободу недавнему подсудимому, развёл руками:
— Неожиданно. Поздравляю вас, Евгений Станиславович.
— Спасибо. И вас.
— Нет, меня не с чем, — наконец застегнул дорогой пузатый портфель Липкин. — В вашем освобождении нет ни грамма моей заслуги. Что-то резко поменялось там, наверху. Вот и всё. Попытаюсь вывести вас отсюда через служебный вход, хоть что-то полезное сделаю.
— Очень мило с вашей стороны, Наум Борисович.
— Пойду договорюсь, посидите здесь пока. Придумайте, кстати, куда вас подвезти, к каким первым вратам свободы.
«А действительно, куда?» — спросил себя Артёмов, глядя в беспечную спину уходящего адвоката. Дача с квартирой давно уже обращены в доход государства, Аля в Швейцарии, близких друзей-товарищей в Москве не нажил. Пустая какая-то свобода выходила, бессмысленная, на первый взгляд. Теперь придётся как-то жить. Жить. Надо же.
«Может, Липкин что посоветует», — решил амнистированный министр. Как раз заглянул адвокат, приглашающе кивнул на выход. Жить, значит. Ладно.

Записка Евгения Артёмова адвокату Липкину.
«Огласите заявление, Наум Борисович.
«Я, Артёмов Евгений Станиславович, признаю себя полностью виновным по всем предъявленным пунктам обвинения. Предлагаю освободить свидетелей от дачи показаний, поскольку заранее согласен с их позицией.
Призываю коллегию присяжных вынести обвинительный вердикт в полном соответствии с суммой вменяемых мне преступлений.
Раскаиваюсь в своей многолетней преступной деятельности. О снисхождении не прошу».

Часть седьмая
Per aspera ad astra
Звезда — массивный газовый шар, излучающий свет и удерживаемый силами собственной гравитации и внутренним давлением, в недрах которого происходят термоядерные реакции. Словарь астрономических терминов

Глава 1
Артёмов
Танковая колонна катилась параллельно шоссе, вся в туче снежной пыли. Не прекращающийся три дня снегопад заметал Среднерусскую возвышенность, включая Москву и нарофоминский полигон Кантемировской дивизии, над которым сейчас громко ухали близкие учебные стрельбы.
Молоденький регулировщик в белой каске с надписью «ВАИ» поднял вверх полосатый жезл, остановивший машину с Артёмовым перед выложенным ребристым железом перекрёстком, который собирался пересечь танковый батальон. Рассмотрел номер, наклонился к нагрудной рации. Второй регулировщик, стоящий на выходе танковой директрисы, остановил головную командирскую машину колонны. Танк тормознул, клюнув вперёд длинным стволом, временно прекратив движение батальона на рубеж учебных стрельб. Ваишник приглашающе махнул жезлом чёрному «мерседесу», коротко козырнул поравнявшемуся с ним автомобилю. Артёмов обернулся на заднем сиденье: танки начали движение через оставленный позади перекрёсток.
Спустя пять минут машина миновала КПП и остановилась у командного пункта, от которого по ступеням сбежал лейтенант с жетоном дежурного, открыл дверцу «мерседеса», сообщил сопровождавшему экс-министра ГСН человеку в штатском: «Вас ждут». Тот учтиво показал Артёмову рукой направление, затем обогнал его и споро повёл мрачноватыми коридорами, которые привели в небольшой уютный начальственный кабинет с окном во всю стену, выходящим на полигон. Сказал: «Располагайтесь, товарищ генерал-полковник. Ожидайте». Вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. Артёмов подошёл к высокому, в пол, окну, смотрел на симметрию дальнего танкового построения, регулярно плюющегося дымом из стволов. Звуки выстрелов доносились до кабинета с чуть заметным опозданием.

«Прошу прощения за опоздание», — извинились тогда подошедшие к ним с адвокатом у выхода из здания трибунала двое поджарых, сухих мужчин в гражданской одежде, не скрывавшей военной выправки. Тот, что постарше, сунул в лицо Липкину удостоверение, Наум Борисович прочитал, кивнул, развёл руками: «Извините, Евгений Станиславович, здесь уже не моя епархия. Поздравляю ещё раз, будьте здоровы». Пожал руку, развернулся. «Спасибо, Наум Борисович», — сказал адвокату в спину Артёмов. Тот, не оборачиваясь, поднял вверх кисть, помахал ладонью.
Так и не успевший ещё до конца осознать факт своего неожиданного освобождения из-под стражи бывший подсудимый министр вздохнул, привычно протянул служебным людям сведённые вместе запястья. «Лишнее, Евгений Станиславович, — поморщился старший. — Мы не по этому ведомству, мы из службы, так сказать, спасения заблудших и оступившихся. Можете называть меня Чипом, а коллегу Дейлом. Давайте просто проедем в одно место, а если вам там не понравится, то спокойно его покинете и отправитесь, куда вам будет угодно. Как любой свободный человек в свободной стране». Вежливо излагал, уверенно, но с той настойчивостью, возражать которой не следовало, — генерал Артёмов легко угадывал эту верную убедительную тональность с первого раза.
Приехали в сосновый бор в окрестностях Рузы. Санаторий министерства обороны радушно распахнул железные ворота, машина Чипа и Дейла проскрипела шинами по укатанному снегу до отдельно стоящего небольшого коттеджа, у крыльца которого была воткнута в сугроб пара беговых лыж с ботинками. Дейл направился в сторону административного

корпуса, Чип открыл дверь ключом, пригласил Артёмова внутрь. Там было тепло, казённо-чистенько со следами наведённого уюта: в настольной вазе стояли веточки мимозы, из больших напольных колонок негромко звучал инструментальный джаз, с кухни тянуло запахом кофе.
— Вот ваше временное расположение, товарищ генерал, — гостеприимно повёл головой на санаторное благолепие спасатель Чип, где-то в ранге майора, подполковника — не старше. — Поживёте тут недельку подальше от досужей прессы, осмотритесь, отдохнёте, к свободе заново попривыкнете.
— А конвой здесь же будет жить или в отдельном помещении? — обострил Артёмов.
— Не стоит, Евгений Станиславович, здесь врагов нет. Отлежитесь, книжки почитаете, на лыжах походите, новости посмотрите. Вам же всё равно куда-то себя пристроить нужно было на первое время, самое непонятное для вас сейчас. А здесь тихо, спокойно, без лишних глаз и ушей. Просто отдыхайте.
— За чей счёт банкет?
— За счёт министерства обороны, конечно.
— И чем мне по итогу рассчитываться нужно будет? И с кем конкретно?
— Ничем существенным, поверьте. Может быть, одной встречей, деловым разговором. Но повторюсь, вы совершенно свободны от любых обязательств. Хоть сейчас можете выйти за ворота, сесть на электричку и уехать куда глаза глядят. Мы просто предлагаем вам некий минимальный комфорт на первое время — ни к чему не обязывающий, никак вас не ограничивающий.
На крыльце коттеджа послышались шаги, дверь открылась и впустила вероятного капитана Дейла, а с ним симпатичную служительницу культа ведомственного военного отдыха — тоже примерно капитанского чина.
— Это Вероника, ваш здешний ангел, — представил сотрудницу Дейл.
— Хранитель? — уточнил Артёмов.
— Зачем? Просто ангел. Ангел Вероника.
— Добрый вечер, — поздоровалась служивый ангел. — Я на минутку. Значит, завтрак у нас с восьми до девяти, обед с двенадцати до двух, ужин с семи до восьми. Вот талоны в столовую, если пожелаете, а если нет — то я вам сюда подавать буду. Отдыхающих у нас нынче немного, человек десять всего. Люди серьёзные все, докучать не станут. Лыжи если пожелаете подогнать или ботинки поменять — в главном корпусе специалист есть. Там же и меня найдёте всегда. Да, уборка номеров примерно в десять утра. Буфет работает, бассейн, бильярд, баня по желанию. Всё, кажется?
— Ужин прошёл уже. Ты бы придумала что-нибудь Евгению Станиславовичу на сон грядущий, — заметил Чип.
— Так в холодильнике же бутерброды, салаты, пиво, водочка. Коньяк на кухне, кофе там был горячий.
— Хорошо. Всё, ступай, Вероника, — отпустил ангела Дейл.
— Приятно вам отдохнуть, — попрощалась с Артёмовым служительница санатория и отправилась к месту постоянной дислокации.
— Что ж, и нам пора, — подытожил этот странный и долгий день майор Чип. — Поздно уже, Евгений Станиславович. Переночуйте по крайней мере, если решили без нашей помощи вписываться в этот мир. А утром будете решение принимать.
Больше всего Артёмову хотелось в душ и спать. Никакого решения наутро не пришло. Экс-министр, вспомнив томскую молодость, встал на лыжню и отмахал пять кругов между нарядных санаторных сосен. Читал, смотрел новости в телевизоре, опять катался на лыжах, впитывая в организм возвращение жизни. Ощущения были странные, но в целом приятные. На пятый день у утренней лыжни его ждал «мерседес» с майором Чипом. Покатался и хватит — пора и саночки возить.

В застеклённый наблюдательный кабинет вошёл министр обороны Седых. Формально

генерал-полковник ВДВ возглавлял Комитет по обороне и правопорядку Малого Конвента, но по сути выполнял функции министра, его так и называли тележурналисты, традиционно ленившиеся исполнять в эфире долгое обозначение начальственной должности. То, что на важный разговор его пригласил Седых, для Артёмова особой неожиданностью не стало. Ожидал, что встреча случится с кем-то из высших армейских чинов, но если сам министр решил выступить в качестве переговорщика — что ж, так даже лучше.
— Красиво стреляют, Евгений Станиславович? — встал рядом у окна Седых. — Здравствуйте.
— Здравствуйте, Анатолий Степанович, — Артёмов с удовлетворением отметил отсутствие попытки рукопожатия. — Наверное. Я ведь в этом мало что понимаю.
— Да что тут понимать, чистая эстетика. Точность сегодня оставляет желать лучшего, но тут пусть у комдива голова болит, мы же здесь не за этим, верно?
— Не знаю, вам виднее.
— Разумеется. Прошу, — Седых указал на дубовый стол в центре кабинета.
Расположились напротив друг друга.
— Зима как ладно легла нынче, снегу много, — исполнил ритуальное вступление десантный генерал. — Хорошо устроились в санатории, есть ли какие-то пожелания?
— Спасибо, всё нормально. К делу?
— Конечно, — Седых вздохнул, потёр затылок. — Чаю хочу. Будете?
Артёмов отказался. Министр ткнул в кнопку на столе: «Два чая». Через минуту Чип в штатском поставил на стол поднос с чашками. Седых бросил в чай ломтик лимона, раздавил ложечкой, помешивал. Молчал. Артёмов к свой чашке не притронулся, тоже молчал. Торопиться ему теперь было некуда, вся жизнь впереди. Так в тишине и чаёвничали.
— Хорошо китайцы придумали, — отставив пустую чашку, наконец сообщил собеседнику Седых.
— Что придумали? — не понял Артёмов.
— Чай. Да и многое другое. Две недели назад вот придумали перебросить в Маньчжурию с юга танковый корпус армии КНР. Вынуждены реагировать, — министр кивнул на окно, за которым ухали пушки Т-восьмидесятых.
— Готовите к отправке на Дальний Восток?
— Ничего нельзя исключать. Но это деньги, которых в стране сейчас, по сути, нет. Логистика, погрузка, разгрузка, разворачивание в зимних условиях, боевое слаживание, коммуникации, связь, сухпайки на первое время — миллионы и миллионы рублей, не факт, что не выброшенные на ветер. Что ваша аналитика говорила, Евгений Станиславович, есть угроза китайской экспансии в Сибирь? Военной, имеется в виду — про экономическую и так всё ясно.
— Ничего не говорила, — пожал плечами Артёмов. — Работали по старой концепции, принятой ещё в СССР: Китаю северные территории не нужны, были бы нужны — давно бы их прибрали, ещё до Ермака. Огромное пустое снежное пространство — бери не хочу даром. Не взяли. Не климат им здесь. Вполне внятная концепция, на мой взгляд, убедительная.
— Ресурсы. При Иване Грозном всем всего хватало, а сейчас и воздуха-то чистого поискать ещё. А лес, а вода, а нефть с ураном? Времена нынче другие, скудные. Есть сегодня жёлтая угроза, есть.
— Есть так есть. Я её не вижу, вы видите, чего мы тут спорить будем? Принимайте решения, выдвигайте новую стратегию — вы же новый мир строите, не я.
— Это верно, — Седых встал, подошёл к окну, смотрел на стрельбы. — Мне нужны материалы по «Апокалипсису», Евгений Станиславович. Собственно, не столько материалы, сколько ваше участие в новом проекте на основе уже готового, разработанного вашим ведомством плана. Самое что ни на есть руководящее участие.
— Вы же в курсе, Анатолий Степанович, проект «Апокалипсис» свёрнут, изделия деактивированы. Агентуру я вам не сдам, неоднократно уже говорил.
— Да на хер мне ваша агентура не сдалась! — взорвался министр обороны. — Желаете

чистоплюйничать — на здоровье, не для того мы вас из трибунала вытаскивали. Мне наработки ваши нужны, кадры, технологии, планирование. Запад был этому психическому Земскову враг, а нам с Америкой и Европой делить нечего. Свернули там проект — и отлично сделали. Давайте теперь его на Восток разворачивать.
— То есть против Китая будем дружить. Интересно. А Рымников ваш в курсе новой внешней политики? Он действительно её санкционировал?
— Нет никакой новой внешней политики, — Седых вернулся за стол, говорил раздражённо. — Василий Кириллович выстраивает доверительные отношения с США, с нашими прежними республиками, с НАТО — туда направлены главные усилия, и это правильно. Моя же задача — обеспечить национальную безопасность в наше, скажем честно, довольно смутное время.
Китай активизировался, нехорошо активизировался, не по-детски. Кто может поручиться, что азиаты не воспользуются нынешней слабостью России, не зайдут в Приморье с Забайкальем, не выйдут на рубеж Станового хребта? Пусть не завтра, а через год или три. И ничего мы не сможем им там реально противопоставить в людской силе и технике — хоть танковую дивизию туда перебрось, хоть ещё две пехотные. Они их даже не заметят.
А что заметят? Заметят сработавшее ядерное устройство в Пекине ли, в Шанхае ли или ещё где. Для Китая десять-двадцать миллионов людских потерь туда, десять-двадцать обратно — невелика утрата. Но готовы ли они платить полномасштабной ядерной войной за присоединение северных холодных территорий — очень большой вопрос. И пока единственная военная возможность для устранения угрозы жёлтой экспансии.
Седых убрал лишние эмоции, высказывал тезисы спокойно, уверенно. Чувствовалось, что они не спонтанны, но отражают давно принятую министром обороны личную теорию геополитического мироздания. Довольно стройную, но и вполне жутковатую, на вкус Артёмова.
Тем временем Седых перешёл к той самой конкретике, ради которой он пробивал амнистию ответственным фигурам чекистского режима, отсекал экс-министра Госнадзора от сторонних контактов, обеспечивал ему привычный казённый уют государственного человека.
— Мне нужен человек вашего калибра, Евгений Станиславович. А поскольку другого такого нет, то значит нужны именно вы. Армия не заточена на тонкие операции такого рода, мне некому поручить не то что разработку, но даже анализ первичных данных на этом театре военных действий. ГСН больше не существует как репрессивный аппарат внутреннего сгорания государства — и поделом, никакого сочувствия к чекистской модели войны с собственным народом у меня нет. К вам, кстати, тоже. Но внешние угрозы для страны никто не отменял. Потому предлагаю вам возглавить работу в этом направлении. Назовём проект, допустим, «Восточный экспресс». Тактические ядерные боезаряды в небольшом, но необходимом количестве у нас есть. За вами выбор места и способ доставки до утверждённых локаций на территории КНР. Ну и активация, естественно, при необходимости. Такое примерно будет моё вам предложение.
— А если оно меня не устроит?
— Значит, вы просто освободите место в санатории и начнёте хлопотать себе пенсию. Все изначальные договорённости остаются в силе. Но мне отчего-то кажется, что такая перспектива вас устроит не слишком. Не ваш масштаб.
— Допустим, я приму ваше предложение. Допустим. Где я найду людей, разбирающихся в сути поставленной задачи? Вы же всех загнали в проскрипцию, выселили из Москвы, ввели запрет на профессию. Сами уничтожили систему надзора и безопасности, своими руками.
— Значит, сами и возрождать будем. Вы только список подготовьте нужных специалистов, всех вернём. Создадим совсекретное управление Генштаба, восстановим в званиях, укрепим нужными кадрами ГРУ, выправим новые биографии, обеспечим исключительные условия для работы. Скажем, в том же санатории, где вы сейчас обретаетесь. Решайте. И помните, что кроме возвращения в строй защитников государства, вы ещё и возвращаете на службу из небытия бывших ваших сотрудников, которые сейчас в провинции биржи труда посещают

ежедневно и безрезультатно. Проскрипция — серьёзное клеймо по нынешним временам, им теперь новую жизнь с самого нуля выстраивать нужно. И не всем это удастся, далеко не всем.
Артёмов молчал, рассматривая дурацкую наглядную агитацию на стене за спиной генерала Седых. Тот прихлёбывал остывший чай из артёмовской чашки, не торопил.
— Могу взять три дня на принятие решения? — наконец нарушил молчание потенциальный руководитель направления тактических ядерных операций.
— Вы же его уже приняли, Евгений Станиславович, — усмехнулся министр обороны, встал из-за стола. — Ладно, два. Два дня ещё отдыхайте, потом сообщайте и приступим к работе. Будьте здоровы.
Седых вышел из кабинета лёгкой походкой человека, с чьих плеч свалился груз серьёзной ответственной задачи. Артёмов остался слушать канонаду полигона Кантемировской дивизии в ожидании возвращения курирующего его майора Чипа. Или подполковника, чёрт их, этих военных ангелов-хранителей, разберёт.
Решение — Седых прав — им уже было принято. Чего тут решать, в самом-то деле.

Текст на плакате наглядной агитации в кабинете полигона гвардейской Кантемировской танковой дивизии:
«Техническое обслуживание, ремонт (при необходимости) и заправка горючим и смазочными материалами техники, принимающей участие в «Танковом биатлоне», проводится силами и средствами отделений технического обеспечения команд Конкурса на базе парка боевых машин воинской части. Допускается привлечение представителей промышленности и их ремонтных органов. После приема техники и составления Акта технического состояния ответственность за техническое состояние танка возлагается на принявшую его команду. Для исключения доступа к технике посторонних лиц, силами команд танки зачехляются, опечатываются и сдаются под охрану. Без согласования с представителем завода-изготовителя и главным судьей конкурса запрещается изменять заводские настройки, регулировки, установки, нарушать целостность пломб, вносить конструктивные изменения. Танк, у которого будут выявлены вышеуказанные нарушения, к соревнованиям не допускается, экипаж дисквалифицируется».

Глава 2
Лечинская

В инсульт Рымникова верилось не очень. Сводки о состоянии здоровья председателя Конвента доходили до Зареченска из лондонской клиники честно-тревожные, как принято нынче у свободной и независимой до самолюбования российской прессы.
Официальные сообщения английских врачей из реанимационной палаты, где лежал в коме Василий Кириллович, сомнений не вызывали: диагностирован геморрагический инсульт, наблюдаются отсутствие кожных рефлексов, спорадические судороги, повышенное внутричерепное давление, пациент находится на ИВЛ, проводится комплексное лечение нейролептиками и коррекция сердечной деятельности, хирургическое вмешательство вполне вероятно в течение ближайшего времени, общий прогноз на благоприятный исход более чем осторожный.
Собкоры российских СМИ давали сто очков форы местным папарацци — клиника была просвечена объективами телекамер насквозь, допрошен с пристрастием каждый уборщик больничных палат, изучено содержимое госпитальных мусоросборников, опрошены все британские эксперты по мозговому кровообращению и практической астрологии. На основании изученного массива данных аналитики давали прогнозы в силу своих когнитивных особенностей: от «жить Василию Рымникову осталось два понедельника» до «у моей тёщи первый инсульт случился в девяносто втором, а она и сейчас жива-здорова и без рюмки водки за стол не садится».
Лечинская выключила телевизор, гонящий в режиме нон-стоп по всем каналам главную новость вчерашнего дня, налила рюмку кедровой, закусила мороженой, но уже поплывшей

красным соком клюквой. Компьютера в доме Юры заведено не было, а вникать в альтернативные новости на плейфоне не хотелось, лень.

Юра же и сообщил об инсульте Рымникова ранним утром при встрече в аэропорту Зареченска, ни о какой гостинице слушать не хотел («мне Лена не простит»), привёз на такси домой, сразу налил кедрового самогона собственного производства за здоровье Васи. Ударенная случившимся Нина возражать не стала. Потом как-то так всё и пошло: пельмени, кедровая, новости, рассказы о Лене, воспоминания о Стольникове с Рымниковым, привезённый в подарок Ниной французский коньяк, яичница с салом, опять новости из Лондона, споры про размеры компенсаций пострадавшим от режима. Оба сходились в том, что Вася, Василий Кириллович, здоровее их обоих вместе взятых, только Юра верил, что человек смертен и, более того, внезапно смертен, а Нина в такой литературщине здорово сомневалась, её терзали смутные сомнения.
Хороший мужик этот отчим Лены — такой основательный хозяйственный директор из бывших, чем-то напоминающий светлой памяти Деда Никодимыча со Звезды-3. Пьющий только, так это больше в плюс: Лечинская давно уже с нехорошим подозрением относилась к правильным некурящим трезвенникам, жизнь научила обходить их стороной — чем здоровее образ жизни, тем ниже случается порог совести. У Юры и с совестью, и с пагубными привычками всё было нормально, по-людски. И заставлять его не нужно было рюмки наполнять, сам справлялся в нужном темпе, не затягивал, как Рымников, вечно отвлекающийся от бутылки со своими проповедями на заданную тему. Отвлекавшийся.
От выцеливания вилкой ускользающей клюквины отвлёк звонок Лены.
— Привет, мать. Как ты там?
— Нормально, дочь. У Юры пока ещё. Сейчас дождусь его из банка и буду в гостиницу перебираться.
— Ты там не перебираешь сильно-то? А то язык у тебя, гляжу, уже за мыслью не шибко поспевает.
— Не придумывай. Мысль отчётливая: все мы продолжаем катиться в говно. И чем дальше, тем быстрее. Куда уж проще.
— Нина, слушай, ты поспи сейчас, а к вечеру съезжай уже от Юры. Он хороший, но вдвоём вы завьётесь верёвочкой на неделю. Ты же из Москвы сбежала, чтобы завязать с этим делом, обещала мне. Забыла?
— Ну что ты, Леночка. Хорошая моя. Так и сделаю. Обязательно, поверь. Расскажи лучше, что там в столице сейчас, после Рымникова-то.
— Непонятное. Дэник звонил полчаса назад, говорит, бэтэров колонну видел на Садовом. Войска, объявили, приведены в состояние повышенной боевой готовности. Гонтаренко на звонки не отвечает. Станции метро в районе Красной площади закрылись. Плачу вот весь день. Может, выкарабкается дядя Вася, как думаешь?
— Конечно, выкарабкается. Он же зареченский, крепкий, ты вспомни. Всё образуется. Или всё сгорит к ебеням. Два варианта, других нет.
— Ладно, ты там лексикой своей богемной Юру только не очень пугай. Всё, ложись. Вечером перезвоню. Обнимаю, пока.
Клюквина ускользала-ускользала, да не выскользнула, нейтрализовала ароматной таёжной кислотой обжигающую горечь опрокинутой в организм кедровой. Организм взбодрился и потребовал чаю — крепкого до черноты, как было принято у них с Леной на «звёздочке».
Где-то там на Звезде-3 затерялся нынче Нинин муж, Николай Стольников, ближайший друг и соратник вождя Революции, зависшего сейчас в лондонском госпитале между мирами Брейгеля и Рублёва.
Знает ли о дружочке своём закадычном? Не факт. Спутниковая связь, и без того слабо пробивавшая ионосферу или чего она там пробивает, окончательно рухнула уже месяц как, но Коля был готов, предупредил заранее. Сказал, чтобы не волновались: если так и не пробьётся обещанный с осени полковником Андреевым вездеход, выберется с ближайшей

оказией — охотники выйдут на Звезду или аргиш эвенков случится, как-нибудь не пропадёт. Да и хорошо ему там в тайге отдыхается, чувствовалось по голосу. Сбросил с себя напряжение последних лет, Москву, революцию, Конвент, «Лекцию» эту, Четвёртую пандемию, сидит в тёплом коттедже, радио слушает, посмеивается в бороду над нами, никудышными.
Зря она тогда сорвалась оттуда в столицу. Сидели бы сейчас вместе у печки, чай пили. Или лежали даже...
Чайник вскипел. Нина налила в кружку заварки на две трети, разбавила кипятком почти чёрный напиток. Вспомнила дедову присказку «а перед чаем и барыня пила!», усмехнулась верности народной мудрости, налила ещё рюмку Юриного самодельного, выпила, выщепила в банке аккуратный солёный огурчик. Успела подумать: «А хорошо у нас в Зареченске». Тут и Юра вернулся, зашумел в прихожей позвякивающими пакетами.
— На рынок заглянул, баранины взял. Хорошая, молодая — там казах знакомый торгует. Сейчас мы с тобой её в духовку на пару часов — язык проглотишь, что ты. В Москве, поди, ни баранины, ни конины нормальной не отыщешь, так?
— Так. Нет, Юра, в гостиницу поеду, нужно как-то жизнь начинать здесь заново устраивать. Загостилась у тебя.
— Конечно, поедешь. Пообедаем бараниной и поедешь. Давай пока с мороза по рюмочке, продрог, — Юра глянул на неё в промежуток между большим и указательным пальцами.
— Ну, давай.
Водку Юра пил деликатно, маленькими глотками, но до дна. Оттопыренный мизинец так и просился в портрет аккуратного тихого пьяницы как символа России начала двадцать первого века. Незаметное поступательное самоистребление в приятной атмосфере изменённого сознания. Уходящая натура, как она есть. И пить.
— Ты Лёшку Куницына не знала ведь? — Юра сразу налил по второй.
— Нет. Я и тебя не знала, пока ты к нам с Колей на свадьбу не приехал.
— Ну да, ну да. Брата его двоюродного, Игоря, встретил сейчас на Хитром. Так никаких новостей про Лёшку и нет ни у кого. Они ведь друзья были с Опоздайкой да Колей твоим знаешь какие, что ты. А пропал Лёшка месяца три назад, как в болоте Васюганском сгинул. В розыск объявили, по всем телеканалам зареченским фото вывешивали — всё без толку, с концами. Шибко он меня поддерживал, когда Лену на исправление забрали, не гнушался пораженца, а вишь ты, как оно обернулось. Теперь и с Васей вот беда. Ну давай за них, пусть всё наладится.
Нина подняла рюмку, но пить не спешила, поставила.
— Нет, Юра, я всё. Лена звонила, привет тебе. Я спать сейчас, потом в гостиницу. Обещала ей.
— Поспи, конечно. Проснёшься — мясо уже как раз готово будет. Сиди, я сейчас.
Юра прошёл в дальнюю спальню своей большой, статусной по давним советским временам квартиры, достал из шкафа подушку. Вернулся на кухню за Ниной, помог ей добраться до дивана, уложил, укрыл пледом.
— Телевизор включить тебе? Ладно, спи.
— Ты хороший, Юра. Спасибо.
Нина закрыла глаза и какое-то время слышала с кухни отзвуки Юриной борьбы с мясом. Потом шум воды и звяканье ножа отступили и сменились привычным звуком напильников по металлу: вжик, вжик-вжик-вжик, вжик, вжик-вжик...

Никодимыч с Юрой стоят у поддона готовой продукции, держат в руках корпуса манометров, спорят. За рабочим столом сидит только бригадная Вера, машет Нине пачкой сигарет, кивает на скамью рядом. Нина выключает станок, снимает пластиковые очки, присаживается, вытягивает «Приму» из Вериной пачки, прикуривает. Пальцы блестят въевшимся металлом. «Чего они?» — кивает на мастеров. «Рымникова обсуждают», — равнодушно отвечает Вера, и Нина сразу вспоминает, что Василий Кириллович начал доносить в опеку и теперь их за это

лишат на полгода «тропиков».
Тут же и обнаруживается, что стол их металлический с прикрученными тисками стоит на пляжном белом песке, похожем на сахарный, кругом пальмы с лианами, а к ним приближается вежливая конвойная овчарка на длинном поводке, конец которого теряется в зарослях тропической растительности. Бригадирша смело берёт собаку за голову, тормошит, пытается завязать ей уши на бантик, хохочет. Нине страшно, она ждёт того, кто сейчас даёт овчарке играть с ними, не показываясь из джунглей. Псина часто дышит, далеко высунув розовый в черноту язык. Нине от жажды хочется сделать так же, но язык трётся о нёбо, как наждак, высовываясь изо рта лишь небольшим сухим и шершавым кончиком. Вера хочет помочь, достаёт из кармана робы личнёвый напильник и собирается пройтись им по языку Нины, как по корпусу марки А-100, но ей из-за спины говорит Никодимыч: «Постой-ка, глянь, кто тут у нас сегодня». Из кустов выходит Лена, отпускает на волю поводок вместе с собакой, бежит по песку к ним, хохочет, как на воле, а сама в бушлате зимнем, обтёрханном и штанах ватных.
«Ленка! — радуется Нина. — Ты откуда тут взялась?» Невнятно выходит, с языком-то сухим, непослушным. Все смеются над ней — Лена, Дед Никодимыч, Верка, Юра, тётка Оля, Рымников, девочка Фёкла с прозрачными на солнце каштановыми волосами. Необидно хохочут, весело. И Нине обязательно нужно найти мелок пастели, чтобы зафиксировать их, пока не поздно, пока не ушли, пока хорошие, добрые, смешные, родные. Она ищет его в карманах робы, вспоминает, что целый, только начатый набор остался на подоконнике Гешиной квартиры, оборачивается — точно, лежит открытый за занавеской, в знакомой гамме цветов от светлого к тёмному. Пастель привычна на ощупь, приятна, просится к руке, рука к бумаге. Так и бумага вот она, на мольберте уже, нужно только обернуться, увидеть их всех опять, быстро схватить из воздуха эту секундную возможность поймать объединяющую эмоцию, выплеснуть в быстрые штрихи, чтобы потом освобождённо и счастливо вздохнуть, дать им увидеть общий портрет — и внутри станет хорошо и просто, свободно, чуть празднично.
Вот только бы попить, чтобы смыть с языка эту противную металлическую шершавость Звезды, мешающую легко вздохнуть, легко погрузиться в хорошее. Там, на кухне, там стакан в настенном шкафчике, там струя из крана, холодная, если её слить секунд тридцать. Нужно только выдержать эти полминуты — и всё будет очень хорошо, всё будет прекрасно.
«До третьей звезды нельзя, старая, ты же знаешь, — Геша стоит у кухонного окна к ней спиной в своём смешном халате до пят. — Терпи. Ваш Христос терпел и нам велел». И странно как-то: это же Геша, маленький лохматый живой Геша! Надо бы броситься к нему, обнять, растормошить — а нельзя. Не ровня ты Геше нынче, Нина, не ровня. «Мне б только попить. Ты прости меня, Геша, за тогда, не нужно тебя было отпускать». Смушкевич оборачивается, смотрит на неё, усмехается, качает головой: «Вот же дура ты, Лечинская. Сказано нельзя, значит нельзя». Строгий.
Паника жажды подбрасывает Нине последний аргумент: «Так я же видела Третью звезду, Геша. Я на ней исправлялась, Геша. Можно мне попить, Геша?» Смушкевич озадаченно хмыкает, трёт переносицу: «Сейчас». Быстрым шагом выходит в спальню. Нина вспоминает: «Геша, а ты Колю моего видел?» «Нет, — глухо отвечает из спальни Геша. — Колю ещё какого-то. Сейчас, сейчас».
До звезды уже Нине третья звезда, до звезды и Гешины запреты. Вода, пить. Хромированный вентиль заржавел, не крутится, наконец подаётся. Кран сипит, выдавливает из себя тонкую, сразу прервавшуюся струйку ржавой воды, которую и облизать-то с пальцев не успеешь.
«Вам же запретили, Нина Яковлевна, — выходит из Гешиной спальни Виктор Андреев. — Все мы с Третьей звезды, но нельзя же так. И Николай Николаевич поддерживает». Конвой выводит из лекционной Стольникова на футбольную площадку, расположенную на привычном месте, за коттеджами сотрудников проекта, ставит его на колени. «Согласны, Николай Николаевич?» — уточняет вопрос Виктор. Запёкшийся в жажде рот Лечинской не даёт вырваться наружу распоследней обсценной лексике в адрес полковника.

«Не согласен», — наконец шепелявит разбитыми губами Стольников. Полковник Андреев пожимает плечами: «Воля ваша, Николай Николаевич. Фас». Две ментовские овчарки срываются с конвойных поводков и, разбрызгивая пену из пасти, мчатся к последнему, итоговому пораженцу. «Не-ет! — хрипит в последнем ужасе Нина. — Не-ет!» Пытается вырвать локоть, который держит в своей ладони полковник, но хватка у него жёсткая, железная...

— Тихо, тихо, — пробивается к сознанию голос Юры. Он пытается удержать руку Лечинской, которая вырывается из страшного, а сама она кричит, бьётся, хочет сесть на диване. — Да подожди ты, — сердится Юра. — Всё нормально, всё уже хорошо. Сейчас, сейчас. Это Иван Леонтьевич, он поможет.
Нина не понимает, смотрит на незнакомого мужчину, натягивающего стерильные медицинские перчатки на уверенные в движениях ладони.
— Больно не будет, — успокаивает непонятно откуда взявшийся в Юриной квартире Иван Леонтьевич. — Руку позвольте.
Закатывает рукав Нининого свитера, привычным движением накладывает давящую резину выше сгиба локтя.
— Кулаком работаем, достаточно, — аккуратно, небольно вводит иглу в вену, крепит пластырем. — Вот и всё. А это мы сюда.
Поднимает голову Нины, кладёт под затылок прохладный пакет с прозрачной жидкостью, трубка от которого тянется к вене.
— Что это? — почти спокойно спрашивает пересохшими губами Нина.
— Стандартный инфузионный раствор, — снимает перчатки непонятный Иван Леонтьевич. — Минут сорок так полежите, я подожду. Попить бы ей. Пойдёмте, выпишу назначения на сегодня.
Юра успокаивающе подмигивает, провожает специалиста из спальни, возвращается со стаканом холодной, прекрасной минералки.
— Толковый доктор, — поясняет хозяин квартиры. — Раз пять сам его вызывал прокапаться. Это ничего, это бывает. Через час как новенькая будешь, что ты. И баранина уже готова.

Через час Нина действительно была если не как новенькая, то и не как старенькая алкогольная развалина. Иван Леонтьевич свое дело знал крепко.
Через полтора она уже шла по проспекту Нефтяников в отель «Тобольские ворота». Гостиничный номер по первому же телефону из справочника нашёлся легко и просто, а до Тобольской площади от Юриного дома пешком всего-то два квартала.
От ужина Лечинская отказалась — даже всегда обожаемый настоящими зареченцами запах правильно приготовленной баранины ей казался сейчас до отвращения тяжёлым. Юра не стал настаивать, понимал. Чемодан Нина оставила у Лениного отчима, тот обещал завтра принести, в уже безалкогольном состоянии — Юре-то систему никто не ставил.
Лечинская шла по ярко освещённой вечерними фонарями улице в пришедшем наконец ясном понимании факта окончательного возвращения домой. Не как с исправления, когда ты из одного поселения возвращаешься в другое, со смягчённым режимом: под официальный надзор опеки, с поражением в правах и невозможностью выхода в интернет. Не в заполошную чужую Москву, так переломавшую и перевернувшую её жизнь, включившую странное возвращение на Звезду-3 и финальное бегство с неё обратно в суету большого вечного города.
Нина шла по своему старому, знакомому с детства, негромкому, чуть неуклюжему домашнему Зареченску. Куда скоро вернётся Николай из своей добровольной ссылки. И станут они здесь жить-поживать долго, счастливо и когда-нибудь умрут если не в один день, то по крайней мере не чёрт знает где, а в привычном и уютном мире. И Лена приедет в гости к отцу, да и к Нине тоже, и к Юре. Впереди спокойная, ровная, свободная жизнь. Вот только организм всё равно чуть потряхивает. Нужно снять этот досадный раздражающий фактор,

мешающий тёплому погружению в забытое, хорошее.
На противоположной стороне проспекта светился ранней предновогодней иллюминацией новый, незнакомый Нине супермаркет. «Только пиво», — твёрдо пообещала самой себе Лечинская и спустилась в удачно подвернувшийся подземный переход.
По ранневечернему времени очереди к кассам двигались не споро. Зареченцы выкладывали из тележек на ленту частные продуктовые закрома. Со своей сиротливой бутылкой «Таёжного» Нина смотрелась легкомысленной стрекозой среди серьёзных муравьёв, нагружающих к грядущим праздникам многочисленные пакеты снеди. Ожидание скрашивал висевший над муравейником телевизор, в котором генеральный директор издательства «Лекция-групп» Виктор Андреев в интервью ведущему главной информационной программы демонстрировал только что вышедший на немецком языке пятый том «Хроники чекистского режима». Общий мировой тираж сборника преступлений времён Земскова уже приближался к двум миллионам экземпляров. Права на производство документального сериала у издательства выкупили сразу несколько кинокомпаний Америки и Европы. Издатель называл «Хроники» главной книгой человечества двадцать первого века.
До дежурно улыбающейся усталой девочки-кассирши оставалось всего три тележки с прилагаемыми к ним покупателями, когда ведущий прервал отчёт Виктора Андреева для срочного сообщения. На экране возникло скорбное лицо диктора Евгения Белкина: «Час назад в лондонской клинике на пятьдесят девятом году жизни, не приходя в сознание, скончался председатель Конвента Российской Федерации Василий Кириллович Рымников. Страна понесла тяжелую, невосполнимую утрату...»
Дорогие сердцу Лечинской стоящие перед ней зареченцы продолжали выкладывать на ленту кассира оливки, колбасу, сыр, хлеб и бритвенные лезвия «Жиллетт» с полки сопутствующих товаров. Нина обернулась к стоящей за ней в очереди молодой женщине: «Я буквально на минуту, хорошо?» Девушка оторвалась от плейфона, кивнула: «Конечно. Пожалуйста». Лечинская вернулась в знакомый отдел, бегло осмотрела полки, выбрала «Особую хрустальную» и успела вернуться с водкой в свою очередь на кассе.
Диктор Е. Белкин продолжал перечислять вехи жизненного пути Василия Кирилловича Рымникова. «Прости, Лена», — внутренне извинилась Лечинская и полезла в сумочку за картой. Кассирша пробила товар, спросила:
— Всё?
— Всё, — ответила Нина. — Всё.

Назначения врача наркологического стационара Ивана Леонтьевича.
«Обильное питьё, клюквенный морс.
Через час — чашку мясного бульона, можно из баранины.
Вечером — прилагаемый порошок на основе аспирина растворить в горячей воде, дать выпить.
По возможности лежать, спать в течение ближайших суток.
Симптоматика довольно запущенная, предложил бы анонимную госпитализацию в нашу клинику для комплексного лечения. Расценки умеренные, телефон на визитке».

Глава 3
Лена
Мадам за соседним столиком, вытянув губы в трубочку, подставила щёку для поцелуя своему спутнику. Тот ритуально обозначил прощальный жест, надел кашемировое пальто, сказал ей: «O'k, d'accord on se voit plus tard», — и покинул ресторан «Небо Парижа». Оставшаяся в одиночестве за столиком у окна с фешенебельным видом на Эйфелеву башню мадам кивком попросила официанта наполнить ей бокал. Потягивала красное вино, скучно смотрела на панораму французской столицы с 56-го этажа Монпарнасской башни.
«Тысяча франков дополнительно за бронирование места у окна», — сообщил, сверившись с гастрономическим путеводителем, Дэник. Лена учла информацию, соображая, каким

образом следует в Париже расправляться с паштетом, если ты его видишь первый раз в жизни. «Да хоть руками ешь, — порекомендовал опытный нерусский продюсер. — Никому тут до тебя нет ни малейшего дела». Лена не вняла совету, решив всё же использовать какие-нибудь нож с вилкой из предложенного заведением богатого ассортимента столовых приборов с позолотой. Хотела бы она вести себя в ресторанах столь же свободно и независимо, как эта француженка за столиком с арендной стоимостью 1000 франков за вечер. Как ни отказывалась Лена от ужина в одном из самых дорогих заведений столицы Франции, Дэннис был непреклонен: «Париж стоит не только мессы, но и потраченных денег. И если их тратить, то на аутентичную французскую кухню, о которой все слышали, но мало кто её, как это по-русски, познавал». В то, что познавать французскую кухню можно и в ближайшем от отеля аппетитном бистро, Дэника убедить не удалось, потому что, видите ли, высокая кухня везде в мире представлена исключительно в пятизвёздочных ресторанах, а не в узбекских забегаловках на Дмитровке. Опыт же Лены говорил, что чем липче клеёнка в забегаловке, тем вкуснее там плов, самса и манты, которые точно уж не идут ни в какое сравнение с подогнанными под европейский вкус восточными блюдами из дорогущей, стерильной «Чайхоны» на Арбате. Но то у нас, а как в Европах, Дэну, понятно, виднее, чёрт бы его побрал, этот паштет.

У элегантной мадам тем временем произошла смена композиции. Искоса от паштета Лена наблюдала, как француженка отвлеклась от заоконной панорамы, вынула из дорогого футляра очки, небрежно ткнула в телефон и сказала в трубку: «Лизка, привет, это я... Кто-кто? Наташка Гербер, не узнала? Значит, богатой буду... В Париже сижу в ресторане, на Эйфелеву башню смотрю... Как там твои: Ромка, Владик?.. Не пьёт? Да ладно? Неделю? Ну, не срок, конечно, но так-то неплохо. Поздравляю, подруга... Как тебе сказать, скучно здесь, в общем, после Пензы, после России... Да с каким французским любовником, шутишь? С адвокатом... Не знаю, толковый вроде, но чувствую, хочет меня развести, как лахудру последнюю, сучонок... Когда приедешь-то? Летом?.. Смотри сама, конечно, только там у вас к лету опять под какую-нибудь новую опеку все ляжете, и накроется твоя поездка... Бежать нужно, Лизкин, оттуда, пока можно. Ничего в России от века не меняется, хоть ты ей кол на голове теши... А, ну тогда конечно. Новая жизнь, красивая Россия будущего, «либерте, эгалите, фратерните» — ты не забыла, я во Франции сейчас, алё?.. Ну, смотри сама, надейся и верь... Пока, Владику привет».

Мадам убрала телефон, сняла очки, бросила острый взгляд на Лену с паштетом и, неожиданно улыбнувшись, подмигнула. Взяла сумочку, накинула на плечи роскошный палантин. Проходя мимо, лёгким игривым движением руки чуть взлохматила причёску Дениса и скрылась за поворотом в гардеробную, с элегантностью опасной кобры кивнув на прощание чопорному метрдотелю.

— Что это было? — Дэник пригладил волосы и вернул назад отвалившуюся челюсть.

— Приют эмигрантов, свободный Париж, — автоматически ответила Лена.

— Чего? — переспросил непонятливый американский человек.

— Ведь я институтка, я дочь камергера, — напела ему русская подруга. — Мой отец в октябре убежать не успел, но для белых он сделал немало. Срок пришёл, и суровым вердиктом «расстрел!» прозвучал приговор трибунала.

— А, фольклор, — дошло до Дэнниса-Дениса. — Думаешь, она из русских эмигрантов первой волны?

— Да не знаю я. Слушай, мне здесь кусок в горло не лезет. Пойдём, а? Завтра вставать рано.

— Пошли. Миссия исполнена, забудьте, — иногда игра русскими словами у Дэника получалась смешно.

В лифте, а затем в такси от Монпарнаса до отеля Лена думала о том, что в Париже ни разу не был отец, и мама не была, и Юра, и Рита, не говоря уже о деде. Хотели бы они здесь очутиться? Только мама, наверное, — ей нравились импрессионисты, и портрет Жанны Самари на стене кухни озарял своей улыбкой всё детство Лены. Дед был суров и почтенен,

тому Париж приспичил бы, как молоко к селёдке. Рита с Юрой были слишком зареченские для Елисейских полей. Отец всегда говорил, что всякий отпуск предпочтёт провести в тайге, чем в любой загранице, патриот Сибири. А она вот теперь причудливой рукой судьбы заброшена в мечту многих поколений советских, позже российских людей.
Не радует мечта, всё здесь какое-то чужое, неправильное, нерусское, кроме той кобры из ресторана. И это ещё Европа, а завтра вечером Лене предстоит первое свидание с самой что ни на есть Америкой — страшной сказкой для правильного глубинного народа России и печальным магнитом для intelligentsia, искони держащей Нью-Йорк за храм благонравия. Впрочем, intelligentsia и фотографию Че Гевары почитала за икону праведника всея угнетённых. Ладно, поглядим, как оно там на самом деле.
Команду на возвращение из Москвы центральный офис National Geographic Channel дал продюсеру российской редакции Дэннису Косински через неделю после смерти Василия Рымникова. «В Вашингтоне считают, что лучше переждать ситуацию дома, — объявил Лене в начале декабря Дэник. — У нас с офисом не спорят, не Россия, чай. Поехали, два дня тебе на сборы». Поехали так поехали: Лена давно решила, что история сильной женщины ей порядком поднадоела и пора побыть слабой мужней женой. Ну, формально не женой, так и не сущими формальностями жив человек в нашем суровом и яростном мире. Визу на всякий случай Дэн открыл ей ещё полгода назад — вот этот случай и выпал на Ленину биографию. Бердин, взяв длительный отпуск, к тому времени уже уехал в Грецию. Денис за него был спокоен: у оператора давно сложились неформальные рабочие отношения с местным научно-познавательным телеканалом, а офису знать о халтуре Лёшки не обязательно — рабочий контракт приостановлен, но не разорван, при возобновлении функционала московской редакции команда вновь соберётся в дееспособной конфигурации, как уже случалось в прошлый раз, после двухмесячной паузы на антиземсковскую революцию.
За отца, так до сих пор и не вернувшегося из своего странного отпуска со Звезды-3, Лена почему-то была спокойна. В последний его приезд в Москву папка с таким удовольствием рассказывал, как ему будет отлично отдыхаться в тайге, что она даже завидовала его странному желанию добровольного обретения личной свободы в географической точке максимальной несвободы, в представлении Лены. Жизнь забавами полна и неожиданными поворотами. Пусть, может это и к лучшему по нынешним временам военного положения — хоть и мягкого в ограничительных мерах, но какого-то тревожного в потенциальном векторе постановки страны в строй ради мира и порядка на земле. Лена своё строем отходила и приближение конвоя чувствовала за версту. Лучше бы от него подальше — хоть в Америку, хоть в тайгу.
С Ниной нужно бы было повидаться перед отъездом, так она сейчас лежит в зареченской наркологии. Хорошо лежит, спокойно, как говорит Юра. Доктор у него там знакомый, обещает, что через неделю выйдет как новенькая, а сейчас лучше её не срывать на лишние эмоции. Ну, правильно говорит, наверное. Дай-то бог.
А больше никого у Лены в России, по большому счёту, и не оставалось. Потому рассматривала она нынешнюю поездку в США как краткосрочный визит вежливости на родину Дэнниса-Дениса, как экскурсию в его домосковскую жизнь. Интересно же, если любишь человека, а хоть бы и американского. На родителей его посмотреть, на старшую сестру с племянниками — как в кинотеатр сходить на семейную сагу: «Легенды осени» с Бредом Питтом или «Крёстного отца» с Аль Пачино. В общем, там видно будет, что за кино.

— Есть хочу, — заявила Лена у дверей гостиницы.
— Я знал, — расплылся в ехидной улыбке Дэник. — Хочешь — в ресторан отеля заглянем, хочешь — в номер ужин закажем. С шампанским.
— В забегаловку хочу, — не согласилась Лена. — С нормальными людьми, а не с...
Пощёлкала пальцами, подбирая слово. Дэннис понял.
— Ну, пошли, поищем.
Двинулись по улице вверх от Сены, на ближайшем перекрёстке увидели подходящую

вывеску.
— Прекрасная всё же память о русских казаках, — не преминул заметить Дэн, устраиваясь на угловом диване за столиком.
— М-м? — хищно подняла бровь Лена.
— Возможно, в Зареченске этого не знают, но название «бистро» происходит от русского «быстро, быстро!». Так поторапливали обслугу в местных забегаловках казаки, освободившие Францию от Наполеона. С тех пор и закрепилось во французском языке.
Дэннис уткнул самодовольную бороду в меню заведения. Иногда он бывал решительно противен.
— Эй! — Лена прервала изучение карты вин большим знатоком русско-французских речевых конструкций. — Смотри сюда. Любой малолетний зареченец знает, что. Название. «Бистро». Никакого. Отношения. К русским. Не имеет. Происхождение слова как-то там связано с дешёвым алкоголем и впервые появилось во французском языке лишь в конце XIX века, когда в Париже никаких казаков не водилось. Наслушаются всяких баек и выдают потом себя за знатоков России. В офисе своём будешь подобными пошлостями авторитет поднимать. Я, так и быть, никому не скажу.
— Точно? А если проверю? — Дэник потянулся за телефоном.
— Проверяй, но я спорю лишь тогда, когда в чём-то уверена на сто процентов. Только вначале закажи, знаешь что? Говядину по-бургундски — с грибами там, с картошкой. Есть здесь такая? Мама делала, хочу сравнить. А я в туалет пока: в ресторане твоём поднебесном никогда бы не отважилась — там, похоже, можно экскурсию встретить для провинциалов, желающих приобщиться к высшему обществу.
— Для Д'Артаньянов из Гаскони?
— Для них, болезных.
Вернувшись из дамской комнаты (почему «дамской комнатой» принято называть, пардон, отхожее место? есть в этом что-то от гоголевской грязной тарелки, которая не воняет, а «нехорошо себя ведёт»), Лена обнаружила Дениса у барной стойки, подошла. Тот как раз дописывал что-то на салфетке, завершил телефонный разговор традиционным «о'кей, гуд лак» и выглядел несколько задумчивым, что ли.
— Всё в порядке? — Лена давно уже всякий неожиданный звонок воспринимала как скрытую угрозу.
— Есть новости, — голос Дэна звучал спокойно, не тревожно. — Скорее, хорошие. Сейчас расскажу. Пока посмотри вот это, положил перед Леной свежий вечерний выпуск «Ле Монд». Коньяк будешь?
Заказал два мартеля у бармена, кивнул на высокий табурет рядом.
— Что здесь? — французского Лена не знала, но портрет генерала Седых на обложке был нехорош. Фотограф подобрал ракурс снизу, хищно увеличив подбородок и ноздри нового лидера Революции Гордости, «русского Де Голля», как его привыкла называть восторженная парижская пресса.
— Седых распустил Конституционное собрание, объявив работу над новым проектом Конституции неактуальной в условиях экономического кризиса. Новый председатель Конвента наделяется чрезвычайными полномочиями, грядут масштабные кадровые перемены, власть в регионах переходит к военным комендатурам. Финита ля комедиа. Предлагаю помянуть Россию. Не чокаясь.

В бистро меж тем зашли юноша с девушкой, размотали толстые шарфы с тонких шей, присели у стойки. «Только недорогое, Валера», — строго указала спутнику по-русски девушка с каштановыми волосами. Лена улыбнулась, глянула на Дениса, тот зажмурился от удовольствия: в Париже куда ни плюнь, попадёшь в русского человека. Пара тем временем сделала выбор в пользу столового белого, и длинноволосый Валера заказал бармену вино на английском. Английский у парня был не очень хорош, впрочем, у бармена ничуть не лучше. Дэник с дружелюбным американским нахальством уточнил нюансы заказа для обоих

высоких договаривающихся сторон, протянул руку, представился:
— Dennis.
— Valeriy, — ожидаемо ответил Валера.
— Phiokla, — менее ожидаемо прозвучало представление девушки.
— Как? — вырвалось у Лены. — Фёкла, серьёзно?
Что-то мелькнуло в памяти, связанное с этим странным именем, и лицо девушки на секунду показалось знакомым, но уставшая от парижских впечатлений Лена не стала напрягать нейроны.
— Серьёзно, — вздохнула девушка. — Иностранцы не поражаются, но у русских всегда одинаковая реакция. Даже в Париже.
Лена рассмеялась:
— Везёт нам сегодня в Париже на русских. Такое ощущение, что казаки отсюда и не уходили, правда, Дэник? Пойдёмте к нам за столик. Голодные?
За мясом по-бургундски (вкусное, но другое, не как у мамы) выяснилось, что Валера с Фёклой тоже летят в Америку — только не завтра утром, а послезавтра, и не в Вашингтон, а в Лос-Анджелес. А через Париж ровно по той же причине, что и Денис с Леной, — очередной приступ пандемийных европейских ограничений оставлял для россиян сложную, но единственно возможную схему отбытия в нужном направлении: через Киев на Орли и дальше через Атлантику. Четвёртая пандемия откаталась катком по Франции ещё летом, а братья-славяне давно забили на европейские рекомендации и отменили все ограничения на въезд и выезд из страны. Евросоюз второй месяц грозится применить к Киеву санкции, но украинское правительство рассказало, на чём оно будет их вертеть, и сообщило, что тогда отключит им российский газ. Нескучные внутриевропейские взаимоотношения пока выливались в прикладную возможность перемещаться из одной географической точки в другую для редких рисковых скитальцев по пандемийной планете.
— Какова надобность у вас в Лос-Анджелесе? — не вполне родной русский язык иногда получался у Дэнниса переходящим в британский чопорный.
— Это не у меня, это у Валеры, — весело махнула каштановой гривой Фёкла. — По нему Голливуд плачет.
— В каком смысле? — заинтересовалась Лена.
— Да не слушайте вы её, — отмахнулся спутник Фёклы. — Никто по мне не плачет, просто так получилось.
— Он выиграл сценарный конкурс короткометражек, — девушка взяла Валеру за руку. — В одном там русскоязычном журнале объявили, Валерка отправил и победил. А потом голливудский продюсер письмо прислал с приглашением. Вот и собрались вместе, хоть они только ему билет оплатили.
— Слушайте, это серьёзная удача, — поднял бокал Дэн. — Пробиться на сценарный рынок в Голливуде очень сложно, а уж найти заинтересованного продюсера почти нереально. За вас, за тебя, Валерий. Пусть всё получится.
— Спасибо. Там небольшая компания, работающая в нише альтернативного кино. Вряд ли стоит рассчитывать на что-то серьёзное. Но какие-то добрые слова написали про мой доморощенный нуар. Ну, пусть, почему бы и нет.
— А ты чем планируешь заниматься? — спросила Фёклу сочувствующая Лена.
— Не знаю, — честно ответила девушка. — Так-то мы оба художники, выпустились в прошлом году. Комиксы попробую рисовать.
— Забудь, — авторитетно запретил Дэннис. — Здесь точно ничего не светит. Таких художников в Америке каждый второй.
— Ну и ладно, — беспечно мотнула головой весёлая Фёкла. — Что-нибудь придумаю, на месте разберёмся.
— Не страшно из России уезжать? — поинтересовалась сама внутренне неуверенная в правильности своего отъезда Лена.
— Не то чтобы страшно, — ответил за Фёклу Валера. — Жалко. У нас там всё интересное

только начинается, жизнь кипит настоящая, перспективы отличные — да что я вам рассказываю. А тут впереди скучная Америка. Жаль.
— Но мы в любом случае ненадолго, — вмешалась Фёкла. — Даже если у Валерки всё пойдёт хорошо. Потом ведь и дома можно будет сценарии писать. Просто сейчас осмотримся, приглядимся к Голливуду. Интересно же. А через полгода домой.
— Максимум через год, — подтвердил рассудительный Валера. — В гостях хорошо, а дома лучше.
— Мы тоже ненадолго, — согласилась с пословицей Лена.
— Не факт, — неожиданно возразил ей Денис.

Уже в номере, после выпитых в бистро двух бутылок вина, половины бутылки мартеля и тёплого прощания с юными покорителями Голливуда, Дэн расказал Лене, что через пару недель они из Вашингтона полетят в Кению — на год, а скорее всего, на два. Проклятый бесконечный вирус выкосил тамошнюю редакцию, и получившему повышение старшему продюсеру Дэннису Косински предложено возглавить восточноафриканский офис журнала. Такие дела.
Россия удалялась от Лены с медленной неотвратимостью уходящей по реке баржи в караване буксиров северного завоза. Она увозила в дальний туман могилы мамы, деда и Риты, пропавшего в неизвестности дядю Лёшу Куницына, милого тихого пьяницу Юру, Нину Лечинскую, спавшую в наркодиспансере под капельницей с физраствором, греющего руки у печки на Звезде-3 хорошего, родного папку, чужую Москву и знакомый до последнего переулка Зареченск.
За окном мигал ночной иллюминацией Париж, а рядом смешно сопел во сне детскими губами Дэник. «Что ж, пусть, — смирилась с фатальным Лена Стольникова. — Пусть. Значит, так надо».
Спать до утреннего рейса на Вашингтон оставалось два часа.

Запись на салфетке в бистро Дэнниса Косински.
«Нью-Йорк — Найроби, через четырнадцать дней. Позвонить Джулии, пусть оформит второй билет на рейс Лене. Бердин? Поднять цифру контракта, поедет. Суахили? Английский?
Фильм был про львов-людоедов в Серенгети с Вэлом Килмором. Дать Лене посмотреть. Нет, не давать. «Призрак и тьма», да.
Welcome to Kenya, Mr and Mrs Kosinsky. Goodbye, Russia, goodbye».

Глава 4
Стольников
Хлопок одной ладонью — невелик фокус. Вот руки самому отмыть с мылом, поливая их тёплой водой из чайника, — совсем другая практическая задача. Но кто ж тебе тут на них, жирных от мытья нехитрой посуды, сольёт? Всё сам, брат, всё сам. Стольников вытер так и не избавленные до конца от неприятной липкости ладони об объявленную полотенцем некогда белую вафельную тряпку, закурил, удовлетворённо оглядывая оттёртую мыльной водой клеёнку на столе, развешанные на стене сковородку с поварёшкой и шумовкой, сложенные на деревянной полке миски и ложки. Заметённый веником с пола к топке железной печки мусор дополнял идеальную картину мира в этом частном уголке Вселенной, укрытом таёжным снегом в десяти километрах от бывшего спецпоселения для исправленцев Звезда-3. Даже Пират, казалось, был доволен наведённым порядком в оставляемом ими зимовье: лежал, положив лобастую голову на передние лапы, одобрительно щурился на огонь в печи.
Старую, срубленную лет тридцать назад охотничью избу Стольников нашёл ещё ранней осенью, когда выбирался в редкий выходной день с ружьём и спиннингом исследовать дальние окрестности с прицелом на грядущий отпуск после завершения проекта «Лекция».

Выбитая бетонка довела его тогда до разрушенного моста через широкий таёжный ручей, называемый в здешних местах ключом. Свернул вниз по течению, нашёл старую тропу запущенного путика и вышел по ней километра через три к месту впадения ключа в речку Воймакан. На поляне у крутого берега стояло зимовьё с давно выбитыми окнами и развалленными внутри печкой и нарами — скорее медведем, чем росомахой.
Нина тогда уже уехала в Москву, к более широкой линейке алкогольной продукции и менее заметному публичному проявлению признаков зависимости от спиртного. Виктор Андреев проникся идеей улучшения этого мира в конкретной точке, отправил прапорщика с тремя толковыми бойцами на пару дней к избе. Те завезли несколько досок, поправили интерьер и чуть развалленную крышу, забили окна двойным полиэтиленом, плотно подогнали дверь с надёжным засовом, напилили чурбаков из сухостойной лиственницы. А уже ближе к отбытию полковник Мошкин помог с доставкой посуды, свечек, топора и прочих элементов нехитрого таёжного быта, к которому так стремился директор проекта «Лекция».
И вот сейчас бывший директор, а ныне добровольный отшельник непонятного статуса сидел у дожирающей последние поленья печки, напитывался теплом перед лыжным переходом обратно на Звезду-3. Так себе прошла трёхдневная охота на ключе: пяток ощипанных и опалённых рябчиков да один глухарь не слишком загрузили добычей стоящий на улице под навесом рюкзак Стольникова. Зато идти будет легко, ненатужно по своему следу, занесённому уже ночной позёмкой, выстудившей под утро зимовьё. Мало нынешней зимой снега выпало, можно в декабре с собакой по тайге ходить, по глубокому-то вымотается быстро, устанет.
Помощником Пират оказался никудышным, постоянно дурашливо носился вокруг охотника, больше разгоняя таёжную живность, чем занимаясь её отслеживанием. На второй день Стольников привязал лайку у избы и лишь тогда сумел подобраться к красавцу мошнику на выстрел. А на обратном пути к зимовью вышел на стайку рябчиков, кормящихся из-под снега ягодами голубики. Тут уж и без собаки никакой сложности в добыче перепархивающих по кормовой базе птиц не было.
Отрубленные на колоде у избы лапы и крылья боровой дичи обиженный Пират обнюхал, но восторга не проявил. Потроха, правда, сожрал — вежливо, будто делая одолжение уставшему добытчику. Так же вежливо и без особого интереса он отнёсся по дороге на Воймакан к свежему следу кабарги, в который обрадованный возможным мясом Стольников едва ли не ткнул Пирата мохнатым носом. С рабочей собакой можно было попробовать загнать мини-оленя на отстой по крутому берегу речки, но где ж её тут, рабочую, взять? Здесь у нас сплошная интеллигенция, лежит вон, думает, как бы в домашний коттедж на Звезде переместиться от здешней печки без утомительного похода по холодной снежной тайге. На то мы и интеллигенты, чтобы мечтать о несбыточном. Однако пора и в путь, дорога сама себя не сделает.
Стольников занёс в избу несколько поленьев, сложил их к стене у печки, бросил сюда же пласт бересты. Снял полую консервную банку с поддувала, чтобы меньше золы осталось от прогорающих дров в печи. Осмотрелся — вроде ничего не забыл. Вышел на солнечный, хрустящий от лёгкого мороза снег, подождал, пока выбредет живой укоризной из тёплой избы Пират, пристегнул лыжи, накинул рюкзак, повесил на шею ружьё. Потрепал по башке собаку: «Вперёд, дружище Штирлиц». Дружище смирился с неизбежностью, повеселел и потрусил по запорошенной лыжне, отряхиваясь от сыпавшейся с кустов лёгкой снежной кухты.

Выбравшись с узкого путика — замусоренного валежником, извилистого, пересекающего крутые распадки ключей — на ровную, занесённую снегом старую бетонку, Стольников отшагал по ней ещё с километр до удобно лежащего неподалёку от дороги ствола старой лиственницы. Снял лыжи, рюкзак с горизонталкой, разгрёб валенками снег до пожухлой травы. Наломал тонких горючих веток с поваленного дерева, сунул под них вынутый из кармана лоскут бересты, чиркнул спичкой. Костерок занялся быстро, весело. Оставалось

плотно набить снегом небольшой котелок и пристроить его на удобно протянутой над огнём крепкой ветке от ствола лиственницы.
Уставший Пират устроился на расчищенном пятаке боком к теплу огня, вылизывал лёд из натруженных подушечек лап. Стольников перекусил пожаренным с вечера рябчиком, бросил перед мордой собаки оставшиеся кости с пригоршней сухарей. Пёс лениво собрал со снега свою пайку, деликатно похрустывая остатками не из-под него добытой птицы и понимая, что полноценный ужин им с охотником положен только вечером, после утомительного перехода до домашнего коттеджа с уютной лежанкой у входа и тёплым диваном у радиоприёмника. Понимал это и Стольников, катая во рту карамельку под горячий чай, приправленный ветками торчащей неподалёку из снега смородины. Вспоминал, что чай со смородиной — именно веточками, не листьями — научил их с Лёшкой Куницыным заваривать на первых выходах в тайгу, ещё на начальных курсах университета, Вася Рымников, каждое лето проводивший школьные каникулы в деревне у деда-охотника. И правильный костёр складывать научил, и следы читать на снегу, и стрелять навскидку — они-то с Лёшкой городские были в третьем поколении, без таёжных корней и без понятия. Хорошо, что у них был Вася. Как-то ему там сейчас, где нет ни революций, ни чекистов, ни конвентов? Стольников посмотрел на синее небо, окаймлённое черными силуэтами елей. Тайги там тоже, наверное, нет. А жаль.
Надо будет собраться с Лёшкой по возвращении в Зареченск, сесть помянуть Опоздайку. Страна к тому времени уже забудет своего недавнего народного героя, да и хер с ней. Он для них с Куницыным был своим, а для страны — вообще не факт. И для Леночки дядя Вася остался родным человеком, и для Нины, в общем, не чужим, хоть и с некоторой настороженностью она к Рымникову относилась, с недоверием даже. Как они все там сейчас, на большой неуютной земле? Хочется верить, что дочь выполнила обещание помочь Нине справиться с резко и неожиданно нагрянувшей бедой русского человека, искони не щадящей ни мужчин, ни женщин. Да Нина и сама сильная, выйдет из непонятного, не может не выйти. Всё обойдётся, всё образуется. Обязательно, иначе зачем всё это было, вся эта долгая и путаная история жизни в странной стране, лишённой свободы, куда нужно сейчас возвращаться, как бы этого ни не хотелось.
«Не хотелось возвращаться», «возвращаться не хотелось» — всю оставшуюся до Звезды дорогу в голове Стольникова крутились глаголы, пытавшиеся уложиться в стихотворную строфу без других членов предложения, всех этих существительных, прилагательных, наречий, сделав её законченной формой одной части речи. И уже в плотных сумерках, в виду открывшейся со склона сопки панорамы бывшего поселения пазл придуманного экзерсиса окончательно сложился, оставалось только записать его в блокноте, лежавшем, как отчётливо помнил Стольников, на столе у окна, рядом с чайником.
Бредущий сзади по лыжне Пират догнал охотника, радостно боднул головой: «Чего встал, вон там дом внизу, шагай быстрей печку растапливать да еду мне варить». «И то верно», — согласился вслух Стольников и покатил вниз к Звезде-3, подтормаживая длинной, лёгкой ухватистой палкой, незаменимой в лыжных таёжных марафонах.

У жилого домика сердце Стольникова сорвалось в убыстрённый радостный ритм: свежий след от снегохода провёл ровную черту с дороги до крыльца и потянул в направлении дальнего небольшого коттеджа. Из трубы бывшей резиденции полковника Мошкина шёл лёгкий весёлый дымок. Пират обнюхал след, помотал башкой, чихнул, вопросительно глянул на охотника, отцепляющего лыжи: «Ты же вначале меня в дом запустишь, печку затопишь, кашу поставишь мне варить, да? А потом иди куда хочешь к своим двуногим, которые опять тут появились, ждали их здесь, как же». Трудно спорить.
Стольников открыл навесной замок, впустил пса, чиркнул спичкой под берестой, заранее положенной под поленьями в печи. Поставил на конфорку кастрюлю, залил в неё принесённой из колодца воды, сыпанул из мешка комбикорм. В другую кастрюлю — чистую, поменьше — тоже налил воды, бросил пару рябчиков: гости всё же объявились, встретить

нужно по-людски.
Сидел, давая отдых натруженной спине, гадал, кто проложил буранницу до Звезды-3 и по-хозяйски расположился в коттедже Павла Егоровича. Вряд ли сам полковник Мошкин решил нанести визит вежливости с последующей эвакуацией недавнего начальника: непохоже было, что столичный контрразведчик вообще умел обращаться со снегоходом, да и, судя по следу, тот тянул за собой тяжело груженные нарты. Зачем Мошкину ехать сюда с грузом? Скорее всего, выбрался на протекающий неподалёку Воймакан какой-нибудь охотник из райцентра — дело к Новому году, страна уже, поди, на каникулы ушла, вот и заехал наудачу за мясом. Следов изюбриных штук пять они насчитали сегодня с Пиратом, возвращаясь домой. Подходит сюда теперь зверь, чует, что люди ушли со Звезды, не боится.
Ладно, чего гадать. Сейчас дизель запустим, сходим в гости, узнаем, чего да как. Договоримся заодно о выброске на Большую землю: не сейчас, так в следующий раз — народ в Сибири отзывчивый, людей в тайге не бросает. Да и не за так же, а за деньги. Посмотрим.
Стольников вышел за коттедж, дёрнул стартёр дизеля, занёс с крыльца рюкзак с ружьём в осветившееся маловаттной лампочкой и чуть уже согретое теплом раскалявшейся печки жилище. Ноги всё ещё гудели, никак не хотели одолевать лишние сто метров до мошкинского коттеджа. Малодушно с ними согласившись, Стольников прикурил ещё одну сигарету и включил радиоприёмник, узнать, чем живут страна и окрестности. Страна жила транслировавшейся сквозь треск и завывание радиопомех приветственной речью генерала Седых перед участниками учредительного съезда Фронта юных добровольцев, продолжавших традиции пионерского и скаутского движения, наследников славного прошлого российской армии, молодых патриотов России, защитников слабых и грозы хулиганов. «Юных добровольцев фронт!» — задорным командирским голосом зачинал Седых. «Нашей Родины оплот!» — отвечал дружный хор официальных тимуровцев нового российского времени. Стольников поморщился, ему всегда был больше симпатичен живой Мишка Квакин, чем правильный, но картонный Тимур и его команда. Кривая рифма патриотического официоза напомнила о блокноте, лежавшем на столе у чайника.
Запись получилась короткая, как рецепт. Стольников наконец нахлобучил шапку, спросил у Пирата: «Или нам, мальчишам, сидеть дожидаться, чтобы буржуины пришли и забрали нас в своё проклятое буржуинство?» Пёс, следуя заветам писателя Гайдара, согласно зарычал в сторону двери и вскочил на ноги. Крыльцо заскрипело, и в обиталище Стольникова зашёл гость в ярко-синей аляске с меховой оторочкой. Закрыл поплотнее дверь, обернулся в облаке холодного пара, поздоровался: «Вечер добрый, Николай Николаевич». Откинул с лица капюшон. Гостем оказался бывший представитель спецконтингента проекта «Лекция», экс-министр Госнадзора Евгений Станиславович Артёмов.

Стольников рефлекторно поздоровался в ответ, стянул с головы оказавшуюся ненужной шапку. «Как перед барином», отметилось внутри. Неловко вышло, но не надевать же назад. Досадуя на себя, сел, дал команду Пирату успокоиться: «Свои!» Хотя какой ему Артёмов свой? Мысли роились неотчётливые, разнонаправленные, от панических до радостных: людей на Звезде не случалось вот уже скоро три месяца, а тут человек объявился. Ну как человек — Артёмов, но всё же.
— Присяду? — генерал ГСН кивнул на свободный стул.
— Окажите милость, — Стольников неожиданно перешёл на вежливый старорусский. — Какими судьбами, Евгений Станиславович?
— Долгий разговор, Николай Николаевич. Расскажу потом, если у вас будет время и желание для разговоров.
— Особого желания нет, — Стольников наконец решил расставить акценты. — Да и времени, полагаю, тоже. Вы же не откажете в нижайшей просьбе отвезти меня завтра до райцентра? Засиделся я здесь, пора домой возвращаться.
— Откажу, — не без удовольствия ответил Артёмов. — Добрый самаритянин, доставивший

меня сюда из посёлка за две тысячи нерусских денег, уже отбыл домой, к жене, детям и праздничному телевизору. Обещал вернуться с запасом продуктов в середине февраля, тогда, пожалуй, и сможете уехать. Если захотите.
— Две тысячи? — переспросил ошеломлённый не столько известием о своём дальнейшем таёжном заточении, сколько несусветной цифрой старожил здешних мест.
— И на эту сумму еле сговорились, — подтвердил новоприбывший. — Закрытая ныне зона вокруг Звезды-3, Николай Николаевич. Армейский блокпост выставлен на дороге, шлагбаум. Нужно понимать, это вас тут так усиленно охраняют товарищи по революции, больше некого. Так что пришлось окольными путями находить местного проводника с транспортом и доплачивать за секретность доставки. Впрочем, как я понимаю, впускать сюда — невеликое нарушение, а вот выпускать со Звезды-3 никого не велено. Так уж здесь всегда было заведено.
— Так вами, Госнадзором, и заведено.
— Нами, нами. Но победившая и утверждённая вами ныне свобода не примет вас радостно у входа. Такие дела, Николай Николаевич, такие там прискорбные дела.
Артёмов с усмешкой кивнул на радиоприёмник, откуда неслось радостное скандирование хора юных голосов: «Россия! Свобода! Армия!» Закурил, протянул сигарету хозяину.
— Угощайтесь. Я сигарет и на вашу душу захватил, до февраля протянем. Муки привёз, соли, консервов, патронов — не пропадём как-нибудь.
— А вы как узнали, что я тут остался после «Лекции»?
— Обижаете, Николай Николаевич. Больше того, я как услышал про ваш добровольный уход от мира сего, так сразу и позавидовал. Вы мне изначально показались человеком если не умным — не обижайтесь, не надо, — то как минимум тонко чувствующим окружающую действительность.
— Не льстите, Евгений Станиславович. Никакого специального расчёта у меня не было. Давно хотел отдохнуть в тайге с месяц, а тут и случай представился.
— Это называется интуиция. Очень важное качество, редкое... А чем у вас так вкусно пахнет? — Артёмов потянул носом в сторону кипевшей на плите кастрюли.
— Рябчики. Ужинать через полчаса будем, скромно, по-таёжному. Не откажетесь, надеюсь.
— Да вы смеётесь, Николай Николаевич? Похлёбка из рябчиков, что может быть вкуснее для сибирского человека? Спасибо за приглашение, пойду посмотрю, чем смогу украсить наш торжественный ужин.
— Дрова нашли где взять?
— С вашей поленницы и взял, больше негде. Но я и бензин привёз для бензопилы, заготовим дров на двоих, не беспокойтесь, переживём остаток зимы. Чей я домик-то занял самовольно? Вы, надеюсь, не возражаете?
— Живите, мне не жалко, — пожал плечами Стольников. — Полковника Мошкина этот коттедж.
— Павла Егоровича, значит, старого знакомого. Ладно, он не обидится, думаю.
Артёмов включил фонарик, вышел в уже непроглядную уличную темень. Пират после ухода гостя обиженно подскулил. Стольников выгреб из собачьей кастрюли остывшую кашу в пиратовскую миску, вынес её на улицу, выпустил пса кормиться после долгого ходового дня. К ночи мороз усилился, начал прихватывать пальцы и кончик носа. Небо над чёрными силуэтами сосен прочертила долгая, почти горизонтальная полоса павшей звезды. Выжидая, не пролетит ли ещё одна — метеориты над Звездой-3 имели обыкновение падать пачками лотерейных билетов, только успевай желания загадывать, — Стольников пытался честно разобраться в комплексе чувств от случившегося появления нового соседа. Так-то после стольких дней одиночества он бы любому человеку, конечно, обрадовался, но на зимовку к нему объявился совсем не любой, а тот, чьими усилиями отбывала здесь исправление Лена. И Нина. И были поражены в правах Лёшка и Юра. И на чьих плечах держался режим, деяниями которого были заполнены гигабайты отчётов проекта «Лекция». И которого амнистировала своими собственными руками новая свободная Россия — месяц

назад эта новость три дня оставалась главной в эфире трёх доступных Стольникову радиостанций. Непонятные были чувства, путаные.
Звездопад не случился. Стольников дождался, пока Пират вылижет быстро опустевшую миску, запустил собаку в тепло, плотно закрыл за собой дверь, отсекая внешний мороз. Сыпанул в рябчиковый бульон макароны, сушёную морковь, бросил пару лавровых листков. Поставил на плитку чайник.
Любопытно было, что привело сюда некогда всесильного министра ГСН, не разрабатывать же экс-директора «Лекции» он приехал? Да и после смерти Рымникова его бывший товарищ и случайный соратник автоматически перешёл в категорию обычных граждан пенсионного возраста — ну, может быть, в почётном ранге рабочего Николаева, некогда сопровождавшего Ленина до шалаша в Разливе. Нет, ни малейших точек пересечения интересов Артёмова и Стольникова не просматривалось. Да и что даром голову ломать над несуществующей проблемой? Вот печь ли лепёшки к охотничьему кондёру — это дилемма. Сам-то Стольников уже привык обходиться выпечкой хлебных изделий раз на всю неделю, но тут гость нежданный нарисовался — наверное, стоит для него расстараться. Или не стоит.

Проблема решилась сама собой: Артёмов вернулся с буханкой хлеба, банкой маслин, пластом сала и бутылкой водки.
— Три литра спирта ещё привёз, — не стал таить сокровенного. — А это сегодня, на праздник. Проводим старый год?
— Новый год сегодня, что ли? — ошеломлённо уточнил хозяин скита под названием Звезда-3.
— Через полтора часа, — взглянул на наручные часы новоприбывший хранитель поясного времени. — Наливай, говори.
Стольников отвинтил крышку «Сибирской свободной», наполнил рюмки.
— Да чего тут говорить, — Николай с юности терпеть не мог длинные пафосные тосты. — За встречу. Устраивайся, коль приехал. Будь здоров.
Буднично, без лишних брудершафтов перейдя на «ты», выпили. Закусили бутербродами с салом.
— Голодный? — поинтересовался Стольников. — Кондёр положить?
— Голодный, — согласился Артёмов. — Но пока не стану. В Новый год на Руси положено вначале бутербродами с красной икрой закусывать, потом оливье, а уж горячее блюдо — после курантов.
— И поздравления президента Земскова, — не преминул хозяин.
— Не начинай, — равнодушно парировал гость. — Мы тут с тобой сейчас в одном статусе. Без доверия. Оба в режиме поселения на Звезде-3.
— Ладно, рассказывай, чего сюда тебя притащило?
— А куда ещё? — Артёмов вытащил чайной ложкой маслину из банки, разжевал.
— За границу, к жене.
— Она меня никогда не простит. Пусть уж лучше сама там новую жизнь выстраивает, без чужого догляда за моей известной персоной.
— К новой власти мог бы пристроиться.
— Предлагали. Она страшнее прежней обернётся, просто поверь на слово. Нет, теперь уже без меня. Ещё по одной?
— Валяй.
Молчали, курили под новогодний праздничный радиоконцерт певца Олега Безменова. Стольников встал, потрогал кастрюлю с горячей таёжной похлёбкой, достал тарелки, разлил по ним ароматный кондёр, положил куски белого мяса дичи. Налил водку в рюмки, долго крутил свою, наблюдая за отблесками огня в печном поддувале.
— Велик был и страшен год по Рождестве Христовом 2024-й, от начала же революции второй.
— Наступающий двадцать пятый лучше, что ли, будет? — полюбопытствовал смутно

припоминающий цитату Артёмов.
— Оба хуже, — согласился Стольников. — С Новым годом.
— С Новым годом.

В радиоприёмнике началось поздравление гражданам свободной России от председателя революционного Конвента генерала Седых. Пират проснулся, подошел к двери, поскрёб лапой. Стольников взял сигареты, накинул куртку, выпустил пса на улицу. На крыльцо следом вышел Артёмов. Пират вынюхивал свежий след бурундука у поленницы.
В небе мелькнула ещё одна падшая звезда.

Ноябрь 2020 — январь 2022